

Наталья Суворкина
Руна Райдо

16+

Наталья Суворкина

Руна Райдо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57285231

SelfPub; 2020

Аннотация

Роман затрагивает сложные темы человеческих взаимоотношений – любовь, ревность, насилие, дружба и предательство. Путь героев лежит по раннесредневековой Ирландии, история которой изложена в альтернативной версии. Переплетение магии и мифов, колдовство сокрытого народа, приключения, сражения, становление отношений предстанет перед читателем во множестве историй, следующих одна за другой.

Моему мужу.

*Послушай, похоже, опять нашла меня беда,
Я ее отвести не сумела.
Ты знаешь, меня заливают песня как вода
Сквозь перила ажурные тела.
Не важно, крыло ли из арфы, арфа ли из крыла,
Песня тянет ногами суставы.
Она солонa, точно кровь и так тепла,
И в покое меня не оставит.
Хелависа. Мельница.*

В незапамятные времена замок Рорн стоял на острове, но в течение столетий море постепенно отступало, окрестные скалы крошились и, наконец, образовался перешеек, связывавший остров и материк. Правда, был тот перешеек все еще под водой, только мелкой, так, что можно конному перейти вброд, если хорошо знать путь....

Замок этот тысячу лет назад построили альвы в благодарность Лейву Веселому, который спас их короля и знатных членов совета. Дело в том, что совет маленького народа происходил на священном камне на вершине скалы. Моргот чародейством обрушил скалу, и крошки-альвы полетели вниз, на острые пики обломков. Лейв отразил щитом летящие камни и поймал всех альвов в свой плащ. В награду он попросил замок-городок на острове, прекрасный и непри-

ступный и с суши, и с моря: из-за мелей на боевом корабле близко не подойти.

Прошли века, и замок был уже много раз перестроен: от альвовой постройки остался только фундамент, подземные ходы, усыпальница, темница, несколько тайников и выходов за стену к морю, да древний колодец. За протекшие столетия и городок сильно изменился. Там было все как в столице, как положено в наши благодатные времена – улочки мостили розовым камнем, домики из светлого песчаника утопали в каскадах глициний. Богатые купцы могли позволить себе большие дома причудливой постройки – с башенками, витыми наружными лесенками, слюдяными окошками, смотревшими на пестрый шумный рынок, собор или круглую площадь с источником, бьющим из каменной пасти неведомого чудища, обитающего, по слухам, в Святой земле.

И вот, однажды, когда на море уже опустились сумерки, на горизонте показался корабль. Гости были хорошо осведомлены об опасностях мелей: встали на приличном расстоянии и спустили лодку. Служители зажгли огни, обозначая фарватер. Лодка была небольшая – три пары гребцов – но очень красивая. Горели позолотой резные борта в свете факелов, и носовая фигура змея смотрела на наш городок красными глазами огромных сардониксов. Лодка заскользила к берегу, а корабль растворился во мгле. Городская стража направилась навстречу, имея на борту чиновника для

досмотра груза и взимания соответствующей подати. Владелицей лодки назвалась молодая женщина, которая, к их удивлению, прибыла одна. Гребцы были ее рабами. У женщины не было никакого товара и даже собственного скарба. Только то, что на ней – алое бархатное платье и мешочек из меха куницы на поясе.

ПРОЛОГ

1.

Сначала он поехал к Беру. Две недели они охотились, возвращаясь в дом лишь за хлебом и выпивкой, да мясо копченое повесить в погреб. Затем тревога и тоска взяли свое, и Асмунд отправился в замок. Первым делом зашел к старым знакомым в помещение для дозорных, занес подарок – медовухи от Бера. Медовухе приятели обрадовались, но в глаза смотреть избегали.

– Слушай, Асмунд, не велено тебя пускать-то, а, напротив, задержать и доложить... Такие дела, брат. Ты вообще-то чего хотел?

– Да, собственно, ничего. Только узнать, здесь ли Сольви. Просто убедиться, что с ней все в порядке.

– Она в замке, но ты лучше, знаешь что, иди... Мы тебя проведем по галерее и выпустим через нижнюю караулку, решетку поднимем. Пока Хауг на озере с Волчатами тебе самое дело – убраться.

– Я понял, спасибо.

Пока шли по стене, Асмунд успел увидеть вдалеке у зарослей шиповника девичью фигурку в платье глубокого синего цвета. Хорошее платье. Она собирала с куста ягоды – не посмотрела вверх...

На озере. Купается он с юнцами, тренируется. Ладно.

* * *

Молодые Волки рады были неожиданной и такой приятной передышке: возможности посидеть на прохладной траве, наблюдая, как молодой король и олдермен Асмунд разомнутся, скрестив тренировочные мечи. Без щитов и защиты.

Король и лерд слегка склонили головы в традиционном приветствии, но начинать не спешили. Просто молча стояли в расслабленных позах, глядя друг другу в глаза. Но даже новички в мечном искусстве понимали, что спокойствие это обманчиво. Меч короля Хауга опущен. Стойка «Глупец». Но *глупцом* будет тот, кто не видит, как легко атаковать из этой позиции восходящим режущим ударом. Из нее так же легко отразить любой удар и перейти в контратаку. Асмунд расслабленно стоит вполоборота, клинок лежит плашмя на плече. Это готовый замах для нанесения мощного рубящего сверху – позиция экономит силу и энергию.

– Может, возьмем свои мечи, а, Асмунд? Может, ты думаешь, я тебя боюсь?

– Нет, боевыми нам драться не стоит, вдруг увлечемся и поцарапаемся. Ты не забыл еще, что мечи наши побратимы,

как и мы. Мы не можем сражаться ими друг с другом.

– Друг с другом? А может, ты просто трусишь, друг Асмунд? Тогда зачем явился? Моя мать два раза за одно и то же не платит.

Неожиданный нижний удар в пах был нанесен с такой силой, что будь клинок заточен – развалил бы Асмунда до горла, не успей он резко шагнуть назад, разрывая дистанцию. Отроки перестали дышать – зрелище началось.

Олдермен немедля сделал обратный шаг и нанес сокрушительный удар сверху справа налево – знаменитый «Удар Гнева» – таким диагональным ударом в ключицу, если он хорошо поставлен и отработан, можно разрубить человека до пояса, а тренировочным мечом – отбросить назад со сломанным плечом. Удар, наносимый на шаге задней ногой вперед с разворотом, за счет большей инерции сокрушает щит, пробивает выставленный блок. Единственное спасение от него – ответный удар на шаге прямым лезвием навстречу, с уходом в диагональ с линии атаки. Если успеть, конечно. Молодой король успел – свой меч он выбросил на выпрямленных руках наперевес – лезвие против лезвия, поймал меч Асмунда на сильную часть клинка у гарды, а кончик своего врубил ему в висок у левого уха. Защита и контрудар слились воедино, в один момент времени с судорожным выдохом зрителей.

– Что, друг Асмунд, дать тебе время очухаться? Рассказать пока, как поживает наша птичка? Теперь она поет мне. Потому, что ей хорошо. Она целует мои глаза, расчесывает

волосы. Мы любим друг друга днем и ночью. Когда я вхожу в нее сзади, я шепчу ей разные глупости, и она стонет от наслаждения, моя Сольви.

– Много болтаешь, Хауг. Это обычно приводит к поражению.

– О, ты по – прежнему учишь меня, как старший брат, ведь ты такой умный. Такой уравновешенный. А может лучше ровно повешенный, а?

Ты, похоже, забыл, что я король, а ты – последыш побежденного народа, мой данник и слуга.

– Ты не можешь пролить мою кровь, если хочешь расправиться – повесить лучший выход. Поверь, Сольви уехала со мной по доброй воле. Я думал, что смогу дать ей защиту и собственный дом.

– Защиту? Она тебе самому понадобится! Вижу, ты уже в порядке, ну, давай!

Хауг атаковал, используя комбинацию быстрых рубящих ударов под разными углами. Кружась, он не позволял Асмунду сократить дистанцию, поскольку был выше и имел более длинные руки. Олдермен же пытался навязать ближний бой и перевести схватку в борьбу, используя преимущества веса и физической силы. Прижать к земле, приложить головой о корни и дать, наконец, по роже разок-другой. Попортить красоту ... королю...другу, брату и будь, что будет...

– Как ты смел послушаться моей матери?! Она переставляет нас, словно фигуры на доске и твердит «равновесие сил,

путь рун, путь правды...», а сама просто творит с нами, что хочет при помощи обычной подлой лжи. Они с Хрицвергом меня хотят женить на какой-то полудохлой мухе из ваших Старых семей... чумазных козопасов. Чтобы родить им правильного короля. Я что им, жеребец?! Да срать мне на ваши равновесия, срать я хотел...

Он чуть не пропустил внезапный удар в кисть сбоку, но успел увести руку.

– Пусть Эйрик лагман и Отец порядка сами кроют своих племенных кобыл, если это так необходимо. А я буду любить мою Сольви. Ты еще не забыл, как это чудесно – делить с ней ложе, Асмунд? Или ты предпочитал, как и я, иметь ее, поставив на колени?

Хауг хотел разобидеть и разозлить противника, но вместо этого, сам распалился и утратил внимание. Простейший финт, автоматический ответ человека, чья голова занята подбором обидных слов – и он немедленно получил колющий удар в живот такой силы, что от боли перехватило дыхание, и он, согнувшись пополам, едва удержался на ногах.

Несколько отроков бросились к ним, но Асмунд остановил их жестом, и они не посмели подойти.

– Намочите в озере рубаху, у короля синяк будет знатный. И не мешайте, нам надо поговорить... Он подошел к Хаугу и заглянул прямо в глаза.

– Больно? Мне тоже. Но я приехал не за тем, чтобы снова попытаться отнять... то, что так дорого нам обоим. Я при-

шел попросить у тебя позволения отправиться в свой удел. А перед этим удостовериться, что у меня по-прежнему есть не только король, но и брат.

– Тебе разве нужно мое позволение? Впрочем, ты хорошо сделал, теперь я увидел тебя и больше не хочу убить. Но если ты явишься снова...

– Только если тебе понадобится мой меч и мои люди.

– Убирайся. Я освобождаю тебя от клятвы. Ты более мне не слуга и не брат. Отныне не призову тебя. Ты слышишь?!

Асмунд кивнул, протянул одному из отроков тренировочный меч и пошел отвязывать Зверя.

– Я построю для нее золотой замок как в сказке...я...

Но Асмунд уже не слышал. Сильный ветер сегодня на озере. Такой резкий, что выбивает слезы.

2.

От каменных плит пола тянуло заgrabным холодом, не спасали и поддетые под юбку шерстяные штанишки, а мрамор столешницы просто обжигал. Бренну давно не слушались пальцы, она работала очень медленно. Надо было измельчать в ступке и раскладывать в зеленые толстостенные склянки сухие травы, привязывать к горлышку тряпицы с названиями. Вот цветки ромашки и зверобоя, а вот мелиса и укроп вместе со стеблями – их надо мелко порезать. Купена пахнет почти как ландыш, но после нее надо мыть руки – она ядовита много сильнее. Ага, ледянущей водой из бочки

на лестнице... А вот лист крапивы приятно растереть между пальцами – она вдыхала слабый в морозном воздухе запах прошлого лета. Но самые ароматные – смеси кипрея и жимолости с жасмином или с лепестками шиповника – это заваривать кипятком и пить как взвар. Монастырь заготавливает смеси в больших количествах, теперь уже купцы берут. Неужели все это росло здесь, в саду? Сейчас аптечный огород можно было найти лишь по каменной фигуре Целителя, стоящего в снежной шубе на пересечении дорожек, разделяющих крестообразно посадки.

Пальцы ног уже пощипывало, а до колокола к трапезе оставалась еще вечность в ледяном аду. Послушницы встают очень рано. Глаза Бренны жгло. От недосыпания и постоянного напряжения зрения в сумраке снова разболелась голова. Она подошла к узкому окошку и прижалась лбом к мутному неровному стеклу. Темная фигура медленно пересекала двор. Бренна поскорее вернулась к столу: сюда идет мать Арисима и, конечно, скажет, что сделано очень мало.

– Ты хочешь согреться в бане? Госпожа аббатиса приглашает тебя присоединиться к ним.

– Но...

– Вероятно, она хочет поговорить с тобой. Не беспокойся, я передавала о тебе лишь хорошее, и прочие сестры – тоже.

Пока пересекали два сквозных двора, казалось, что на них набросилось колдовское войско самой Морриган. Ледяные секиры обрушились на их шеи и головы, стрелы мороза и

ветра вонзились в легкие, изранили лица. Добежали не дыша.

Уже в предбаннике было так тепло, живительно тепло. Мать Арисима вдруг повернулась и, не говоря ни слова, ушла. Брена, робея, приоткрыла дверь в купальню.

– Быстро заходи и закрой скорее, тепло уходит. Что вы все шастаете туда-сюда! – раздался веселый молодой голос.

Девушка вошла и остановилась посреди просторного круглого помещения, мозаичные стены которого были покрыты испариной. Монастырь был перестроен из римской виллы, здесь изначально была баня. Ее одежда сразу стала сырой от пара, такого густого, что она едва разглядела небольшой бассейн, в котором отдыхали четыре юные женщины. По бортикам были расставлены кувшины, бокалы тонкого ронийского стекла, блюда с фруктами, сырами и сладостями. Бренна опустила глаза, до скромного обеда в общей трапезной оставалось еще два часа. У ее ног резвились разноцветные мозаичные рыбы. Пахло розовым маслом и шалфеем.

– ...Да пребудет над нами милость Господня. Бренна поклонилась и опустила глаза как подобает послушнице, стараясь не смотреть на проступающие сквозь клубы пара обнаженные прелести своих начальниц.

– Вы хотели меня видеть матушка настоятельница?

– Да пребудет. Хотела. Ты в одежде собираешься стоять? Тут баня, милочка. Ступай в предбанник и раздевайся. Да

побыстрее.

– Какая-то она замороженная. Впрочем, неудивительно, у девочек далеко не так тепло.

– Она стесняется.

– На вид дуреха. И не скажешь, что такого знатного рода...

– Прекрати, Эстер.

– Ну, заходи, закрывай же дверь. Гева, возьми мыло и помоги нашей гостье. И волосы ей помой хорошенько.

– А она ничего, только худая и бледная. Надо откормить, может тогда и грудь вырастет.

– Я же сказала, перестань. Напилась, веди себя прилично. Не смущайся Бренна, тебя ведь Бренной зовут? Окатись. Теперь иди сюда, залезай к нам. Возьми бокал. Бери, бери, ну, пей. Тебе нравится в монастыре?

– Да, госпожа настоятельница.

– Нам тоже. Вот это мои близкие подруги – сестра Рута, сестра Эстер и сестра Вайлиса. Меня можешь называть Бетой, конечно, только здесь. Слушай, ты, наверное, удивилась, когда тебя сюда пригласили. Мы давно уже отдыхаем, немного выпили и беседовали о важных делах... Закусывай, ешь. Гева, куда убрали перепелок? Ну, так принеси еще, она должна поесть, не одних же яблок...

– Спасибо, госпожа. Трапеза не скоро, но мне надо быть на молитве в храме, иначе меня накажут.

– Нет, дорогуша, – вмешалась рыжая Рута – на общую мо-

литву ты сегодня не попадаешь. Не в этот раз. Конечно, тебя разбирает любопытство, почему ты здесь. Наверное, даже страшновато. Ну-ка признавайся в своих грешках, что натворила?

– Я ничего не натворила и мне нечего бояться. Хотя, наверное, все это не сулит мне ничего хорошего.

– Ну так хоть горячей водой помылась, ах-ха-ха... А почему так мрачно?

– Да хватит, девочки, разговор серьезный. Гева, твои услуги больше не понадобятся, ступай. Да потом уберешь, выйди, сделай милость.

– Итак, поведай нам, что же именно нравится тебе в монастыре? Только правду – вряд ли подъем на бдение и постный стол.

– Здесь много книг. Так много, как нигде в мире. Я могу читать и рассматривать дивные миниатюры, матушка Хилена разрешает мне после уборки. И еще мне нравится ухаживать за садом, госпожа. Он большой и прекрасный: с ранней весны до поздней осени цветут растения, которые так разнообразны, совершенны. И в саду много укромных уголков, где можно побыть в одиночестве, подумать...

– Да, спрятаться от придирчивых старших. Или посплетничать с подружками, поговорить, например, о мужчинах или нарядах. Вот, что должно тебя занимать в твоем возрасте.

– У меня, госпожа...

– Вайлиса.

– Госпожа Вайлиса, у меня нет подруг. Была одна, но ее родители забрали, чтобы выдать замуж.

– А ты хочешь замуж?

– Не знаю, госпожа настоятельница. Наверное, пока не очень.

– А чего ты хочешь?

– Я хочу изучать лекарственные растения. Матушка Арисима очень добра ко мне и меня учит. Еще мне нравится рисовать. Она часто велит мне рисовать растения со всеми их частями и плодами.

– Да, она говорила о тебе, что ты хорошо рисуешь, понятлива и послушна. Но опыт подсказывает мне, что в тихом омуте черти водятся. А знаешь ты, что большинство растений, препараты из которых prepares Арисима ядовиты и могут использоваться для зелий и эликсиров, предназначенных не совсем для лечения... Ты знаешь такие растения и их свойства?

– Матушка Арисима говорит, что все есть яд и лекарство, и дело только в дозе. Это слова Целителя.

– Ты не ответила на вопрос.

– Да, госпожа Эстер, я знаю такие растения.

– Какие растения надо взять, чтобы приготовить снадобье для избавления от нежеланного плода?

– Этого нельзя делать, госпожа, это грех и очень опасно. Мне о таком не говорили.

– Ты не умеешь врать, это плохо. Не уметь врать, живя в монастыре – вот, что очень опасно и грех, если тебе о таком не говорили.

– Я умею лгать, госпожа Беата. Но часто не могу понять, за что меня накажут – за то, что лгу, или говорю правду – много знаю и болтаю. От плода женщину могут избавить пижма и петрушка, например, их достать легче всего, первоцвет и лист лавра. И спорынья, если кровотечение не остановится само. Но есть и очень опасные растения, такие как галега. Они могут убить и дитя и мать.

– Надеюсь, никому из нас подобные знания не пригодятся. Ты девственница?

– Да, госпожа.

– Ну ладно, экзамен закончен, правду ли ты ответила на последний вопрос, мы проверять не будем. Я шучу, не красней так...

Давай-ка еще выпьем вина. И мы расскажем тебе, почему нам нравится в монастыре. Ну вот, кувшинчик опустел... итак:

Во-первых, у нас тут много свободного времени, собственные покои и «секретный сад», куда никому из сестер ходить не позволено. Мы свободны от обременительных обязанностей матерей семейств. О насущных делах монастырского хозяйства заботится, как тебе известно, мать келарша и ее помощницы. На литургии ты нас также нечасто видишь. В этом нет необходимости, если, конечно, не при-

езжают важные гости или епископ. Сестры отлично справляются с этим, да и отец капельмейстер у нас просто гений – девочки трогательно поют...

Административные обязанности мы поделили между собой, нас ведь было пятеро. И должно быть пятеро всегда. Почему – узнаешь потом, извини.

Обязанности управления таковы: во-первых – финансы. Производство и хранение продуктов не в нашем ведении, как и присмотр за работой вилланусов, однако приходится иногда вникать в различные нужды с опорой на здравый смысл. Тут соблюдаем принципы внезапности ревизии и неотвратимости наказания тех, кто ворует или трудится кое-как.

Далее: связи с миром – ну там пожертвования, прием паломниц, дела милосердия. И, конечно, госпиталь. После несчастья с нашей дорогой Норой, он остался без присмотра...

Ты со временем увидишь, какое это сложное, хоть и прибыльное предприятие – монастырь. Будучи послушницей, ты даже не задумывалась об этом, не так ли?

– Да, госпожа. Хотя я знаю, что мы заготавливаем травы на продажу.

– Травы? Лекарства... Это капля в море. Основной доход приносят продукты, зерно.

Но надо крепко запомнить правило: не делай сама. Обзаведись толковыми помощницами и спрашивай с них. Раз-

дели свои обязанности между несколькими умными и добросовестными сестрами, покажи, как ценно твое доверие, заставь их добиваться одобрения и конкурировать за знаки внимания. Тебе не придется их проверять или наказывать. Они зорко будут следить друг за другом сами.

Управлять этими хитроумными механизмами очень увлекательно: власть приятна и сама по себе и своими плодами. Теперь пусть скажет Рута, я хочу чаю. Да, вот это чай – попробуй. Горячий настой из очень дорогого сырья – листьев камелии. Привозят редко и издалека, тебе понравится.

– Мне нравится в монастыре, дорогуша, то, что мы тут пользуемся всеми благами и удобствами богатых леди, но не обязаны играть в их скучные игры: следовать нелепой моде, тратить на все эти наряды и побрякушки время и деньги, точнее вести игру так, чтобы отцы и мужья их тратили. Ведь своих денег у этих бедняжек, в отличие от нас, нет.

У нас отсутствуют обязанности перед родом и семейством: вести себя «приличествующим образом», носиться со своей невинностью и тыкать ею в нос – единственное спасение от грубых притязаний возбужденных мужиков. Сперва изображать покорность, скромность и нежные дочерние чувства, что бы ни позволял себе самодур-отец, в полной власти которого ты находишься, потом играть в «невесту». Это, может еще кому-то нравится: иллюзии, помрачение рассудка и то, что я называю «сны разума о любви». Но, частенько, эти странички, увы, вырваны жестокой рукой папаши или брат-

ца. Вот так – даже краткая приятная часть отсутствует.

Правда после законного брака, когда все успокоится, умная дама может организовать себе немного разврата в том или ином подходящем варианте, что весьма бодрит и оживляет... При желании, кстати, это и здесь можно устроить.

Но все равно начнется этот пожизненный унылый «домашний очаг»: терпеть «супружеские отношения», этот... «супружеский долг», как они называют комплекс упражнений, не имеющий ничего общего с добротным сексом, но приводящий к омерзительному, мучительному состоянию беременности. Затем – опасные, сравнимые со смертной пыткой роды и, если не помрешь, кормить прожорливое во всех смыслах потомство, которое не только грудь – всю душу твою высосет, возиться с детским дерьмом и выслушивать докучливые советы пожилых родственниц. Отдельное испытание – кормилицы, няньки и прочая женская челядь. После четырех-пяти актов размножения осознаешь, что тебя больше нет, а из зеркала на тебя глядит из-под отекавших век оплывшая старушка с целым букетом хворей.

– У нас тут совсем другие интересы – подхватила Вайлиса, отставляя изысканную стеклянную чашу, из которой она выбирала виноградины покрупнее.

– Кто туда поставил сыр? Ну вот, набрызгали прямо в блюдо. К тому же, что удачно... Мы защищены ото всей этой дикости и мракобесия: мы не будем обвинены в колдовстве, отравлениях, сношениях с сатаной – ведь мы сами – духов-

ные лица. Наше благочестие не будет подвергнуто сомнению, не смотря на изыскания в области гм... метафизики. Даже изучение различных гримуаров и алхимических трактатов, или постулатов еретических учений не предосудительно. Каждому ясно, что мы интересуемся подобными вещами ради разоблачения фальшивых чудес, критики диковинных народных суеверий, искоренения греховных заблуждений язычников и еретиков. Впрочем, ты понимаешь, что о многих...хм... практиках кому попало знать не следует. Хочешь винограда?

– А что до сбора и выращивания различных трав и корешков, изготовления ядов или одурманивающих снадобий, препарирования трупов, интереса к агонизирующим – это не то, о чем бы подумали отцы в коричневых рясах, будь мы мирянками, а лишь ради милосердной помощи страждущим, попытка облегчить их страдания...

Наша Нора... мы в шутку называли ее жрицей смерти. Она интересовалась душевным состоянием безнадежно больных или приговоренных к смерти. Исповедовала их, наблюдала последние минуты. Ведь умирающая по закону может потребовать исповедницу-женщину. Она облегчала души простых крестьянок и благородных дам, преступниц и фрейлин королевы. В ее же ведении находился госпиталь и исследования, связанные со свойствами минеральных и растительных препаратов. Тебе, конечно, не известно – в подвалах монастыря имеется не только темница, но и неплохо обо-

рудованная лаборатория. Заинтересовалась? Я вижу – да...

– Вы ищете единое противоядие, не так ли госпожа? Мать Арисима рассказывала мне о действии безоара и трудностях составления митридата. Ведь его состав так сложен, что эффект изменчив, непредсказуем. Пропорции и качество ингредиентов, астрологические факторы – все имеет значение. Я знаю очень немного.

– И все же ты что-то знаешь из того, что тебе явно не давали учить. Тебя ведь это интересует?

– Да. Очень интересует госпожа. Но поиск пропорций, делающих смертельный яд лекарством, опасен. Камни не всегда показывают, что яд уже связался, или трудно определить безопасную дозу, да и испарения... И, если пробовать самой...

– Самой?! Ты все же дурочка. А госпиталь у нас зачем? Пробовать сама ты будешь, когда рецептура будет проверена. Микродозы принимать необходимо для выработки невосприимчивости, но лишь тех веществ, действие которых хорошо известно.

– Но вы ведь не хотите сказать, что яды пробуются на больных?

– Ну... особенно опасные вещества Нора как раз и проверяла на приговоренных.

– О... Могу я спросить, что же случилось с госпожой Норой?

– Спросить, конечно, можешь... Ну скажем так... Во

время одного из исследований бедняжка заразилась опасной хворью. Нам пришлось принять меры, чтобы поветрие не распространилось в наших стенах... Надеюсь, когда мы встретимся по ту сторону, наша подруга не будет в обиде. Она и сама поступила бы так же. Но не бойся! – спохватилась Беата, – Нора сама допустила возмутительную беспечность.

– Госпожа, а правильно ли я догадалась о том, почему посвященных должно быть ровно пять?

– Ты намекаешь на использование пентаграммы? Тебя это пугает? Ну, пока мы лишь изучали рукописи чернокнижников, в том числе античные источники. Практически использовать не было нужды. Нет, ты не догадалась. Глупышка.

Ты знаешь, что немногим более ста лет назад на поля нашей зеленой Эйрин явились полчища данов, которые отгрызли большей кусок нашей благодатной земли – весь северо-запад. Прежде того, во владении ард-риага, законного короля, был весь остров. Нас пять, потому что наша страна, которую мы, знатные дочери *мунитир на хенресин на гасип* потеряли, была разделена на «пять пятин». Теперь Ров отделяет так называемую «область датского права» от остальной части страны.

Земли, которые тебе положены по закону как дочери олдермена, отойдут твоему будущему мужу или монастырю, если ты захочешь стать нашей полноправной сестрой. Часть туата твоей семьи по эту сторону Рва, причем ты сама можешь выбрать свой кусок. У тебя нет братьев и сестер, так

что кусочек будет полновесный. Но важнее те земли, что по другую сторону. Один из гэлтахтов за Рвом тоже принадлежит твоей семье.

Сейчас страна за Рвом полностью языческая. Ведь там еще обитает богопротивное племя Туата Де Дананн, которые, собственно и создали Ров при помощи своей безбожной магии. Мы должны принести свет веры, искоренить чародейство, прогнать малых богов и сидов. Их наваждения, колдовство и прочие деяния антихристовы сдержали северян, но губят души добрых людей. Мы дождемся дня, когда наша прекрасная Зеленая Эйрин станет целостной, свободной и христианской.

Когда Воины Вереска прогонят бесславного ублюдка Хауга, и безобразный шрам на теле Девы Эйрин – Ров – исчезнет, когда земли объединятся под рукой короля всех хенресин, мы потребуем законные уделы за рвом. И построим новый, крупнейший монастырь страны. Центр просвещения – наук и искусства, сердце Зеленого Острова. Земли со смежными границами мы сможем объединить в маленькое, но самостоятельное и жизнеспособное теократическое государство. Конечно, во главе его будет стоять мужчина – архиепископ и самостоятельным оно станет не де юро, а де факто, но это не важно. Нора умерла и с ней – надежда на присоединение части Корлега. Твой туат это Лагин. Он еще лучше подходит – как последний кусочек этого фруктового пирога и прямо с вишенкой. А вишенка это ты – дорогуша, ты нам

по нраву. Теперь поняла?

Глава 1

Камин чадил, не желая разгораться из-за порывистого влажного ветра, и мокрый снег комьями падал на крышу с ветвей черных грабов королевского сада, глухо бухая по меди. Лори зябко поежилась и подвинула стул к жаровне.

– Ну, рассказывай, Лори.

– Да, ваше величество. Итак, я поднялась в Синюю башню. Отрок, который охранял покой, ни о чем не спросил, поскольку я и моя служанка держались весьма уверенно, к тому же мы несли таз, кувшины и полотно. Девочка при нашем появлении сначала испугалась, а потом приняла равнодушный вид. Она небольшого роста, худенькая, волосы светло-русые, почти пепельные, вьющиеся, глаза серые, с виду совсем ребенок.

– Красивая?

– Н...нет... Впрочем, при других обстоятельствах, если бы ее одеть и причесать...

Я спросила, не нужно ли ей чего, не желает ли она подкрепиться. Отказалась. Я отослала служанку приготовить горячее питье, девочка явно мерзла. Тогда я предложила ей снять платье, дабы помыться. Она странно поглядела на меня, но послушалась.

– Ну и...

– Сложно что-то сказать. На запястьях, шее и плечах си-

няки, но старые, едва видны... И следы... несдержанных поцелуев. Внешне она в порядке— быстро добавила Лори, заметив выражение лица королевы.

Королева подошла к окну, за которым мчались громады изжелта-белых туч. Они были подсвечены холодным, словно болезненным светом солнца. Немошного солнца. Опять навалил снега. А ведь последний весенний месяц.

— Дальше.

— Я стала поливать ее горячей водой и тереть, она стояла смирно. Я старалась быть дружелюбной, спросила, как ее зовут. Она внезапно схватила меня за руку и посмотрела мне в лицо. Глаза ее прямо-таки цвет поменяли от злости. Позеленели как трава в день Бельтайна. Вцепилась нестриженными когтями и прошипела: «Как ты смеешь расспрашивать меня, прислуга? Но ты ведь не прислуга, судя по нежным белым ручкам, слишком гладким для служанки твоих лет! Так передай, кому там следует, что дочь Ангуса О'Нейл аэп Лагин готова разделить участь своих родных. Но на наследничка можете не рассчитывать. Потому, что вашего короля— убийцу и насильника я уничтожу». Выпалив всю эту э... нелепицу, она опустила свои яростные глазки и отвернулась. Я не нашлась, что ответить, окатила ее и закутала в полотно. Тут пришла Труды с горячим сбитнем. Девушка пила жадно, но потом ее вырвало.

— Она больна?

— Ваше величество, нет. Может только от горя... К тому

же она беременна. Животик еще не слишком заметен, но я предполагаю...

– Знаю я, Лори. Сколько он ее там держит? Четыре месяца? Должно быть больше?

– Шесть с половиной, ваше величество.

– Необходимо предложить для нее проверенную прислугу. Займись. Переговоры с отцами Старых семей не привели пока ни к чему. И виной тому поведение Хауга. Я боюсь за его разум, но еще больше – за бессмертную душу. Разве мучить это дитя – достойно короля? Ты понимаешь, что он не в себе? Я прошу тебя, раскинь руны.

– Но грех... Тем более, Великая Суббота.

– Я тебя как подруга прошу. Грех языческий поможет нам предотвратить тягчайшие грехи.

– Королева, тогда «Три норны». На сына. Представьте его как можно более ясно. Думайте о его ситуации. Достаньте первую. Уруз. Сила быка. Я вижу, как пылает его страсть, ярость, гнев. Это его желание пить жизнь до последней капли, без ограничений, безрассудно. Он стремится доказать своему разуму, что нет преград для его королевской и мужской воли, бык рвется сбросить оковы, мечется, топчет все на своем пути, не понимая, что несвобода – это его необузданность. Он несвободен от своего «Желаю и возьму». Но думает, что он всемогущ.

Хауг не слушает совета.

– Он уже один раз послушал. И вот, что из этого вышло.

Вторая – Райдо.

– Путь справедливости. Просто путь – это ответ рун, моя госпожа.

– Что ты имеешь в виду? Кто должен отправиться в путь?

– Я прошу, возьмите руны. Сначала посмотрим, что в итоге. Куда приведет нас этот путь.

– О, Вирд. Все, что угодно, Лори.

– Все, чего мы заслуживаем, моя добрая госпожа.

Гильдис.

Мой сын, мой прекрасный взрослый сын. В детстве он был таким свежим, ясноглазым, здоровым. Кто не смотрел на него – невольно улыбался. Я никогда не наказывала его, просто не за что было. Он был светлым и послушным. И не заметила, как вырос – долго не брился, усы и борода не росли, только вытянулся вверх, да стали долгими через меры руки и ноги. Асмунд шутил, что на мечях это почти компенсирует еще недостаточную силу.

О, Асмунд, как бы ты помог мне сейчас разумным советом. Все поганка эта, Сольви. Если б не она, разве все так бы сложилось? Ну почему я не отправила ее на воспитание в Кулах, хотя бы? И почему из-за этой девицы мужчины словно с ума посходили, что в ней такого, что братья по крови и по оружию готовы были рвать друг друга как кобели?

Хауг долго оставался почтительным и нежным, мог обнять, рассказывал, хоть и скупое, о своих мыслях, лишь ино-

гда становился насмешливым, колючим – и то, если неловко затронуть его сердечные дела. А ведь при его положении они никогда не бывают личными.

Потом, после смерти Хрольва сына как подменили. Стал заносчивым, беспричинно дерзил, часто впадал в безудержный гнев, а после – страдал от последствий своей ярости. Вспомнить хоть ужасный случай на охоте в Быханнах – заехал на чужие угодья, убил косулю. Их застал молодой лерд из клана Мак Мурро, который возмутился таким вторжением. Они оскорбляли друг друга сначала тонко, соблюдая видимость приличия, затем – все более распаяясь, а потом Хауг возьми да и заруби его. Родственные дома всерьез тогда собирали войско. От смуты спасло лишь влияние Тэма О'Шентера, его способность убеждать, дипломатическая ловкость. И большие деньги.

Я старалась сглаживать острые углы, брать на себя дела управления, не говоря уж о казне и рутине хозяйства. Тяжело без мужа, и я окружила себя родней. А родичи да ближние друзья, хоть и разделяли мое бремя, не забывали свои интересы. Денежки из моих рук перетекали в их карманы, а порой они и сами себя «награждали». И главное требовали, чтобы поступки юного короля вершились к их выгоде и благополучию. Устроить так полагалось, конечно, мне – я же мать. Как угодить всем, соблюсти интересы олдерменов и ярлов – Старых и Новых домов, всем заплатить, все предусмотреть? При этом выглядеть милосердной к черни, скрупулез-

но собирать налоги, следить, чтобы не слишком много прилипало к рукам откупщиков, ладить с магистратом, главами купеческих и мастеровых гильдий...

Воевода Оттар опытен и верен, хорошо, что имеет на Хауга влияние. Однако клонит на свою, мужскую правду: главное – оружие, войско, охрана. Укрепить и раздвинуть границы, все пометить своим следом, свое не отдать, чужое – присвоить, овец без надзору – резать, зачем же возиться их пасти да стричь. Всем показать, у кого больше и стоит крепче, прости меня святая Бритта. Это все волчьи, данские обычаи – захватить, сожрать, кое-что припрятать, остальное – сжечь. Что же останется детям? А мир, так они считают, большой, и детям хватит, всегда найдется скот, который даст себя потрошить. «Меч добудет золото» – вот что детишкам внушают. А ум? Разве на самом деле земли Зеленой Эйрин взяли одной только силой?

Не все, правда, дается и хитростью: когда мерзавка Сольви вдруг вернулась, я всерьез задумалась о смертном грехе убийства, ради спасения сына и трона. К счастью, гадание эриля меня удержало. И ведь сбылось – бастардов она наплодит Хаугу не смогла, отношения их остыли, и он сам откупился от нее невиданной роскоши замком.

То, что случилось потом, меня оглушило, придавило могильной плитой отчаяния. Вина терзает и жжет мою грудь, словно раскаленные щипцы палача. Я пустила в ход все средства влияния, какие только может иметь мать и убедила Ха-

уга жениться. Клан О'Нейл аэп Лагин, родичи Короля за Рвом, никогда не смешивали свою кровь с иноземцами. Но оскорбить отказом короля— этого они не посмели бы. Смешав королевскую кровь двух народов, король первым бы исполнил Брачный Закон, что было бы отнюдь не лишним после восстания Бриана Бору и ужасов взаимного истребления, последовавших за ним. Эта невеста — само воплощение прекрасной земли Эйрин — вот все эти символы, пророчества, романтические и поэтические фигуры, до которых равно охочи без исключения все сословия.

Да и наконец — юная и миловидная девушка, с огромным денежным и земельным приданым, к тому же. Но, конечно, его убедил Отгар — он настоял, чтобы земли были отрезаны от побережья — корона приобретала удобную бухту и несколько островов — Хауг ведь мечтал о верфи для строительства сотен боевых кораблей.

Конечно, земли все равно теперь конфискованы, а девушка носит ребенка короля. Но разве так я хотела? Хотела счастья для сына. И еще... вот эти странные тревожные сны, ощущение надвигающейся медленно, но неотвратимо, беды, наползающей тучи, мрака... Тени Зла. И что творится с погодой, Иисусе! Глупые суеверные бабы твердят о каком-то пророчестве — великом Хладе и Гладе, наступающем, якобы, из-за несправедного поведения короля. Как будто не все в руках Божьих. Язычники. Прав Отец Закона — только выжигать крамолу каленым железом. Не далее как вчера двух болту-

нов приковали постоять на лобном месте в масках позора – интересные – одна с длинным языком и ослиными ушами, другая в виде головы безобразной птицы – зубастый клюв до земли. Прочим, кто станет судачить о подобных вещах, позорным столбом не отделаться. Языки вырвут уже по-настоящему, чтоб другим любителям потолковать о пророчествах неповадно было.

* * *

Рыночная площадь уже погрузилась в полумрак, ее окутывало сырое зябкое марево, в котором плыли огни жаровен, бессильные разогнать промозглый холод.

Но, несмотря на ледяной туман, чувствовалась весна: народ гулял, ото всюду несло запахами жареного мяса, пива, нечистот, чего-то сладкого и пряного, пахло дегтем и свежеспеченным хлебом. Девчушки, закутанные по самые курносые носы, подавали на пробу всем желающим крепкий бьер в стеклянных кружечках и подогретое пиво в глиняных, предлагали соленья, ячменные хлебцы, орешки – острые или медовые в пряностях.

Асмунд хотел было заглянуть в знакомый трактир, где подавали отменно приготовленную оленину с брусникой и сливами, вареными в меду и недурное зимнее пиво, да побоялся опоздать – после.

Он поднялся по узкому проулку, довольно круто уходившему вверх. Встреча была назначена в доме братства Зеле-

ной Бочки. Это братство представляло гильдию молодых богатых купцов, христиан и непременно еще не женатых. Старшие сынки почтенных горожан. А домик небольшой, но симпатичный. Толкнув изукрашенную резными фигурами дубовую дверь, Асмунд прислушался. Дом был пуст. Он поднялся по лестнице на второй этаж, и стал ждать, разглядывая высоко расположенные небольшие витражи, изображавшие портреты почетных членов братства и сцены пивоварения и торговли. Красивый получился хмель у мастера – совершенно изумрудный. Богатый был город, спокойные и правильные времена. Нынешняя небывало морозная и затяжная зима ослабит рожь. Если лето выдастся холодным и коротким, урожая опять не будет, как в том году. Иссякнут городские закрома, из деревень хлынут беженцы и армии грабителей с севера. И хорошо, если просто всякий сброд...

Внизу слышались шаги и шорох шелкового платья. Несмотря на возраст, королева Гильдис ступала так легко, что разохшиеся медового цвета ступени почти не звучали под ее сапожками.

Асмунд поклонился.

– Да дай же обнять тебя, противный мальчишка. Четыре года не подавать о себе вестей, а я знаю точно, что и на Пасху прошлый год, и в нынешний адвент ты был у святой Бритты, заказывал службу по матери. Не навестил меня, такой поганец. Можно подумать, что у Ярры было полно сестер, а у тебя полно теток.

– Простите меня. Асмунд поцеловал прохладную увядающую щеку – Вы знаете, почему я... избегал являться во дворец.

– Да уж пора вам с Хаугом примириться. Ты ведь старше, вон седина светится, простил бы его. Он и по мечу, и по крови брат тебе, в конце концов! Что я, впрочем... Я ведь тебя хочу просить о таком деле, Асмунд, милый, что как бы на смерть вас не рассорить. Но это я могу доверить только тебе. Только ты имеешь право быть воспитателем моего внука, до времени заменить ему отца.

Асмунд владел своим лицом, но королева догадалась.

– Нет, нет... Сольви занята совсем другими делами. Похоже решила построить золотой замок Сория-Мория наяву. Но соперницы, способной родить наследника, невинной, знатной, достойной по родовитости стать королевой, она не потерпит. Если уж Сольви не пощадила собственное дитя... Да, я все знаю. Милый Асмунд, мне очень жаль.

Девушка – дочь крови Старых Домов. Это близкие родичи ард-риага – короля пяти пятин за Рвом. Родители прятали ее в монастыре. Почти утраченный шанс получить дитя от такого союза. Кроме нее есть из чистокровных *мунитир на хенресин* королевского рода лишь Рианнон О'Нейл – ей уже за сорок. Но вместо свадьбы произошли ужасные... события.

– А именно?

– Ты должен тайно увезти девушку в свой замок в Муммане на Лох Меар. Спрятать, когда появится малыш – забо-

титься, едва подрастет – заняться его воспитанием. Тебе доверена высокая честь стать воспитателем будущего короля.

– Мне позволено спросить? Почему мы встречаемся здесь? Почему это поручение дает мне не Хауг? Почему я должен увезти его невесту, то есть похитить? И, простите, не примите как неуважение... Сольви, ревность – все это не слишком правдоподобно. Кто спросит Сольви, когда речь идет о политически важном союзе?

– Асмунд, девушка теперь не невеста, а пленница.

– Еще не легче. Похоже, я действительно что-то пропустил. Вы меня не посвятите?

– Прости, но нет. К счастью, вожди Старых Кланов тут же отrekliсь от Брана и Ангуса, уверяли в своей полной непричастности к заговору. Ни один клан их не поддержал, и мы договорились молчать. Были приняты меры для пресечения в столице любых слухов об этом... прискорбном происшествии. Хоть, конечно, публичные казни послужили бы уроком знати и развлечением добрым подданным, однако, ни к чему будоражить чернь.

– Все равно не пойму, почему вы затеяли похищение девушки в тайне от Хауга? Собираетесь каким-то образом обмануть вашего сына и короля? Простите, тетушка, эта дикая затея обречена на провал. Нас поймают через сутки – другие и смерть – это лучшее, на что я смогу надеяться.

– Я прошу тебя, потому, что верю – ты справишься. Конечно, вас будут искать и преследовать. И люди Сольви то-

же. Ты ошибаешься в степени ее влияния и интереса к этому делу. Ее шпионки повсюду. Не скоро еще я вытравлю заразу. Все бы еще ничего, но партия Вереска – вот кто дергал старого Ангуса за ниточки, кто все замутил. С этими так просто не совладать, вы можете только спрятаться, раствориться в лесах, запутать след. Я не сразу подумала о твоём родовом замке, покинутом и полуразрушенном, далеко за Рвом. Отвези ее за Ров, Асмунд. Кто еще из мужчин, которым я могу доверять, способен проехать скрытно через весь Западный край? Ты опытен, не станешь лезть на рожон, знаешь лесные тропы, у тебя есть друзья... ну... не совсем обычные...

– Вы просите меня, потому что знаете причину, по которой я не могу вам отказать. Заставляете меня выбрать между двумя способами самоубийства.

– Все обойдется. Зато я могу быть уверена, что когда понадобится, ты будешь биться и не отступишь, не продашь.

– Я буду биться с кем, тетушка? Со своим королем, с побратимом? Он осадит замок, и мы с ним положим наших людей? Да у меня и некого призвать там, за Рвом. Здесь-то людей жалкая горстка. Если девушка – последняя надежда Старых Семей, если она или ее дитя интересуется Воинов Вереска, уж не знаю, хотят они их убить или сделать знаменем своего бунта, история совсем не романтическая. Все это может привести к новому витку войны. Сколько усилий мы с Отцом Порядка и Эйриком лагманом приложили, пока я еще мог этим заниматься при дворе, чтобы сделать Право всеобщим,

приемлемым для всех: и христиан, и приверженцев старой веры, и данских ярлов, и недобитых ими олдерменов. Хоть как-то обуздать взаимную резню, насилие над простым людом.

И этим заслужил презрение и вражду с обеих сторон. Вы знаете, как ко мне стали относиться. Хенресин – как к ренегату, предателю интересов своего народа. Даны – как к опасному выскочке, ведущему двойную игру.

– Асмунд, дорогой, – прервала его королева. Я не могу сию минуту осветить тебе весь огромный пласт ...реальности. Я сама не разобралась еще. Просто поверь моему материнскому предчувствию. Ведь речь идет о жизни моего внука.

Хауг не осадит твой замок. За Ров он не сунется при всем своем безрассудстве и вряд ли помнит, что ты все еще лерд этой величественной руины на лох Меар. Да и как он узнает, что это ты?

В любом случае не вижу человека, который может справиться лучше.

Асмунду оставалось лишь молча поцеловать протянутую ему холодную сухую руку.

Глава 2

Асмунд.

Несмотря на растерянность и злость, в которые повергло меня приказание Гильдис, голод давал о себе знать и я отпра-

вился в «Лосось и лось». Похоже, меня втягивают в скверную историю. Вид у меня был довольно потерянный, и пил я мало, так что Люция подседа ко мне и участливо предложила девочку. Я вежливо ответил, что слишком устал. Это было правдой и, когда поднявшись через четверть часа в комнату, я обнаружил в постели саму госпожу Люцию, то не слишком вдохновился. Однако, она была столь изобретательна и профессиональна, что вынудила меня воспользоваться услугой, которая, как ни странно, облегчила не только мой кошелек, но и состояние духа. Во всяком случае, я смог уснуть.

Встав затемно, я выехал по направлению к Морской Маргри – круглой башне, имеющей небольшие подъемные ворота, радуясь, что в столь глухой предутренний час не встретишь ни души. Они уже ждали меня – старый Тэм О’Шентер и девушка, закутанная в дорожный теплый плащ с капюшоном, полностью закрывавшим ее лицо. Для нее подвели лошаадь.

– Ее зовут Бренна, – бросил Тэм, слегка подтолкнув ко мне девушку.

– Верхом удержится?

– Не знаю. Главное, чтобы ты удержался, когда она всю дорогу будет ругаться и нести чушь. Скоро тебе станет тошно от этой крошки, Асмунд. А еще она умеет бить в голень со всей дури и норовит вцепиться в глаза или лягнуть в пах. Дурная девка, не балуй ее.

– Сдается мне, ты уже от нее пострадал, а, Тэм?

– Да поезжай ты с Богом, Асмунд, скоро тебе расхочется зубоскалить. Эта лисица пыталась меня искусать, а когда получила по заслугам – разжалобить. Зубы бы ей выбить, а вышло – по уху. Смотри, как бы не сбежала. Сажай ее, и трогайте, пока улицы пусты.

Руки девушки, закрытые широкими рукавами, оказались скручены. Я вынул засапожник. Такие маленькие, ледяные, посиневшие от врезавшейся веревки. Видно, она им насолила... Я посадил ее, она упала лошади на шею. Почти ничего не весила.

– Оно видно – опасная особа. У нее есть вещи?

– Вот торба какая-то, держи.

Я порылся, нашел, на счастье, рукавички. Торбу сунул в свой баул. Тэм наблюдал с недоброй усмешкой.

– Она, кажется не преступница, а, воевода? И птаха вырывается и клюет пальцы, если ее схватить рукой. Старик плюнул и полез на галерею. Деревянная лестница закрипела сердито: обрюзг... Отроки подняли решетку.

– Послушай, девица. Мы сейчас тихо и спокойно отсюда уедем. Я не причиню тебе вреда и стану защищать от любого, кто захочет его причинить. Но очень прошу – не вздумай поднимать шум или вытворять другие глупости. Убежать от меня ты не сможешь, а в беду – попадешь. Нам не стоит привлекать к нашим особам лишнее внимание. Поняла?

– Вы меня похищаете?

– Предполагаю, не я первый.

– Куда вы меня повезете?

– Главное прочь, а там – все равно. Нет? Может, хочешь обратно в башню? Оттуда дорога одна.

– Нас поймают, и тогда дорога точно одна – на плаху. Верни меня назад, я не поеду.

– Все, дорогуша, поболтали. Имей в виду, что похищение языкастых девчонок не является моим излюбленным занятием. Я промышляю иначе. И внезапное поручение тебя сопровождать как раз сорвало мои планы заработать несколько марок. Но меня лишили выбора. У тебя, однако, он есть. Ты можешь чинно и благородно ехать верхом рядом с достойным кавалером и сокращать дорогу приличной беседой. Либо я снова свяжу тебе руки, и, увы, лишу возможности издавать звуки, скажем, при помощи платка. Поедешь не как леда, а как пойманная беглая рабыня. Как тебя больше устраивает.

Я с многозначительным видом достал из седельной сумки веревку.

– Не надо. Я поеду с вами. Однако, не могу удержаться от наблюдения, что вы произнесли намного больше слов, чем я.

– Но за тобой непременно должно остаться последнее.

Решетка лязгнула, опускаясь за нами. И тут налетел такой дикий, ледяной ветер со стороны моря, что дыхание перехватило. Я взял ее кобылку за вторую уздечку, и мы затрусили через поле в ближайший лесок, тут было тише. Двинулись друг за другом по самому краю оврага – здесь было по-

что сухо, иначе копыта коней глубоко уходили во влажную лесную почву. Где просохнуть лесу, когда так редко выходит солнце, и то и дело валит снег. Трава и то прошлогодняя, лишь кое-где сквозь нее пробивались озябшие бутончики первоцветов. Девушка помалкивала, вцепившись в луку седла, с ветвей капало за шиворот, зато совсем рассвело и тропинка пошла вверх. Я присмотрел более-менее сухой пятючок, чтобы подкрепиться. Помог девушке спешиться, полез в баул за лепешками и сыром и вдруг почувствовал, что она беззвучно рыдает под своим капюшоном. Ну, так и есть – трясется от плача, глаза уже опухли, ухо красное – хорошо старый Тэм ей приложил.

– Эй, что случилось, птаха? Девушка...э... Бренна. В лесу и так достаточно сыро.

– Не убивай меня.

– Что? Да что ты выдумала?

– У меня есть богатая родня, свяжись с ними и получишь хорошие деньги.

– М...заманчиво. Выкуп... Вот интересно, с воеводой и его головорезами ты бранилась и дралась, а меня умоляешь не убивать. Я такой страшный, да?

– А зачем мы заехали в лес и почему остановились? Королева приказала завезти меня в чащу и убить?

– Ага. И привезти ей твою печень. Вообще-то я собирался поесть. Держи лепешку. Сыр твердый, но вполне съедобный. Грызи, мышонок – трусишка. Но в одном ты права. Я тебя

убивать не собираюсь, но есть те, кто, возможно, собирается. И теперь это наша общая, к сожалению, проблема.

– Куда ты меня везешь?

– Вот тут мед во фляге – хлебни, станет не так зябко. Он с имбирем, крепкий и ...не совсем обычный. Люди, которым он нравится, готовы платить за бочонок такого пошла серебряную марку. Дело принадлежит моему другу, но по ряду обстоятельств, он не может вести торговлю сам. Я его партнер. Мы сейчас направляемся к нему, потому что, во-первых, там ты будешь в полной безопасности, во-вторых, надо нам с ним обсудить дела. Ведь предстоит долгое путешествие.

– Куда?

– За Ров. В мой замок, птаха. Я лерд.

– У тебя за Рвом есть замок, а ты торгуешь хмельным и водишься с какими-то... Девкам своим рассказывай.

– Девкам, с которыми я вожусь, гораздо интереснее содержимое моих штанов и особенно их карманов, чем замок за Рвом. Ладно, ладно, не смотри так сердито, госпожа моя. Вижу, когда закипает гнев, страх проходит. Как мед?

– От него щиплет во рту. Но он очень...

– Тихо. Видишь те большие елки в низине? Вон там?

– Да, а что...?

– Тихо. Спускайся туда и полезай под елку. Убедись, что тебя не видно и сиди там. И ни звука, чтобы ты ни услышала. Не вылезай, пока я не приду за тобой сам, поняла?

* * *

Судя по звукам, далеко слышимым в тумане, времени у него было достаточно. Асмунд бросил взгляд в низину: старые ели представляли собой такие роскошные непроницаемые шатры, что даже ему не было видно, где спряталась Бренна. Затем не торопясь вытянул свой бастард. Клайдеб – один из двух прекрасных клинков, купленных после продажи приличного надела, крутанул его пару раз, размял кисти и вернул в ножны. Откусил от лепешки. На поляну выкатили трое: два отрока и с ними старший – боец примерно одних с Асмундом лет. Один из отроков был знаком. Олавов усыновленный – Хелги. С Олавом ходили на одном корабле. Хель! Как неудачно. Мальчика надо сберечь. Асмунд прихлебнул из фляги и приветственно помахал ею в сторону конных.

– Здорово, мужи.

– И тебе. Асмунд?

– Вроде я.

– Отдыхаешь? Кобылу вижу, а где ж девица?

– Пошла по нужде. Вон за тем валуном присела. А что?

– Так далеко пошла? А не сбежит?

– Это вряд ли. Живот у нее прихватило. А стыдится. Вот и искала камушек побольше да подальше. А что?

– А ты не штокай, а давай ее пожитки. Гильдис приказала вернуть ее назад. Передумала.

– А... Слушай, отрок, ты Хелги, Олавов сынок? Ты пойдик тому валуну, но девице не показывайся. Стой за березой и

жди. А то она вас увидит, побежит с перепугу, еще свалится в какое бучилово. Потом вытаскивай. Хелги в нерешительности поглядел на старшего – тот кивнул.

Когда Хелги отошел на порядочное расстояние, он не услышал за спиной бульканье перебитой артерии своего приятеля. Тело опустилось на мягкий мох беззвучно.

Обернулся на звон мечей и растерялся. Харолд и этот Асмунд бились, со страшной скоростью и силой нанося удары. На миг Хелги выпал из реальности и ему показалось, что старшие показывают им правильный красивый бой.

Секуще-рубящие движения, лаконичные, быстрые, серии ударов и финты, вот Харолд парирует плоскостью, затем батман и колет, а Асмунд показывает движение уклонения. Контрудар и Харолд снова защищается жестким отбивом, затем атакует с целью сблизится, ростом он пониже. А вот лезвие против лезвия с целью надавить и поймать в ловушку после сопротивления, снова разошлись, вот удар, направленный в сустав, нет догадался, парировал...

И тут Харолд поскользнулся. Может осклизлые прошлогодние листья или гриб, может раскисший помет лесного зверя... Нога поехала назад и, прежде чем он успел восстановить равновесие, Асмунд прыгнул, сшиб противника, используя свой немалый вес, навалился и вогнал клинок глубоко подвздох, с усилием пропоров кольчугу.

Хелги стоял и не мог пошевелиться. Старшие преподали правдивый урок: удача на миг отвернулась от недруга – ис-

пользуй мгновенно, максимально, ни жалости, ни благородства. Потому, что в следующее мгновение она может изменить тебе.

Асмунд поднял с земли какую-то тряпку, тщательно протер свой бастард, по очереди оттащил тела за кусты можжевельника, отошел к яме, заполненной талой водой, чтобы вымыть залитые кровью руки.

Хелги стоял и смотрел. Ужас неминуемой смерти, паника его парализовали. Он понимал, что убежать не сможет – ноги стали слабые, непослушные

«Девушка!», – вдруг вспомнил он, обнаружив в своей руке нож. Надо схватить девушку, приставить к горлу... Только вот где она...

– Эй, Хелги! Иди сюда. Да не бойся, не трону. Нет нужды. Кто послал вас и так понятно. Харолдов меч мой по праву, а лошадей забирай. Да спрячь ты нож. Передай королеве Гильдис...а впрочем, ничего... Ступай.

– Что я скажу в замке? Как объясню, что ты меня отпустил?

– Сказать советую правду. Все знают, что Олав мне друг.

Глава 3

Бренна.

После того, как Асмунд убил этих людей на поляне, поехали быстрее, и вскоре выбрались на открытое место. Я ничего не спросила про убитых: ни кто они, ни за какую вину.

Хоть и видела торчащий из можжевельника сапог, старалась не смотреть туда. Асмунд этот человек опасный. Он как это вот холодное море спокоен, как море коварен и безжалостен. Как все даны. Куда он везет меня на самом деле, что у него на уме? На простого бонда не похож, но и на отигнира тоже. Какой он лерд? Уложил двоих бойцов, я и «Отче наш» прочитать под елкой не успела. Наемник? Говорит чисто по-нашему, вроде ласково – все с усмешкой, как с малым дитем. А мог бы сделать что угодно – я представила, как он хватает меня за волосы и бьет лицом о ствол дерева или сворачивает шею одним движением. Или прижмет к земле да задерет подол на голову. Я тут одна с ним, в этой чаще нет ни души. А если б и услышали, кто ж сунется. Выпустит кишки и бросит на съедение лисам. Или люпусы сожрут. Говорят, они теперь везде рыщут.

Мы выехали на берег, чтобы в известном Асмунду месте напоить лошадей из ручья, текущего с холмов в залив.

Ветер разогнал тучи, на миг открылось небо, яркое, какое бывает только весной. Солнце осветило темные громады можжевельника, и они сделались изумрудно-веселыми, светился молочный ягель, вспыхивали бусины прошлогодней брусники, пылал сосновый подлесок, подступивший к самой воде, и виден был далекий остров в солнечной дымке – Березовый, так называло его племя, когда-то населявшее этот край.

Но, через минуту, небо опять стало белесоватым, как брю-

хо мертвой рыбы. Снова его затянула снежная туча, крупные хлопья таяли у кромки мутной ледяной воды. Сквозь мглу еще просвечивал белый кружок солнечного диска, но вскоре и он растаял.

Дни-то должны уже стать длинными, светлыми, но на этот раз Старуха не хотела уступать. Сумрак словно пропитал воздух, подслеповатая серость, морось стали привычны. Влага на лице, сырая одежда, озябшие руки и ноги. Ломота в каждой косточке, суставе, сведенные мышцы, усталость. Погреться бы в бане, посидеть в душистом жару, напиться теплого молока с хлебом, уснуть под одеялом у огня. Дома, с Уной.

– Эй, птаха, ты что, спишь? Свалишься. Дай-ка я тебя пересажу к себе.

– Нет, пожалуйста, не надо. Я не сплю, просто задумалась. Замерзла немного. Мы не остановимся погреться у костра?

– Не противься, это глупо. Давай. Не получится погреться, птаха. Придется двигаться всю ночь без остановки на ночлег. Поедем берегом. На открытом месте при свете луны немного видно, а в лесу хоть глаза выколи темнотища. Нас, конечно, снова могут побеспокоить мужи по твою душу, мы ведь как на ладони в лунном свете с любого холма. Хотелось бы оказаться под крышей Мил Моинир как можно скорее. В усадьбу Бера они точно не сунутся. Поэтому мы должны промелькнуть как тени.

– Почему усадьба так называется – Медовая Поляна?

– Пересаживайся на моего Зверя, тогда расскажу все. Тебе понравится история, похоже на сказку.

– Все, что ты мне говоришь с момента нашей встречи, не более, чем сказка, я уверена. Даны лгут, как дышат.

– Но я полукровка, малыш, так что иногда хочу соврать, а правда фррр...и вырвалась. Я хенресин по матери.

– Не трогай, убери от меня руки!

– Эй! Ну-ка втяни коготки, ты, дикий котенок! Надо очень... Я хочу тебя закутать в свой брэт. Сиди смирно и скоро согреешься.

Тело предательски требовало тепла и опоры, и я позволила Асмунду прижать меня к себе и укрыть своим плащом. Моя голова билась о его грудь, когда вороной Зверь шел по кочкам. Хоть, надо признать, конь у него замечательный: мощный, но умный и осторожный, бережный к всаднику.

– Ну, слушай, госпожа моя, хм... дозволенные речи.

У короля Хрольва Змеиное Жало был удачливый хевдинг – Гуннар по прозвищу Свартхед. Был он очень некрасив, и, как видно из его прозвания, черноволос, маленькие карие глазки смотрели на мир из-под косматых бровей, зато силен и свиреп. Однажды в бою он получил страшный удар по голове. Два дня пролежал хевдинг без сознания, однако дышал, и конунг велел унести его с поля боя и везти домой вместе с прочими ранеными.

Когда Гуннар очнулся в драккаре посреди волн, он вскопчил, заревел, набросился на ближайшего к нему гребца и

покалечил его голыми руками и зубами. На Гуннара насели вдсятером, связали. Весь путь он не ел и не пил, был странно слаб, однако постепенно пришел в себя.

С тех пор стал хевдинг берсерком. Все уважали его и боялись, даже сам Хрольв, поскольку в бою он стоил семерых воинов, но, как это бывает с берсерками, впадая в священную ярость, не владел собой и не различал своих и чужих. Когда он впадал в боевое исступление, в нем не оставалось ничего человеческого – ни разума, ни чувств. Не восприимчивый к боли, он не истекал кровью от самых глубоких ран.

– Этого не может быть. Все люди и звери могут истечь кровью.

– Ну, так говорят. Но на самом деле, конечно, после боя берсерки иногда умирают от потери крови и нервного истощения. Ну, не перебивай, птаха, из меня и так никудышный скальд. Я рассказываю, как положено: вооруженный двуручной секирой, без кольчуги, а часто и вообще обнаженный до пояса, он ревел, изо рта показывалась пена, и он, прорубаясь сквозь строй врагов, выглядел так безумно и устрашающе, что те забывали об оружии и бежали. Однако, берсерк обретает скорость и ловкость медведя. А от медведя далеко не убежишь. Они, говорят, даже топор или меч чувствуют как когти, как продолжение лапы. Берсерк на языке данов означает «голая рубаха» – они не только без брони бьются, но и голое тело раскрашивают черным – узорами битвы. Хотя, не только они – боевая магия есть и у нас.

– У нас? Мне показалось, ты дрался за данов. Я уже слышала подобные рассказы, но думаю, тут много выдумки? Правда, что они пьют одурманивающий отвар из грибов, чтобы впасть в подобное состояние?

– Нет, птаха. Ничего Гуннар не пил. Ты права – не так это часто бывает на самом деле. Большинство тех, кто называют себя берсерками, просто врут, притворяются, чтоб их боялись. Но Гуннар – нет. Всему виной был удар по голове, что-то там повредилось, вот и стал он впадать в безумие. Это состояние приходило, когда он видел картину боя, слышал его звуки, чувствовал смрад – запах крови и внутренностей. Важно также и самовнушение и всеобщее убеждение, что он действительно становится не человеком. Он ничего потом не помнит, не отвечает за свои поступки в этом состоянии, как бы ни были они чудовищны и жестоки. Это все же приступ болезни, поскольку потом берсерка накрывает состояние непреодолимой слабости, которое иногда длится долго.

– А ты раскрашиваешь лицо перед битвой, Асмунд? Или тебе, чтобы убивать, это не требуется?

– Не требуется. Я не слишком верю в пользу краски в этом деле. Кто не в первый раз топает в строю и понимает, что сейчас будет – боится и так. А кто не боится, иногда успевает об этом пожалеть, а иногда – нет.

– А ты боишься?

– Естественно. Пока не сшиблись. Потом становится неко-

гда, да и возникает особое состояние, когда кровь ударяет в голову. Не знаю, как это описать... восторга? Нет, наверное. Но приятное. Его трудно забыть или чем-то заменить. Поэтому, кроме страха, перед боем испытываешь нетерпение и волнение. Как перед тем, чтобы лечь с желанной женщиной.

– Хвастаешься?

– Похоже, да, девица. Трясу фазаньим оперением...

Но боевая «магия» имеет и другой смысл. Раскраска как бы дает воину «иное лицо», помогает стать на время кем-то... не собой, тем, кто не испытывает ужаса и жалости.

– А ты жалеешь тех, кого убиваешь?

– Не в бою. Иногда, признаюсь, после всплывают... впечатления.

В детстве мне даже оленю было трудно перерезать горло. Однажды отец приказал мне, потом учил свежевать. Мне было плохо, хоть я и виду не показал. Потом привык.

– Так что же было дальше с Гуннараром?

– Да... Пришло время, когда удача оставила хевдинга. Случилось так, что однажды, вернувшись из долгого похода, он обнаружил, что его жена беременна, и по срокам выходило, что ребенок не мог быть его. Напрасно жена, рыдая, клялась, что неповинна в измене, что носит этого ребенка во чреве уже целый год. Ведь в такое невозможно поверить.

Гуннар запер неверную и стал ждать, когда родится ребенок, чтобы посмотреть, на кого он будет похож. Наконец, женщина родила мальчика, похожего на Гуннара – с шап-

кой густых черных волос и карими глазками, смотревшими на новый мир из-под насупленных бровок. Но отец его был непреклонен. Досадуя, что не понял, кому отомстить, он отказался признать ребенка своим и велел отнести в лес.

– Это ужасный, бесчеловечный обычай язычников.

– Но ведь никто и не считает, что это хорошо, птаха. Однако так поступают и *на гасин*, и даже крещеные, например, если ребенок рождается больным. Это только для очистки совести говорится, что его отдали эльфам. Эльфы, мол, заберут дитя и вылечат его. Нет, все на самом деле знают, что калека никому не нужен в этом жестоком мире. Уж лучше ему умереть, пока он ничего не понимает. Верно, птаха?

– Нет.

– Ну, как бы там ни было, малыша отняли у матери. А она, как ночью все уснули, побрела в лес его искать, хоть и была слаба после родов, а стоял страшный холод. Утром нашли ее мертвой, в руке – старая юбка, в которую ребенка завернули, прежде чем трель унес его, а малыш пропал. Исчез бесследно – ни чужих следов вокруг, ни крови.

Гуннар, когда принесли тело жены, впал в неистовство. Бросился с топором сначала на треля, хоть тот лишь исполнил его приказ, затем на достойного мужа, который пытался его урезонить. Да и зарубил обоих, а многих покалечил. Тут уж люди, которым изрядно надоело бояться, набросились всем миром, накинули на него сеть и убили.

Прошло лет семь-восемь, все уж и позабыли о злосчаст-

ном берсерке. Конунг Хрольв Змеиное Жало стал за это время настоящим королем, занял город Миде, откуда мы с тобой держим путь.

Однажды на двор зажиточного ландбоара явился мальчик. Он выглядел крепким, был просто, но добротнo одет. Обратившись к хозяину, он назвался Бьярки, сиротой и попросил дать ему кров и пищу в обмен на службу, но с условием, что останется свободным, гиафтлеларом – добровольным рабом он ни за что не желал становиться. Хозяин смекнул, что хоть малыш и некрасив лицом – смугл и черноволос, а также совсем неразговорчив, но силен для своего возраста и может пригодиться на хозяйстве. Для начала, он приказал ему наколоть побольше дров и удивился, видя как ловко ребенок управляетсЯ с топором. Тогда велел дать мальчугану похлебки и позволил остаться.

Его прозвали Бьярки-медвежонок, и прижился он у тех крестьян не сразу. Работал старательно, но не всегда понимал, что от него требуется, словно бы впервые видя некоторые предметы домашнего обихода. В основном ему поручали простые вещи: натаскать воды, помахать лопатой или топором. Коровы и козы хорошо его слушались, вот и стало основным для мальчика делом пасти их да чистить хлев.

Но дворовые псы никогда не ластились к нему, а часто рычали и норовили укусить, словно чужака, да с лошадьми он не ладил. Попросят его запрячь, а конь при виде Медвежонка бесится, ловчится приложить копытом или хватануть

за голову. Так он и ходил всегда пешком и пастушьей собаки себе не завел.

Говорил Бьярки мало и, казалось, сами звуки человеческой речи даются ему с трудом. Зато у мальчика открылся талант, который сделал его работником необычайно ценным. Его не жалили насекомые. Он умел не только находить и вынимать дикий мед, но отыскивать и приносить из леса слетевшие рои, сажать их в домашние борти и забирать мед, не отравляя пчелиные семьи серой, как это принято у крестьян. Вместо этого он всегда оставлял достаточно меда, чтобы пчелы не умерли зимой. Бортник, который убедился в преимуществе этого способа, поскольку хоть с борти меда вынималось меньше, зато весной пчелы трудились, едва показывались лесные первоцветы, охотно сделал его своим помощником, платя хозяину за это не только медом, но и монетой. Он даже разрешал ставить рядом со своим бортевым значком руну, которую мальчик выбрал как свою метку – алгиз и вволю угощал его и сырым лакомством и хмельной домашней медовухой. Не зря, мол, пчелы – символ покорности и трудолюбия, его уважают.

«Сладкая жизнь» Бьярки у некоторых домочадцев вызвала зависть. Стали поговаривать, что такая любовь пчел не дается без колдовства. Вот хоть кошка – никогда об ноги его не трется, зашипит и убежит... Хоть и не взрослый еще, а уже колдун.

К тому же Бьярки не стремился подружиться со сверст-

никами. Он не искал их расположения и не просился в игру. Конечно, его дразнили. Особенно мальчишки фостре – рабы по рождению, рыжие близнецы, что считали себя лучше прочих слуг, потому, что родились в доме. Они презирали его за то, что он выполнял самую грязную и постыдную работу охотно и усердно, а на каверзы их и злые слова внимания не обращал. Пытались братья драться с ним, да вышло не в их пользу, и они оставили идею его поколотить. Но однажды – Бьярки был уже подростком – ему велели починить почти безнадежно изорванную сеть. А обращаться с челноком мальчик был не мастер. Он долго мучился, наконец, ему почти удалось с ней справиться, но он отложил работу и зашел в сени напиться, стояла жара. Один из близнецов – Скелди, чтобы «позлить дурака», взял сеть и порезал ее ножом – распорол всю починку. Он бросил сеть на землю, а сам уселся на крылечке, ждать потехи. Вернувшись, Бьярки поднял сеть и стал крутить ее, с удивлением разглядывая огромные дыры, вновь возникшие на уже зачиненных местах. Когда он поднял взгляд на Скелди, тот издевательски улыбнулся и показал нож. И тут Бьярки сделал то, чего Скелди никак не ожидал – спокойно подошел к крыльцу и точным ударом босой ноги в запястье выбил нож, одновременно накинув ему на голову и плечи драную сеть. И, перевернув вверх тормашками, сунул головой в бочку с дождевой водой, что стояла для полива огорода. И не собирался вынимать. Скелди дрыгал ногами в воздухе, пускал пузыри,

в панике силился перевернуть бочку или вытащить руки и, конечно, захлебнулся бы, не приди ему на помощь кто-то из взрослых. Ведь бочка была узка и полна до краев.

Когда братья побежали жаловаться, хозяин угощал в доме своего родственника – старика – конюха из людей ярла Оттара. Он выслушал мальчишек, нахмурившись, снял со стены плетку и велел позвать Бьярки.

Мальчик явился и со спокойным равнодушием выслушивал сердитые речи, но на расспросы не отвечал и не проявлял раскаяния, а глядел куда-то в стену, словно видел там что-то и улыбался, чем распалил гнев хозяина еще сильнее. Хозяин поднялся из-за стола с плетью в руке. Он замахнулся, но мальчик мгновенно вывернулся из-под руки и, не глядя, схватил со стола остро заточенный длинный нож, который у крестьян называется хаусвер и используется как для разрезания жареного мяса, так и для обороны от всяческих бродяг и разбойников, каковые могут нагрянуть в любой момент в наше благословенное время.

– Ты зачем хватаешься за хаусвер, тролль тебя задери! Я спрашиваю, кому, щенок, ты угрожаешь оружием? Живешь под моим кровом восемь лет, ешь мой хлеб – заревел хозяин.

Бьярки продолжал сжимать в руке нож, он страшно побледнел, но продолжал смотреть в сторону. Выражение его лица вдруг стало совсем детским, радостным, кривая улыбка искадила черты.

«Он не будет меня бить, я не раб его», – только и сумел

произнести Бьярки заплетающимся языком, затем выронил хаусвер и рухнул посиневшим лицом вниз. Судорога выгнула его дугой, изо рта пошла пена.

– Я знаю эту болезнь. Это недуг св. Валентина.

– Валентин – «фол нет хин» – «падать вниз»? Остроумно, девица.

– Этому святому надо молиться, что смешного? Еще помогают валериана, полынь, дурман, белена, омела, красавка.

– Полный набор, чтобы наверняка ноги протянуть. Помогает жертвоприношение Тору и ожерелье из позвонков гадюки или ужа, я слышал. Ну, Бьярки – то лечить никто и не думал. Напротив, его стали еще больше сторониться. Кто – то говорил, что так наказывает лунный бог Мани – ведь большинство приступов случалось в полнолуние. Утром бедняга не помнил, что было с ним ночью. Иногда он во сне бродил по двору, а однажды – убежал, не просыпаясь, в лес и вернулся только через два дня, совершенно истощенный. Но с тех пор всегда уходил в лес перед приступом.

Все это не нравилось хозяину – проку-то от Бьярки было все меньше... За седмицу до припадка он впадал в тоску, беспричинный страх одолевал его, болела голова. И чем ближе подходило полнолуние, тем меньше он походил на человека: становился злобным, ни с кем не разговаривал и, казалось, видел нечто, невидимое остальным.

А тут еще хозяйский приятель, тот самый конюх вспомнил берсерка Гуннара – парень, мол, крепко на него похож...

И пошла молва так и сяк: то ли отец его был берсерк, а матушка от медведя понесла, то ли, когда отнесли младенца в лес, выкормила его медведица и жил он с ней в лесной избе... Словом решили – пахнет тут недобрым. Перекинется зверем да всех домочадцев и задерет. Одна хозяйка с дочкой Хильд – сверстницей мальчика – жалели его. Потому и медлили прогнать.

Но он сам начал верить этим рассказням, будто станет оборотнем или уже стал. Бьярки что-то переживал особенное в своем трансе, какие-то видения необыкновенные его посещали. А братья– фостре совершили последнюю подлость. Случилось так, что люди с соседнего хутора завалили косолапого. Послала хозяйка людей купить мяса, жира и шкуру на теплое одеяло. И братья придумали такую пакость. После обеда и говорят Бьярки: «Ты, медвежий ублюдок, хлебку ел? Она из медвежатины. Может своего родича отведал. Теперь ты проклят». Стали они его оскорблять и провоцировать на драку. Но добились только нового приступа. Тогда положили Бьярки на свежую медвежью шкуру, а когда очухался, сказали – вот твоя шкура, мы видели, как ты перекидывался. Следующий раз на кол тебя насадим, обратной железом не берет.

Уж не знаю, поверил ли им Бьярки или просто устал от ненависти в этом доме, только он попросил у хозяина за службу топор, хороший нож и еды на первое время и ушел. Здесь мы остановимся, птаха, и спешимся ненадолго.

– Но куда мы приехали?

– Это славное место. Надо поздороваться с Липой и пчелами.

* * *

Когда они выехали на Мил Моинир, было уже достаточно светло, и Бренна смогла хорошенько рассмотреть Дерево. Это была раскидистая старая Липа – и трем взрослым людям не охватить, покрытая узловатой, бурой от возраста, но мягкой и теплой корой. Девушке сразу же захотелось обнять дерево, прижаться щекой к коре – как к материнской руке. Ее молодые веточки приобрели красноватый оттенок, почки набухли. Бренна приникла ухом, закрыла глаза, и ей показалось, что она слышит, как от корней к кроне поднимаются весенние соки. Обычно в эту пору деревья уже зеленые.

К удивлению Бренны, Асмунд тоже обнял дерево и что-то зашептал. Затем отошел на край поляны и вполголоса запел на гэльском: «Дорогие пчелки, это Бриан О'Брайен аэп Мумман сын Торгейра Аудунсона. Я вернулся из долгого путешествия. Со мной Бренна дочь Ангуса О'Нейл аэп Лагин. Мы не причиним зла, мы хотим быть вашими гостями, как и гостями Бера, вашего и нашего друга».

– Теперь мы можем ехать, Бренна. Дом, который станет нам приютом на какое-то время, еще не близок. Отсюда начинаются медовые угодья моего друга. Мы еще на раз увидим медоносные деревья. Но больше всего меда лесные пче-

лы собирают с цветущей черники.

– Ты пел им? Ты занимался ...магией?

– Это не магия...хотя...Рассказывают, что Липа растет из праха мудрой женщины, которая просила, чтобы ее похоронили именно так. Она желала после смерти стать деревом – домом для птиц и пчел. Ты ведь тоже почувствовала, что это необычное место. Место покоя, но и буйной жизни: летом здесь все гудит и щебечет. Когда солнце в зените, лучи едва могут проникнуть сквозь листву, а тень от дерева покрывает почти всю поляну – так широка и густа его крона. В день Бельтайна, когда Липа цветет, и вся поляна благоухает медом, сюда приходят девушки с пирогами и бьером, поют Липе и украшают ее лентами. Конечно, это не ясень, не дуб и даже не тис – не одно из пяти Великих Деревьев Эйрин – это женское Дерево. Это Мать, которая благословила нашего Бьярки и подарила ему первый рой. Вокруг поляны стоят колоды, помеченные руной алгиз.

С пчелами надо не только здороваться, но и рассказывать им о важных событиях – смертях и рождениях, свадьбах, путешествиях и гостях...

Магия... Я верю, что иногда человеку может стать спокойно и хорошо, как будто надо выбрать путь, и вдруг одну из тропинок осветило солнце... Приходят знаки, подтверждение мыслей, зримые ответы на вопросы, внятно советуют руны и встречаются правильные попутчики. Тогда все начинается в нужный момент и только так, как должно было

быть. Это сложно объяснить, но это, да, магия. В нее я верю.

– Ты . . . необычный человек. . . Ты назвал пчелам свое настоящее имя?

– Да. Поехали, впереди еще день пути. По отцу я дан, а по матери из дома О’Брайенов. Она дала мне имя *на гасип* – Бриан . Но ты зови меня Асмунд. Я человек – обычной не бывает, птаха.

* * *

Асмунд.

На двор Бера въехали уже в полной темноте. Никого – только сиротливая скотина топталась и вздыхала в сарае, собаки он так и не завел, хоть и охотиться с ней сподручней, и побрухает, если зайдет на двор кто чужой. Хороший дом сложил Бер себе из толстых сосновых бревен, крепкая дубовая дверь, маленькое окошко под самой дерновой кровлей – запирайся на засов, спи спокойно. Дом до конца не выстыл – не так давно хозяин отправился в лес. Я разжег очаг, оставил Бренну подкладывать, а сам отправился в темноту – распрячь и накормить лошадей, забрать в дом оружие, да принести нам на ужин чего-нибудь из погреба. Наудачу сразу наткнулся на крынку с молоком. Для Бренны хорошо согреть. Спать уложил ее на лавку – кровати Бер не счел себе нужным смастерить, сам улегся у входа, завернувшись в отличное войлочное одеяло, таких он сваял себе несколько, хитрец. Усталая девочка уснула сразу, и я провалился в мерт-

вещкий сон.

Меня разбудил грохот – в дверь били ногами, об стену, похоже, расколотили несколько горшков. Я с трудом глаза разлепил – стоял белый день. Бренна сидела на лавке, прижавшись к стене, в лице ни кровинки, зубы стиснула.

– Эй, молодые, вставайте! Кончилась брачная ночь. Гостей кто будет встречать?! Асмунд, выходите по-хорошему, а то подождем. Нас трое: я – Арин, со мной Ислейв. И Олав тоже здесь. Олав, поговори с ним.

– Олав, подойди под окно. Я готов говорить. Не бойся, лук Бер забрал, стрелять мне нечем.

– Когда я боялся тебя, Асмунд Торгейрсон...

– Видно начал с сегодняшнего утра, раз грозитесь сжечь нас в доме. Но вы лжете. Вас ведь Хауг послал, значит, девушку вы должны привезти живой.

– Не иначе сам Локи впутал тебя в эту историю, мой друг. Нам приказано и тебя привезти живым. Хауг поклялся сам предать тебя злой смерти. Представляю, что он придумает, пока ждет нас с девицей.

– Ты точно сразу попадешь в Вальхаллу, Асмунд после таких-то пыток, – опять подал голос Арин – дивлюсь на тебя – снова подбираешь королевские объедки? Тебе мало было баб?

– Заткнись, Арин. Мы не будем биться, друг. Я благодарен тебе, что ты пощадил моего усыновленного, помню и как гребли с тобой бок о бок. Отдай девку, оружие брось в окно

и выходи спокойно. Ты умрешь быстро и честно – я даже меч тебе дам, когда все будет кончено. Я не повезу тебя Хаугу на расправу, обещаю.

– Спасибо, Олав. Но мы не выйдем – ломайте дверь.

– Я знал, что ты упрям как тролль... Ты же вроде не был дураком, Асмунд – знаешь, что не справишься с тремя бойцами. Мы бы и вдвоем, пожалуй, уделали тебя. А так – шансов нет.

– Конечно, одной рукой сиську и письку не прикроешь.

– Шутишь? Это хорошо помогает справиться со страхом.

– Я не боюсь вас ни по отдельности, ни вместе.

– Зачем, скажи, ну зачем ты убил Харалда и парнишку? – вступил рассудительный Ислейв – Их ведь правда послала Гильдис – она уже гладит сыночка по голове... Они помирились, и королева готова отдать тебя на растерзание. Мы нашли этот дом, потому что твоя тетка о нем знала. Все одна сплошная подлость. Тебе-то что до девки этой? Отдал бы ее Харалду, и дело с концом.

– Да, я понял, что это Гильдис их послала, передумала... спасать внучка... Уж очень быстро они нас догнали – знали, через какие ворота мы выехали. Прости, Ислейв, я не могу объяснить, почему так поступил. Поверь, причина есть. И парня мне, правда, жалко.

– Выходи, Асмунд, без оружия. Если сломаем дверь, возьмем тебя и выполним приказ короля – привезем живым, не обессудь. Сдашься сам – уьем быстро. Мы признаем, что не

хотим драки с тобой.

– Хорошо. Я согласен. Только девушка пока побудет в доме. Заберете ее, когда все закончится.

Я выбросил им меч Харолда и топор, лежавший у очага, подошел к лавке, на которой замерла Бренна. Провел ладонью по мягким волосам, шепнул «Прости, птаха». Снял со стены щит и, взяв со стола свой бастард, отодвинул засов.

– Ты зря пытался обмануть нас. Мы знали, что ты предпочитаешь длинный меч.

– Во всяком случае, вам придется убить меня. Хауга видеть не желаю.

Я спрыгнул с крылечка. У них щиты – мне точно крышка. Они накинулись на меня втроем, благородство решили не проявлять. Я старался, парируя, постоянно смещаться вбок вправо от Олава, сбивая его меч вправо от себя – таким приемом я мог отгородиться его телом от остальных. Да и им приходилось атаковать вправо – это для правой очень неудобно. Я понимал, что мне не достать их, несмотря на то, что мой меч длиннее. Зато не очень удобен со щитом – все-таки работать им как двуручником легче и эффективнее. Но без щита сразу можно в такой ситуации сдаваться. Так, сосредоточившись на обороне, я мог защищать одновременно голову и корпус. Но не третью зону. И я быстро получил сперва глубокий порез предплечья, потом ткнули в ключицу и до кости пропорол бедро. Бедная девочка. Ей будет тяжело увидеть мой труп. Выглядеть он в конце истории будет

не очень. Единственный шанс был бы – тяжело ранить хотя бы одного и бежать, прорвавшись через них. На время они, надеюсь, занялись бы раненым. Хотя бы кто-то один. За это время можно бежать и убить того, кто пустится в погоню. Но мужи были опытные и совсем не дураки. Они бы взяли Бренну, а потом нашли меня, уже потерявшего достаточно крови.

Стрела, вылетела из-за невысокой терновой изгороди столь внезапно, что никто из бойцов, увлеченно наступающих на меня, не успел закрыться щитом. Бер оценил ситуацию верно – он целил в горло Олава, который свалился Ислейву под ноги. Я тут же уколол Ислейва шею, когда тот, запнувшись о тело, открылся и мгновенно – в область сердца. Он еще успел достать меня, резанул по боку, но уже вскользь, в падении. Бер шагнул на двор с натянутой тетивой. Но я уже и сам справился – Арин сидел на земле, зажимая обрубок кисти.

– Ты не оставишь мне жизнь, Асмунд Торгейрсон.

– Конечно. Если мертв Олав... Из вас троих только твоя смерть меня не опечалит. Что ты там говорил о фантазиях Хауга? Он с тобой не делился?

Я оттягивал время, потому, что не хотел добивать его. Есть у меня отвращение к подобным сценам. К тому же я начал чувствовать боль и слабость. Из бедра просто текло, а ключицу драло невыносимо.

Я с трудом стянул рубаху, прижал к ране и присел, прива-

лившись к теплому крыльцу. Надо же – солнышко сегодня. Прямо горячее, как летом. Мы с Бером переглянулись, я едва заметно кивнул. Сил что-то больше не было.

Бер поднял свой щит и топор без темляка, щепки он им у очага колол что ли. Однако заточен. Бер – аккуратный хозяин. Все у него поправлено, починено, наточено... Потом тела уберет и двор свежим песочком посыплет... Он помог Арину встать, подал в левую руку меч. Ну, давай, не бить же, как скотину. Но тот все – скис. Махнул пару раз по щиту. Бер и вправду выглядит устрашающе. Я прикрыл глаза, хоть с закрытыми глазами голова больше кружится...

Хороший все же распогодился денек. Я стоял на крыльце со спущенными штанами, подставляя лицо солнышку, и тянул понемногу зимнее пиво, а рядом на коленях стояла Бренна. Какие у нее прохладные тонкие пальчики... Только на приятной двусмысленности этой картинке никак не удалось сосредоточиться, потому что она зашивала мне бедро и было это йотуны знают как больно и долго.

– Ты бы не пил пиво. Хмельное и густое вредно раненым. Я принесу воды.

Бера она послала за ольховыми шишками – варить какую-то припарку. Пусть командует и хлопочет. Отвлекает от тягостных мыслей. Надо убираться отсюда – будут и еще гости, в зубы их троллям. Точно пожгут. И пасеку, и сарай с коровой спалят – все Берово хозяйство.

– Женщина, перестань хоть на минуту тыкать иголкой.

Дай подумать.

– Теперь рука. Сядь, мне так не достать. Плохо, что у Бера нет вина.

– Да у него отродясь не было вина. Откуда? Он эль варит и мед.

– Горячим вином хорошо бы промыть. Горячей водой недостаточно... И хватит напиваться. Я хочу спросить, Асмунд, о том же, что и этот ...дан. Почему ты не отдал меня сразу, раз это сама Гильдис велела вернуть меня? Зачем дрался со своими?

– Кому они свои? Хауг прогнал меня, освободил от клятвы. Эти люди служат ему, стало быть, мы больше не друзья.

– Между тобой и Хаугом произошло что-то...серьезное. Что-то послужило поводом к смертельной вражде. Ты увез меня, потому, что хотел ему отомстить?

– Это тебя никак не касается, девица. А может ты соскучилась по красавчику-королю, хотела бы вернуться? Тогда извини – что ж не сказала-то. А!!! Боги, можно как-то осторожней ковырять! Лучше бы Бер зашил.

– Я бы хотела все же услышать ответ на свой вопрос.

– Ну, ладно. У меня, как у любого взрослого мужчины, есть гейсы. У каждого они свои – у кого-то один, у других, как у меня, – несколько. Если я нарушу эти запреты, удача отвернется от меня, и я скоро умру. Также я могу привлечь злочастье к тем, кто окажется со мной рядом. Один из моих гейсов – никогда не отказывать в просьбе старшей женщине

моего рода. Моя тетка Гильдис – единственная и, соответственно, старшая женщина моего рода. Она лично попросила меня отвезти тебя за Ров и воспитывать дитя, которое ты родишь. Вернуть тебя назад она меня лично не просила.

– Это и есть причина? Не слишком правдоподобно звучит, уж извини. Мне кажется, это не все.

– Да. Нет! Ты скоро закончишь?!

– Я стараюсь сделать аккуратно, терпи. А если бы она лично попросила вернуть меня Хаугу?

– Я протестую против допроса под пыткой.

– А по другому следствие и не ведется, ты сам знаешь... Так что?

– Вон Бер идет с туесом и еще тащит птицу. Тебе щипать и варить нам похлебку, девица.

– Ты же хорошо понимал, что они тебя не пощадят. Если бы не Бер, ты бы сейчас лежал изрубленный, а меня бы везли по дороге на Миде. Ради чего ты ввязался, я хочу понять.

– Послушай, Бренна. Каждый из нас мог не родиться, мог умереть много раз, до рождения или после. И это событие произойдет непременно, даже если никогда ни во что не ввязываться. Искать смерти глупо, но и много думать о ней, тоже. Она может случиться с человеком сразу, а может – постепенно. Подумай: умереть, значит сразу лишиться всех вариантов. Ничего уже ты больше не получишь, не совершишь, ничего не почувствуешь, ничему не порадуешься. И, вот смотри, птаха: ты отказываешься от важного или пре-

красного, от какой-то возможности в твоей жизни из-за страха. В этот момент и случается как бы маленькая смерть, потому, что прямо сейчас ты сам решил отобрать у себя неповторимый кусочек жизни. Что-то не сбудется, навсегда канет в небытие, не оставив даже воспоминаний.

Ну, или ранят... Когда ты знаешь, что боль в конце концов прекратится, все заживет и будет просто еще один шрам, то привыкаешь. После первого— второго раза перестаешь так уж бояться.

Другое дело пытки. Я видел, что и как долго могут делать с пленником озлобленные северяне – а Хауг, я предполагаю, очень зол... на себя. Но себя-то он не накажет. Он бы очень постарался доказать, что между нами нет более дружбы и братских чувств. А когда тело превращается в вопящий кусок окровавленного и обугленного мяса... Не хотелось бы так постыдно закончить это упоительное приключение.

– Все, перевязываю и помогу тебе лечь. Считай, что ловко сумел отвлечь меня от моего вопроса.

– Или себя отвлечь от твоего изящного рукоделия. Спасибо, птаха.

Глава 4

Бренна.

К ночи у Асмунда начался сильный жар. Рана на бедре воспалилась, несмотря на примочку. Конечно, мы никуда не двинулись, хоть Асмунд опасался, что Хауг пришлет еще

бойцов или даже явится сам.

Бер не страшный, даже какой-то уютный, если привыкнуть. Молчит не потому, что невнятно говорит – это его не беспокоит, и не потому, что ему что-то не нравится. Просто о чем говорить-то... Ворчал только, что незваные гости разбили горшки, которые сохли на колышках. В чем теперь варить? Он не любопытен и принимает все, как есть. И он ни в чем не нуждается в своем лесном доме. Ночью я поила Асмунда липовым и ромашковым цветом, есть и сухая малина. Бьярки растирает ягоды с медом и сушит на крупных листьях. Составляет мази на основе жира, меда, воска и живицы. Нашлась и сухая полынь, каша из которой годится для компрессов в таких случаях. Он считает меня своей гостьей. Сам оципал пару диких гусей, сварил бульон и котел помыл. Жалел гусей: вот, только прилетели, создали парочку, надеялись выводить гусят... Рассказал, что, если убить одного серого гуся, надо ждать, пока прилетит второй и начнет плакать. Его тоже надо убить, иначе он сам себя изведет, они создают пары навечно. Пару убитых им людей он вовсе не жалел. Унес три трупа, закопал и двор почистил.

Всю ночь я просидела подле Асмунда. Он желает мне добра, но оставаться под его покровительством я не хочу. Это какая-то глупость: его, якобы, гейсы... Он что-то обещал королеве, а она теперь передумала. Все, кто «имеют право» и кто не имеет, с раннего детства решают мою судьбу. Этой ночью, когда я смотрела на бледное от лихорадки и бо-

ли лицо Асмунда, я думала – ну кто он мне – абсолютно никто. Дала ему настой, утоляющий боль, поменяла компресс. Останусь с ним, пока ему не станет лучше. Сегодня у меня в животе впервые шевельнулся ребенок Хауга. И вовсе не как говорили «как рыбка хвостиком» или «бабочка крылышком». Он сильно толкнул в желудок. Больше тянуть нельзя, и я приняла решение. И этот чужой хороший мужчина здесь совершенно ни при чем, а я в конце концов принесу ему смерть. Нет, хватит – сделаю, что должна, то, что я сама хочу – и будь что будет. Когда к утру жар спал, и Асмунд перестал ворочаться, я, наконец, тоже прилегла на лавку. Он сказал: «важное и прекрасное». От чего он не захотел отказаться?

Мне приснилась башня, в которой я провела долгие месяцы. Промерзшие стены, покрытые капельками влаги, тишина и тьма. Мое заточение началось после Ламмаса, а закончилось после Пасхи, но в башне я совершенно потеряла чувство времени. Я спрашивала у прислуги каждый раз о дне и часе, но для меня все слилось в одну бесконечную ночь. Из мебели тут стояла старинная короткая кровать, на которой спят полусидя, не желая во время сна уподобиться больным или умершим. У моего батюшки тоже была такая – он считал, что спать лежа не полезно. Тусклый свет из узкого окошка под самым потолком освещал часть комнаты, но лишь ярким днем. Осенью и зимой ярких дней бывает немного. Вечером свечи мне не давали.

Первую ночь, после того, как Хауг, почти оторвав меня

за волосы от пола, швырнул на ложе, я не смогу забыть никогда. К счастью, я хотя бы не видела подробностей битвы в пиршественном зале, когда убивали родных – пролежала под столом, почти без сознания. От зрелища казни отца меня тоже избавили.

Помню, как больно ударилась головой и плечом о резной столбик кровати. Сначала он пытался говорить со мной, кричал. Я словно оцепенела и не могла понять ни единого слова. Хауг злился все больше, ударил меня по лицу и разорвал платье. Ведь я все еще была в праздничном платье: бархатном, темно-вишневом с таргетским кружевом.

Я боялась, что если хотя бы пошевелюсь, он разъярится еще больше и задушит меня или страшно покалечит. Словно на меня напал опасный зверь, огромный и свирепый. Я замерла, закрыла глаза. Очень ли было больно? Острые зубья гребня впились в мою голову, и это было даже больнее. Говорят, медведь может задавить человека своим весом, он задохнется прежде, чем будет растерзан. И еще говорят что все, даже самое ужасное, когда-нибудь кончается.

Когда Хауг ушел, я долго лежала, все еще не смея пошевелиться, так, что видела свет факела в щели под окованной железом дверью.

Первым чувством, когда я пришла в себя, было облегчение, что опасность миновала, я жива. Затем стыд за свою трусость и эту подлую радость.

Я сразу сдалась, не сопротивлялась ни секунды, никакой

борьбы – только животный ужас.

Стыд и отвращение... Меня преследовало невыносимое ощущение грязи на всем теле, не только там... Я была лишена возможности вымыться, и мне хотелось ногтями содрать с себя всю кожу, вместе с засохшей кровью и спермой. У нее странный мерзкий запах.

Невозможно связать в своей голове такие разные картинки одного дня. Приготовления к пиру: огни разожгли во всех трех очагах, не торф, а смолистые ароматные поленья. Слуги спешили, бранили друг - друга, но весело и вполголоса. Они тоже были рады – закончились «горькие шесть недель», когда старый хлеб почти доели, а новый пока не из чего печь. Пол зала устлали зеленым тростником – свежей соломы тоже мало. Столы украсили небольшими снопами первых колосьев и гирляндами цветов, уставили блюдами с яблоками и кашей из семи зерен с маком, маслом и медом – ведь пир и стговор одновременно с праздником Лунаса – начала сбора хлеба и прочих плодов земли. По древнему договору с сидами, они позволяют людям «резать и бить тело земли с Имболка до Ламмаса», иначе – Лунаса, Свадьбы Луга с прекрасной Эйре. От этого брака родился великий герой Кухулин. Правильно проведенный обряд сулит людям равновесие благ и мир. Остатки яств вечером съедят слуги, поднявшись на холм, чтобы разжечь там костры.

Уже внесли длинные столы для свиты короля и прочих гостей и расставляют на них кувшины с вином, крепким фрук-

товым бьером, медом и элем, раскладывают круглые ячменные хлебцы и свежие овечьи сыры. И будут вкусные пироги из нового зерна с рыбой, зайчатинной, дикой птицей, и обязательно с черникой, собранной в последнее воскресенье лета.

Даны любят драгоценности и яркие ткани – Хауг был такой красивый. Вот он учтиво отвечает на приветствие Ангуса, затем дерзко берет меня за руку и уводит в сторонку, подальше от любопытных глаз. Наш флирт, его подарок – изящный гребень, с золотой вставкой-фигуркой дракона. Глаза – гранаты как капли крови. Эти камни так и называются – «голубиная кровь». Я тогда успела похвастать им Уне. Она сказала, что гранаты это камень влюбленных и символизирует чистоту невесты. Она меня смутила, хоть я и была уже посвящена в тайну супружеских отношений. Беата и прочие были весьма откровенны в своих разговорах.

Хауг попросил позволения самому украсить гребнем мою прическу. Случайное прикосновение к шее. Я волнуюсь. Вот он улыбается мне, слегка пожимает руку, произнося любезности, в которых слышится горячий интерес, нежность...

Но разорванное платье и липкая кровь на ногах не оставляли надежды на то, что это все кошмар, а не реальность. Зал родного дома усеян телами моих близких и тех, кого я знала с детских лет. Столы с блюдами перевернуты, снопы и цветочные гирлянды растоптаны. Я не буду королевой хенресин и данов – королевой прекрасной земли Эйрин.

Те, кто не погиб в этот день, сейчас на дыбе завидуют

мертвым.

Умом я понимала, что всему виной чудовищный замысел моих родных, то, что я сама того не зная, поднесла Хаугу кубок с ядом, что на галерее прятались лучники, что это была попытка государственного переворота, подлая ловушка, измена.

Меня использовали в качестве приманки родной отец и дядя. Судьба приманки известна – ее обычно пожирают. Но мной пожертвовали, не задумываясь. Отец был так ласков, щедр. Когда мне шили это платье для пира, он знал, что свадебного сговора не будет. Планировал ли он вернуть меня в монастырь или у него был другой жених наготове? Готов ли он был к тому, что в меня тоже попадут, ведь стрелы посыпались на нас градом? Могла ли я успеть отойти в безопасное место до залпа? Или это было не важно? А если бы я отпила из кубка несколько глотков? Отец смотрел, как я подношу его к губам и промолчал...

Если бы я не крикнула, не толкнула Хауга так, что он расплескал вино, не успев сделать глоток... Но ведь и Хауг закрыл меня собой от стрел, пихнул под стол... Почему же потом он не поверил мне, решил, что я участвовала в заговоре? Много позже я догадалась – он думал, что в монастыре меня в это втянули сестры, связанные с Воинами Вереска, и я была активной частью их совместного с Ангусом плана. Ведь Беата действительно имела с этой партией отношения, вела с ними дела, участвовала со своими ближними подругами в

политических играх. Конечно, как ему было поверить, что я не была во все посвящена.

Король и его люди, отправляясь на пир, под одежду надели кольчуги тончайшего и прочнейшего лэллорийского плетения. Только поэтому большинство получили лишь царапины и успели к своим щитам и оружию.

Я должна была лишь поднести ему кубок в знак уважения к гостю и вернуться на свое место. По нашему обычаю женщины сидят за отдельным столом и на пиру не пьют вина. У данов – иначе. У них мужи и дамы садятся парами, друг против друга и пьют вдвоем из одной чаши, украшая пир беседой. Хауг попросил меня присесть с ним. Даме прилично пригубить из кубка первой. В монастыре я изучала яды, мать Арисима давала мне крошечные дозы, дабы развить нечувствительность. И, когда я попробовала вино, я сразу узнала этот вкус. Я поняла, в чем дело, не сразу, передала ему кубок и почувствовала горечь, как жжет опухающий язык, а ведь я только лизнула. Никто не ожидал, что я закричу и толкну короля, выбивая кубок из рук. Он не успел даже к губам поднести. И сразу нас накрыло залпом стрел.

Обо всем этом я раздумывала часами, днями. Мысли шли по кругу, иногда принимая какое-то странное, абсурдное направление, но, всякий раз сворачивая на одно. Конечно, замысел принадлежал дяде, как вождю клана. Уна, хоть и делила с ним ложе, разумеется, ничего не подозревала. Не могла она, пришивая жемчуг к рукавам этого великолепного пла-

тъя, знать, что оно может быть пробито стрелой, вместе с телом ее любимой воспитанницы. До сих пор в моих ушах стоит стук жемчужин о каменный пол.

Зачем Хауг его разорвал? Если бы он приказал, я бы сама послушно сняла. О чем я, господи, думаю! Куда бы я теперь его надела... Вишневый бархат хорошо впитывает кровь, она на нем совсем не видна. Куда его дели? Должно быть, сожгли.

Я чувствовала одновременно тошноту и голод, которые затем станут постоянными. Не могла насытиться вполне сносной едой, которую мне приносили. А иногда – не ела, просто не могла. Я вовсе не хотела умереть, нет. Смерть страшила. Через силу я впихивала в себя немного, утешаясь тем, что Хаугу доложат – я почти не трогала обед. Может быть, ему не все равно. Потом меня стало рвать. Я страдала от того, что воду приносили только во время трапезы, и меня выворачивало на сухую.

Раз в сутки приходила пожилая дама – я подозревала, что не простая прислуга. Наверняка в ее обязанности входило шпионить за мной. Зачем это надо Хаугу или королеве, когда я и так полностью в их власти и лишена всякой возможности бежать или связаться с родными, я не думала. Просто мне тогда казалось опасным и враждебным любое слово и даже взгляд, исходящий от людей. Она купала меня, выносила ночную вазу, причесывала, иногда приказывала переодеть белье или платье. Чья это одежда я не думала.

Тянулись дни, недели, месяцы. Апатия сменялась яр-

стью, затем снова отчаянием. И холод. Я все время дрожала, никак не могла согреться. Я сходила с ума от одиночества и тишины. Каждый день и ночь боялась, что Хауг придет и желала этого. Я все время о нем думала. То с ненавистью, то как о любовнике. То жаждала его сострадания, то мечтала о том, как зарежу его во сне, то о том, как мы помиримся, как он обнимет меня. Я прощу его. Как я прощу его?! Было ясно, что мы не сможем после этого ужаса жить ни вместе, ни порознь.

И он приходил иногда, но никогда не засыпал в моей постели и не ласкал меня. Отметившись как мужчина, Хауг молча уходил. Мы не разговаривали и не смотрели в глаза. Иногда мне казалось, что он жалеет обо всем произошедшем, но не может это прекратить. Не знает, что со мной делать дальше, не в силах прервать это злое наваждение.

Но я не могла его избавить от затруднения, потому что, к счастью, не имела ни ножа, ни яда.

А потом я увидела ее. Сначала просто как некое пятно, лишь чуть светлее окружающей тьмы. Я стала напряженно вглядываться в это... туловище в оборванной окровавленной сорочке без головы... Я так орала, что пришел отрок-охранник. Он велел мне замолчать, но я так безумно себя вела, так умоляла его не оставлять меня одну, что он сжалился и оставил мне зажженный масляный светильник. Он ничего странного, конечно, не увидел, и решил, что я лишилась рассудка. В дрожащем свете лампы я разглядела ее лучше. Нет,

голова была, но как бы более прозрачная, едва различимая – растрепанные лохмы, закрывающие лицо. И она двигалась: отвела свои патлы, уставилась на меня немигающими темными глазищами и заговорила. Ее голос был словно скрип виселицы, словно скрежет ржавого от крови пыточного колеса, резкий, невыносимый. В комнате стало еще холоднее, как будто каждое слово нежити наполняло ее затхлым ледяным дыханием склепа.

– Ты жалеешь себя, молодая королева? Плачешь о том, что этот обезумевший мальчишка убил в тебе? О том, что заперта во мраке и холоде? Но ты не принадлежишь ни своему мучителю, ни смерти. Солнечные лучи согреют тебя, и ты услышишь пение птиц. А то мягкое, слабое, сладкое и глупое, что было побито морозом, из самой твоей сердцевины снова примется в рост, как новый побег на живучем кустике розы.

Поплачь лучше о Хауге. Ведь вскоре он отправится долиной теней к обители вечного отчаяния. Вот там, в царстве Хель, немислимый холод и беспросветный мрак.

Поплачь о нем, пока он живой... Для него теперь и день черен и ночь не приносит покоя. Он совершил, как я когда-то, деяние злое, непоправимое, противное человеческому естеству. Нарушил обещание, данное пред пламенем очага, над кубком вина... Такие дела прокляты и приближают конец мира.

Я хочу прикоснуться к тебе, молодая королева, согреть

у твоего сердца руки. За это я расскажу тебе все, что случилось со мной и случится с тобой. О конце мира и той последней надежде, отняв которую, король сам не ведая, подарил. О пророчестве на языке Богини, произнесенное вещей головой на Рорне больше столетия назад, перед Битвой. Хочешь узнать, что он дал тебе, отняв всю твою прежнюю жизнь, все наивные мечты? Ведь мне, как вельве, ведомо будущее.

Мгновенно она оказалась у моей постели. Я ощутила на лице смрадный туман, прикосновение к моему горлу ее тонких ледяных пальцев.

– Бренна! Проснись! Что ты, тихо, тихо... это же я... Ты проснулась? Все? Что-то приснилось, да, птаха?

– Отпусти! Не смей меня поднимать, ты спятил, Асмунд. Тебе и вставать нельзя.

– Вот и не будем вставать. Просто иди ко мне.

И он, не слушая моих невнятных и слабых протестов, отнес на свое ложе, укрыл. Поколебавшись, лег рядом, осторожно обнял – все-таки бедро болело. И взял мою руку в свою. Рука у него – сплошные мускулы и жилы, длань большая, жесткая, покрытая тонкими шрамами. Потом я узнала, откуда они: иногда в драке приходится голой рукой отмахнуть руку нападающего с кинжалом и отвести клинок – лучше порезать руку, чем получить проникающее ранение.

Я прошептала «отпусти», но хотела, чтобы никогда не отпускал. Его длинные сильные пальцы гладили мою ладонь, запястье... Это было странно, немного стыдно ...и хорошо.

И я, по привыкнув к его близости и теплу, успокоилась. Я никогда еще не засыпала рядом с мужчиной, но вдруг совершенно бесстыдно прижалась, уткнулась носом в его плечо и сладко уснула.

Бер.

Утром я вернулся на двор, подоил корову и козочек. Потом решил замести за воротами свои ночные следы. Ни к чему девочку пугать.

Зашел в дом за котелком, сварить на завтрак каши, растопил очаг, а сам думал, что теперь делать. Бренна с Асмундом спали, обнявшись. Странно, почему Асмунд сказал, что она не его женщина. Наконец, я решил: раз оставаться им здесь нельзя, а Асмунд ранен, хоть и поправится скоро, я должен их проводить. И если сюда снова явятся люди Хауга, они не найдут ни живой души, а жечь покинутый дом – вряд ли захотят возиться. К тому же нужны деньги – надо продать скотину, все равно ее не на кого оставить, и купить удобный крытый возок. Женщина в нем сможет спать в лесу – все не на земле. Сейчас Асмунду трудно будет ехать верхом, потом Бренне. Раз брюхатая, скоро ей нельзя станет верхом скакать, с пузом-то. И хлеба в дорогу.

Так я все обдумывал, помешивал овсянку, и как-то вспоминалось, как я пришел жить сюда, как выстроил дом. Ведь я его с тех пор и не покидал.

Жил в шалаше, приближалась осень, мне позарез надо бы-

ло закончить строительство до Самайна, но работа шла медленно. Худо мне было – каждый день приступы, потом слабость, тяжелая больная голова. Вместо того, чтобы валить деревья, я просто бродил по лесу, ел ягоды, спал.

Однажды забрел на Хребет. Такое мрачное место, но силы много – я сразу почувствовал: прямо затошнило и руки-ноги затряслись. Там росли огромные старые ели, мягкий сухой ковер покрывал под ними землю: ни гриба, ни травинки. Из-под корней самой раскидистой ели-королевы бил ключ – темный неторопливый ручей изгибался меж толстых корней, подобно ленивому змею. Мне захотелось пить. Я зачерпнул пригоршней – вода была студеная, вкусно пахла лесной землей, слегка горьковатая, словно ели придали ей привкус хвои. Хотелось еще. Я пил и пил, потянуло прилечь, закрыть глаза. Я словно потек вместе с ручьем, но в обратном направлении – по корням вглубь земли, сквозь мягкую почву, скользнул меж камней, потом падал, падал... Тут были сумерки, но видно: невысокие, острые серые скалы, меж которыми горели костры, сам свет которых казался мрачным... Тусклое, темное пламя, оно было очень горячим – здесь в недрах иным, чем мирный прирученный огонь, согревающий человеческие дома. Это было пламя первотворения, плавящее камни и драгоценные металлы, перемешивающее в раскаленном вихре ингредиенты сущего.

Он возник внезапно, наверное, просто вышел из-за скалы. В сущности, он не был карликом – невысокий рост компен-

сировался мощью корпуса: длинные мускулистые руки, коренастый, в его квадратной фигуре чувствовалась каменная тяжесть – кривые ноги словно вращались в землю после каждого шага. Этот боец расплющит любого врага одним ударом пудового молота. Такого, каким этот рыжебородый поигрывал, подкидывая в руке.

– Бьярки Гуннарсон? Интересно, что ты здесь забыл? В Свартальфхейме не водятся пчелы, птички и ягоды, которые ты так любишь.

– Здравствуй...

– Дьурин. Но я не помню, чтобы мы тебя приглашали.

– Я просто захотел пить. Я уйду, если ты скажешь мне – как.

– Надеюсь, ты пил воду из ручья наверху? Не вздумай хлебнуть *здесь* этой темной водицы. Ну раз явился... Что это у тебя в руке за кочерыжка?

– Топор... Я должен рубить сосны, чтобы тесать бревна на постройку дома.

– Ерунда какая. Дай сюда!

И он, легким движением вынув плотно сидевшее топориче, сунул мой топор в пламя, а затем погрузил в черные воды ручья, произнося слова на Высоком наречии, которых я, разумеется, не понял, но, кажется, произносил он их как-то странно – отрывисто, от грубых гортанных звуков переходя на шипение. Я, правда, не знаю ни одного слова на языке Холмов, только слышал немного в песнях филидов, как лю-

ди повторяли. Только все равно так не может звучать Высокая речь. И держал он раскаленный металл голыми руками. Мне очень захотелось оказаться в другом месте...

Однако ничего худого не произошло. Он вернул мне мой топор целехоньким и показал тропинку со ступенями, ведущую вверх.

– Имя ему будет Скеггох. Годится для боя и для работы. Темляк можешь не привязывать, будет сидеть в твоей руке послушно и никуда не улетит, если ты сам его не метнешь, конечно. Из тебя получился бы неплохой кузнец – малыш Бьярки. Я бы взялся тебя учить. Но не к тому лежит твое сердце. Оно еще не набрало тяжести, недостаточно впитало горечи. Приходи, если в нем прибавится камня. Ищи липу на опушке, там испей – может выйдет прок, обретешь свое добро, как поется в песне одной валькирии.

И он исчез, а я начал карабкаться по крутым ступенькам. Очень долго поднимался – еле залез.

Потом заснул под елью и проспал и день, и ночь мертвецким сном. А утром нашел добрый сосенник и принялся рубить. Это стало так легко – лезвие топора срезало деревья как серп траву, да и силы у меня как будто прибавилось.

Вскоре дом был почти готов, я даже начал там ночевать. Осталось нарезать дерна на кровлю, и я стал искать ровную полянку, потому, что поблизости трава росла какими-то кочками. Березы начинали кое-где желтеть, воздух пах остро: грибами, осенними цветами, такими, что растут высоки-

ми желтыми метелками, а звезды сыпались каждую ночь с черного неба прямо мне под ноги, на протоптанную уже дорожку к дому, в полные дождевой воды лесные ямы. Эти, летящие в черноте сентябрьской ночи серебряные перышки, эти неуловимые вспышки вызывали почему-то странное болезненное волнение, желание плакать от непонятной тоски. Мне было грустно, хоть приступов падучей стало много меньше с той поры, как я побывал на Хребте. Днями я собирал и сушил последнюю малину, грибы да все надеялся найти дупло с лесными пчелами. Я наблюдал, как они садятся то на лесную гвоздику, то лезут в колокольчики или копошатся на последней герани или цикории и куда они, такие мелкие и черненькие, летят. И старался следовать за ними.

И вот однажды я понял, что вижу над своей головой крону той самой липы, о которой говорил мне в полузабытом сне Дьурин. Пчелы всего леса устремлялись к ней – она была их дворцом. Я лег на мягкую мураву под липой и принялся смотреть вверх, сквозь зеленый трепет листвы. Солнечные блики на листьях сверкали, словно на морской зыби, голова была легкой, пустой и слегка кружилась. Я словно стал маленьким и полупрозрачным, как только выросший из яйца муравей и побежал вверх по стволу.

Кора липы под моими ногами была морщинистой и теплой, как щека старой женщины. Вскоре я добрался до самого верха и оттуда увидел весь лес, свой дом и неуклюжую тушу какого-то молодчика, лежащую в траве: «Да ведь это мое те-

ло», – догадался я, и мне стало так смешно, что я тоненько захихикал, а огромные яркие птицы посмотрели на меня с опасным интересом. Я решил, что лучше спуститься поглубже в трещину коры. Над головой раздавался оглушительный птичий крик: «Вниз! Вниз!»

И я побежал вниз. Тут, под корой, было темно, зато обострилось мое обоняние и я услышал этот сладкий запах. Его источник был у самых корней – там бил родник, наполнявший небольшую ямку водой, подобной меду. Я прильнул к источнику и пил, и рос, рос... Тело мое наполнилось медвежьей силой, а в голове прояснилось.

Асмунд.

На следующий день Бер отправился в ближайшее село, продать корову. Бренна за мной ухаживала – славная она девочка. Приятно, знаете, валяться и принимать заботу: кормила меня похлебкой, перевязывала, не слишком, правда, ловко, опять поила каким-то настоем. Из нас двоих она больше нуждается в теплом отношении. Какая все же Хауг скотина, досадно, что не случилось его убить. Такая милая – сама больше помалкивает, верно, с детства приучили в монастыре, но любит слушать. При этом весьма не глупа. Что ж, если байки помогут приручить эту пугливую птаху – придется заделаться бардом. Птичкам надо петь, что поделаешь.

Ночью-то спала кое-как, присела рядом после обеда, говорит: «Что-то Бера долго нет. Протоплю сейчас, а то вы-

стыло», а сама к стене прислонилась, и глаза закрываются – устала. Я подумал: «Вот сейчас проверим, получится ли», а сам чувствовал себя типом крайне коварным. Ну, в конце концов, наша дружба – залог спокойного путешествия. В ушах у меня все еще звучали слова старого Тэма: «Смотри, как бы не сбежала».

– Ты его не боишься, Бера?

– А что, надо бояться? По-моему он хороший. Это ведь он Бьярки и есть, да?

– И да и нет. Нам он друг, но вообще-то...

– Как это «и да и нет»? В каком это смысле?

– Он Бер. Если хочешь, расскажу всю историю до конца. Устраивайся, я подвинусь. И топить не надо, у меня одеяло теплое. Ночью же не замерзли.

– Я и ночью не должна была...соглашаться. Это...неприлично.

– неприлично, если кто-то узнает, а мы никому не скажем. Ну, ты же устала. Просто полежи, а я тебе буду рассказывать. Эта история дальше похожа на сказку.

– А это, случайно, не сказка про колобка? «Сядь ко мне на носок, я тебе песенку спою».

– Значит, Бера ты не боишься, а меня...опасаешься? Слушай, птаха, я не люблю громких слов, но клянусь...своей удачей, что никогда тебя не обижу. Да мне и по статусу не положено. Ты – мать моего будущего усыновленного воспитанника. Поняла? Чем это так пахнут твои волосы?

– Это лаванда. Я выменяла флакон масла на гребень у служанки. От этого запаха меньше тошнит.

– Дивный запах. Вот так. Ну, слушай.

С тех пор, как Бьярки испил из чудесного источника, дарованного матерью-Липой, сила его прибывала день ото дня. Но, несмотря на то, что дом был построен, а чувствовал он себя с приходом первых морозцев все лучше, стало одолевать его непонятное беспокойство, какая-то смутная тоска, которая порождалась самим запахом леса. С таким трудом и желанием выстроенный дом стал словно и не нужен, а вот лес и тревожил и звал. Обоняние и слух обострилось, теперь он мог за триста шагов учуять запах мыши в сухой траве, а подойдя чуть ближе – услышать ее возню. Видеть же стал не хуже, а просто немного по-другому. Реальность словно развернулась, раздвинулась в звуках и запахах, во вкусах и телесных ощущениях, но утратила измерение слов и понятий – связность ее теперь была проявлена ему в чувствах. Тело иначе двигалось, иными стали его скорость, реакция, чувство равновесия, ощущения от внутренних органов. Но руки-ноги и отражение в воде были прежними...

Все это томило, Бьярки стал плохо спать. Очень хотелось сладкого, и он мечтал, что в мае, когда вылетят рои, снимет на волшебной липе рой-другой, смастерив ловушки.

Ты знаешь, как ловят рой, девочка?

– Нет. Но я хочу спросить, а как вы познакомились? Откуда ты все это знаешь, он тебе сам рассказал?

– Познакомились на дворе трактира, забавно. Он сидел, обалдевший от ярмарочного шума, жары и вони. Я предложил ему место в тени, принес эль. Потом было приключение, но об этом в другой раз расскажу. Когда мы отдышались, Бер сказал так: «Знаешь, парень, чем пчелы отличаются от людей? Ни одна пчела не важна сама по себе и ничего о себе не думает. Но рой пчел – разумное, сложное и прекрасное существо. Люди же по отдельности вроде как разумны и будто бы самостоятельны, но соберутся в человеческий рой и очевидно, что они отнюдь не обладают ни разумом, ни свободной волей. В них нет ничего приятного, и они не производят ничего нужного для этого мира. Меда поэзии от такого роя не дождешься».

– Бер такое сказал?

– Бывает, человек не тот, кем кажется на взгляд.

– А ты – тот, кем кажешься?

– Смотря, кем я тебе кажусь, птаха. Но, мы отвлеклись.

Однажды Бер проснулся до света внезапно – словно его кто в бок толкнул, от острого чувства тревоги. Он вышел на крыльцо, вдохнул пряный с горчинкой холод, посмотрел на лес – словно заглянул в черную купель, манящую и пугающую. Выпал первый снег. Такой ровный, пушистый, что жалко было оставлять на нем следы. Но он оставил. Это были следы огромного черного медведя.

– Ты хочешь сказать, что Бер – оборотень?

– Ну, да. Кстати, человеческое сознание не всегда пол-

ностью сохраняется. Никогда от него не беги, это верная смерть. Счастье или беда с ним приключились, только приступов падучей больше не было, прошли и слабость, и тоска, и головная боль. Медведем он становится редко и ненадолго, но, когда это случится и от чего зависит, сам не знает. Как только появляется предчувствие – раздевается и уходит подалее в лес.

Правда, рассказал об одном случае, из которого видно, что в момент наивысшего напряжения чувств, он может обернуться по собственному желанию, и часть человеческого сознания удержать, даже впад в ярость.

Весной Бер сплел из ивняка ловушки для роев и повесил их в кроне липы. Надо часто выслушивать их, проверять, а то влетевший рой может и вылететь обратно. Так он неподалеку сидел тихонько. К Липе пришли девушки с пирогами, бьером, украшали древо цветами, пели – Бельтайн же. Бер, конечно, волновался, что шумят, но ловушки-то вешают скрытно, чтоб никто не тронул. Собрались девицы уходить, а одна – нарочно отстала.

Как ушли подружки, стала девушка молить Липу об избавлении от злой доли. Хворала она, кашляла, а отец с матерью спешили ее просватать. Осенью готовили свадьбу, коль доживет. Не сильно ласково к ней относились в семье, бранили. А батюшка так и молвил: «Ты все одно помрешь, Марьон, а выкуп за тебя младшей сестре в приданое пойдет, жених-то щедр – еще лошадь купим. Ну и что, что тебе он не по нраву.

Судьба твоя все одно – неминуемая. Хлеба и так не в достатке, нетках и непрях кормить не с руки. А ты строптивая девка, не благодарная. За твои вопли высечь бы тебя, да боязно, что до свадьбы не дотянешь. Радоваться надо, что мужик-дурень от страсти сомлел и не видеть того не желает, что не хозяйка ты и не родиха».

Вот поплакала она, мать-Липу обнявши, а потом скрепилась и говорит: «Клянусь, мол, матушка при светлом твоём источнике, что больше ни куска хлеба не съем в доме родных своих. Пусть хлебом, зря переведенным на хворую, не попрекают. Все равно мне к Богине скоро».

Тут Бер потихоньку вышел, а девушка была так придавлена своим горем да обидой, что и не испугалась. Помаленьку он ее утешил, уговорил разделить с ним трапезу – не пропадать же пирогам и доброму элю. И не в родном она доме ест. Что тут говорить долго: они подружились, и стала Марьон приходить к Липе, чтобы встретить странного черноволосого лесного парня. Он ее все потчевал жареным мясом и медом, надеялся, что полезно ей.

– А охотится он в медвежьем облике?

– Да ведь, медведь-то, Бренна, лопает, что ни попадя. И овес молодой жуёт, и корешки всякие, и мышь тоже сгодится, и падаль, и крупных животных, да все, что схватит. Нет, на охоту Бер всегда ходит двумя ногами и с луком.

Ну, вот... Так они встречались в начале лета, но родные девушки быстро почуяли неладное. И решили окрутить по-

скорее. Заперли ее, а как она рыдала и билась, поучили все же плеткой, чтобы перед соседями не срамила.

Бер нашел их двор по ее следам. Надолго же те люди запомнили глухой низкий рев взбешенного зверя, что одним ударом лапы переламывает хребет взрослого оленя. Он, правда, никого не убил, ума хватило мужчинам не вставать у него на дороге. Сорвал Бер зубами добрый замок, Марьон села к нему на спину, и увез он ее вот в этот самый дом. Когда-нибудь внуки тех людей сложат сказку о девушке, увозимой на спине черного косматого чудища в дремучий лес. Только чудовищем – то в этой истории был не Бер.

– Они полюбили друг друга?

– Да, птаха. Только счастливы были недолго – одно лето...

Марьон была с ним до середины осени и уже носила его ребенка, когда Хель ее забрала. Бер старался лечить, собирал какие-то травы, даже пытался найти ведьму, чтобы совершила сейд, но безуспешно. Вода из священного источника тоже не помогла. Тогда Бер смастерил большой короб и отнес ее, ослабевшую, в дальнее село к лекарке, которая обещала хотя бы облегчить последние страдания. Обрато нес в коробе уже мертвую, такие дела... Зато Марьон умерла у Бера на руках и узнала радость. И это лучшее, что могло случиться.

– Почему же Липа...

– Я думаю, что благая магия совершает лишь то, чему быть суждено, помогает человеку или зверю осуществить его судьбу. Но не переменить долю. Бер похоронил любимую по

нашим старым обычаям, только пепел закопал в тайном месте в лесу и посадил в него семечко. Какое дерево выросло – он мне не сказал.

Ты что, плачешь, птаха? О них?

– Да, о них... И о себе.

– Что ж, поплачь, это надо. Иногда очень нужно оплакать то, что ушло или вовсе не сбылось. Поплачь хорошенько, как в детстве. Хотя, так мы уже и не умеем, как в детстве, сладко и долго плакать со слезами. А потом, как наплачешься, хорошо становилось, спокойно. Помнишь? Можно, я тебя обниму?

– Да.

Так она и уснула в моих объятиях с мокрым от слез лицом. Мне было чуточку стыдно – ну и коварство, достойное Локи. Ее мягкие волосы щекотали мне подбородок, я чувствовал теплое дыхание и запах лаванды. Рука затекла, я лежал, боясь ее потревожить, и слушал предвечернее пение птиц. Они гомонили на тополе, что рос у Бера во дворе, просто

орали. И я понял, на какую птичку она похожа – на пеночку-весничку, не яркую, но кругленькую, веселую, чье пение напоминает соловьиное.

Бер явился только наутро. Я как раз перебирал свой арсенал, прикидывая, что продать в первом же городе, а что пригодится самому. Ну, с моим – то лонгсвордом я, пока жив, не расстанусь. Имя ему Клайдеб по-гэльски. У большого мужа и все должно быть не малым. Набрал я трофеев, однако, это

не радовало. Пара недурных кинжалов – один продать можно. Жаль, такой хороший гамбезон был у Арена, почти мне по росту и широкий – его можно и на кольчугу сверху надевать. Но что поделать – порублен и залит кровью, и снимать не стали. У Ислейва взял отменный скармасакс – нравятся мне его обоймицы для горизонтального крепления к поясу. Лезвием вверх крепится, так удобно выхватить с одновременным рубящим ударом. Но его, пожалуй, подарю Беру. Не надо жадничать. Эта штука и как тесак хороша, для бурелома всякого и кости перерубает легко – оленя разделать или другую крупную добычу – милое дело. Вот худо, что не удалось Беру хлеба купить и вообще крупы никакой. Мы-то с ним можем какое-то время одно мясо жареное жрать, а вот беременная наша девочка по хлебу заскучает. Затем, что мы имеем: меч Харалда – хорошо отбалансированный, с тяжелым красивым навершием в виде гладкого бутона. И гарда не маленькая, квитоны перекрестья сильно загнуты вперед – красивый, сталь хорошая... Деньги приличные можно бы выручить, да как его продашь? Кто купит в мелком городишке такой дорогой меч? Слишком уж приметный, вопросов, а то и неприятностей не избежать. Придется зарыть где-нибудь на дворе. Эти два – попроще сильно, но, если не особо дорожиться, можно предложить, ничего.

А этот клинок принадлежал Олаву. Олав...с ним я бы предпочел посидеть за чаркой бранвина, а не драться насмерть. Но, что ж, он выполнял свою клятву, я тоже, что тре-

бовалось. Вот у него – прям какой-то новомодный. Под одну руку, но достаточно длинный, чтоб, не слишком нагибаясь, достать пешего с седла; двойной дол тянется от эфеса до третьей четверти клинка – до точки удара, широкий, плавно сужающийся от гарды к острию, что служит отличной балансировке. И что мне особенно понравилось, что вот, хоть и не двуручник, а эфес длинный, кисть жестко не фиксирует. Я поворачивал – очень свободно, легко, позволяет использовать кистевые удары. И с локтя, либо со щита колоть им удобно. Такая красота кольчугу если и не прорубит – сделает противнику крайне, крайне неприятно... Словом, чудо просто. Себе оставляю, и имя ему будет... Вертлявый.

Бренна собрала мешочки с сухими травами, сидела бледная и печальная. По-моему ей нездоровится и на душе нехорошо. Бер взял туес с медом, пару бочонков хмельного, уложил одеяла, ложки и котелок. Хорошо, что удалось купить хороший крытый возок. Запрячь в него решили Зайку, Бренна будет править, а Бера все одно лошади не несут – боятся. Он и пешком не отстанет.

Пока я наслаждался своим оружейным богатством, Бер с чем-то возился на дворе. Вошел и говорит: «Вот, тетиву хорошую натянул. Смотри, что выменял в деревне у одного мальчика. Пусть Бренна попробует, получится хоть от крыльца в тополь попасть?» И протянул, к моему удивлению, небольшой, почти детский, но ладненький такой лук. Я подумал, зачем ей стрелять из такой ерунды, кого из этого можно убить,

кролика? Но Бер лицо сохранял серьезное, непроницаемое – верно что-то задумал.

Я позвал Бренну на крылечко и говорю: «Птаха, ты из лука стрелять никогда не пробовала? Хочешь, научу?» Показал ей, локоть придержал, и у нее действительно дело быстро пошло на лад, только силенок на нормальный лук было бы маловато, а с таким – ничего. Но я порадовался, что ее это упражнение хоть немного отвлекло от тоскливых мыслей.

Бер в это время принес целый тул длинных, но тонких и легких стрел с древками из ладанника или, иначе, скальной розы. Есть тут такой куст с ровными и прямыми ветками, редко только встречается. И горшочек с темно-зеленым воноющим варевом.

– Это каша из корневищ и стеблей белой чемерицы, свежесобранной – весной она наиболее ядовита – пояснила мне Бренна, выслушав описание растения в исполнении Бера. – Если обмазать этим наконечники – достаточно, чтобы стрела поцарапала кожу человека или крупного зверя. При попадании яда в кровь смерть наступит, едва стрелок успеет до десяти сосчитать. Местные крестьяне так спасаются от волков, и даже детишки носят пузырек с этим отваром. Но есть животное, убитое таким способом нельзя, яд разрушается медленно.

– Бренна – говорю – ты хоть руками голыми отраву эту не трогай. Дурь какую-то Бер затеял.

Вот как это ему удалось так быстро подружиться с моей

непростой девочкой?

Она ему даже улыбается.

Глава 5

Драммонд.

– Вы имеете наглость предлагать мне сработать трех по цене одного? Малышка, принеси еще пинту, даже икота разобрала. Господа так смешно шутят. Веселые, праздные люди – хорошо быть богатым, верно, цветочек?

– Я еще раз подчеркиваю – только женщину. Ее спутники нас не интересуют.

– Но драться-то я буду с мужчинами, а их – двое. Слушайте, все... идите лесом, насмешили и спасибо. Дайте пожрать спокойно. Я готов рисковать шкурой, но за правильные деньги.

И Драммонд резко поднялся и отсел от своих собеседников за большой пустой стол в дальнем углу.

– Эй, маленькая, свиную похлебку с горохом и порцию ребер.

Не обращая внимания на этот, впрочем, не дальний демарш, высокий мужчина, который, несмотря на жару в таверне, оставался в зимнем суконном брте и даже не снял капюшона, дотронулся до руки своего соседа, сдерживая его гневный порыв. Затем со вздохом налил себе эля.

– Ты, Финлей, хотя бы не вспыхивай. Гнев и нетерпение не помогут нам достичь соглашения, да.... И не капризни-

чай, как девка. Мне стоило некоторого труда вас свести: он – отменный воин.

Быстрый, очень быстрый, техничный, хладнокровный, безжалостный. Солдат-наемник, получающий двойное жалование, что дерется в первом ряду построения, не может быть

слабаком и трусом. Это человек, не знающий сомнений, не испытывающий ни малейших терзаний ни по какому поводу, если заплачены деньги. Давай-ка остынем и начнем снова.

Драммонд, не отрываясь от еды, хмуро глянул на вновь подсевших приятелей, но ничего не сказал. Свиной жир и сок тек по его бороде. Он с удовольствием запивал мясо элем и готовился выслушать новое предложение. Драммонд хорошо понимал, что эта торговля – игра. Просто эти двое надеются поделить между собой некоторую, и возможно, не малую часть выделенных на мероприятие средств.

– Послушай, Драммонд. Нам про тебя все известно: король Хауг не оценил твои услуги, поскольку, ты – полный отморозок, подчиняться не можешь органически, а держать на своем дворе неуправляемую машину смертоубийства немного э... неприятно. Кое-кто из воинов-кернав на службе короля, расписал нам твои подвиги и обычаи в ярких красках. Нет у тебя там друзей, да... И нигде нет. Кроме оруженосца – твоего живого щита и верного клеймора в руке.

Но не очень-то у тебя много и заказчиков – мало кто хо-

чет связываться. Жаден верх всякой меры, а работаешь грязно, шумно, о сохранении конфиденциальности ... Что морщишься? Не слышал такого слова? Вот именно. К тому же, объявлен вне закона, за свои шалости в Мичейле. Помнишь, милейший, что там сотворил? Жуткий ты человек. Шея – то у тебя бычья, но и палач в Миде – мастер.

– Я не боюсь твоих чучел с алебардами, что загорают у входа. Ты что, вздумал угрожать?

– Будут деньги, не сомневайся, за троих. – Вставил, наконец, слово второй – невысокий, полный мужчина, похожий костюмом на цехового старшину, но без цеховых знаков. – Будет и премия лично от меня. Очень неприятное и скверное дело нам с тобой поручили: отрубить голову безвинной беременной девочке. Вот какие дела. И я доплачу, если мои люди доложат мне, что ты все сделал аккуратно, и она не страдала.

– Так сколько? Не крути, толстомордый мой господин... Называй нормальную цену и давай задаток. И поподробнее про своих людей. Вот они – то мне нахрен нужны?

– Нет уж, любезный. Пятеро моих людей скрытно наблюдают и помогают, если что. Или десять. Спутники у нее тоже не отроки, как бы тебе, уж, прости, солоно не пришлось. К тому ж обеспечат... чистоту. Все уберут. Те люди вместе с лошадками и скарбом просто исчезнут, как будто их фейри унесли. С тебя только одна голова. Твое главное дело – девушка. Ну как – договорились? Серебро.

И он подкинул в руке туго набитый холщевый мешочек. Драммонд хмыкнул, принимая и взвешивая на ладони.

– Первый вопрос – зачем вы нанимаете меня, когда у вас полно своих людей. И где же мне искать клиентов?

– А тут и жди. Ни в одном селе по пути ни в Денгане, ни в Кове они не купят припасов. Хлеба, крупы, овощей – ничего больше нет. Если что и осталось маленько – черный хлеб Господа, который зажигает смертельный огонь. Пршлый год был неурожайный, за зиму все выгребли. Крестьянедохнут, да... Хлеба можно купить здесь. Спасибо нашему мудрому владыке, тут состоятельные горожане пока не отошчали, да... Им подскажут, не беспокойся.

А нанимаем тебя потому, чтоб в случае чего... Наши люди прямо укажут на нас. А ты нас не знаешь, братец, кто мы, где мы... Стало быть под пыткой покажешь что? Заплатили хорошие господа и все. Да ладно, нормально все обойдется. Ты ведь не трус?

Бренна.

Асмунд все же предпочел поехать верхом, хоть рана беспокоила его. Но спорить с ним бесполезно – в жизни не видела такого упрямого мужчину. Впрочем, у меня нельзя сказать, чтоб богатый опыт. Мы остановились отдохнуть на берегу бурной ледяной речушки, вода которой была почти белой от растворенного в ней известняка. Пока Бер разводил костер, чтобы сварить кашу из того небольшого запаса кру-

пы, что у нас был, Асмунд что-то искал по искрошившимся выступам ракушечника на берегу.

Я прилегла в тени боярышника, росшего не деревом, а пышным кустом. Мне было тоскливо и тревожно. Ребенок в животе начинал толкаться с каждым днем все чаще и ошутимее. Что мне делать? Как улизнуть от них, где найти знахарку, которая избавит меня от этого ... Не хочу! Я ведь лучше многих знаю, чем может закончиться подобный поступок. Но и носить ублюдка, которого Хауг засадил в меня, не желаю. Как я буду жить потом, даже если мне удастся? Где, на что? Как было бы прекрасно вернуться в монастырь, но, к сожалению, невозможно. Да и что стало с Беатой и другими в результате розыска, наверняка проведенного после бунта Воинов Вереска, мне неизвестно. Может их и в живых уже нет, а в монастыре другая аббатиса.

И ведь я сделала этот выбор сама. Сама! Когда я согласилась на постриг, мне казалось, что меня ожидает жизнь, полная достоинства, осмысленные занятия и дружба с замечательными женщинами. Сама возможность быть с ними на равных, стать своей в такой интересной компании... До пострига оставалась пара недель. И тут приехал дядя, чтобы меня забрать и выдать замуж. За короля. И, конечно, мнения предполагаемой королевы никто не собирался спрашивать.

Беата уговаривала меня провести обряд пострижения прямо сейчас, пока он ждет меня в особом покое странно-приимного дома для почетных гостей-мирян. Дядя и слу-

ги-мужчины не могли пройти на территорию обители. У нас оставалась пара часов, до того, как они бы заподозрили неладное. Гнев дяди, конечно, ужасен, но сделать бы мне ничего не смогли. Возможно, это заставило бы их изменить свой план. Все бы остались живы. Хауг женился бы на девушке милой его сердцу. Ну, ведь могло же так быть? Могло?

Но я заколебалась. Вот так всерьез прямо сейчас решить... Король молод и красив, может, мы полюбим друг друга? Может быть, радости любви и материнства это что-то ценное, такое, что стоит дороже уединения с книгами и склянками? И, в конце концов, мне предлагают стать не хозяйкой со связкой ключей у пояса. Кто помешает мне предаваться любимым занятиям и иметь сколько угодно интересных подруг, когда я стану королевой? На самом деле я просто боялась решиться на то, чего нельзя изменить. Монашество это навсегда. Ведь мои земли мне ни в коем случае не вернут. Когда Беата уговаривала меня, шипела, что времени на раздумья нет, я вдруг поняла, что у нее свой интерес. И попросила время на размышление. Беата посмотрела на меня презрительным взглядом, полным разочарования, и оставила одну. Через час за мной явился сам епископ и за руку вывел меня к дяде, ожидающему с пышной свитой у ворот. Мы не успели. Беата и другие «лучшие подруги» не вышли даже проститься со мной.

Мои горькие воспоминания прервал Асмунд. Подойдя, он опустился на корточки и заглянул мне в лицо.

– Я кое – что нашел. Смотри, я знал, что они бывают в таких местах.

Он протянул мне каменный шарик, похожий на птичье яйцо.

– Что это?

– Это совершенно волшебная вещь, Бренна. Кристалл кальцита. Смотри.

И он ловким точным движением ударил по шарикку камнем. Шар раскололся на две ровные половинки и оказался внутри прозрачным кристаллом необыкновенной красоты, похожим на хрустальную хризантему.

– Он растет, наверное, миллион лет. Я не знаю точно как. Но подумай, какая это древняя штука. Возьми, как талисман. Жаль, из него не сделать украшение. Но, говорят, энергия кальцита охлаждает кровь, связывая излишнюю страсть, способствует самоуглублению и помогает размышлять. Да, и его нельзя передаривать, только передавать по наследству.

– Спасибо. Как раз самоуглубленно размышляю о своих неблестящих делах, а моя кровь холодна как у жабы. Припоминаю чудовищные ошибки, что привели меня в ваше, безусловно, приятное, общество.

– Бренна, ну мы-то с Бером не виноваты... Ты жалеешь о прошлом? Его нельзя изменить, как цвет глаз. Но ведь именно прошлое делает нас теми, кто мы есть.

– Прости, но все эти речи бессмысленны и плохо утешают. Я сама во всем виновата.

– Девочка, так быть не может. Разве ты всемогуща? Твоя жизнь иногда зависит от воли других людей и от обстоятельств. Прости себя. Если ты и сделала что-то неправильно или тебе за что-то стыдно – это потому, что из своего «сейчас» ты просто не помнишь, какие твоё поведение имело причины и резоны. Может, они коренились в чувствах. А самое сильное чувство – страх. Он бывает разный, порой такой, что без опоры на другого человека можно сломаться. У тебя была такая опора? Ты права, рассуждения эти – теплое дерьмо. Но слова утешения иногда необходимы, разве нет?

И Асмунд взял меня за руки. У него такие большие жесткие ладони. Опора. У меня никогда ее не было. Только Уна, когда я была ребенком.

– Но все могло бы быть иначе, прими я тогда правильное решение.

– О... самое вредное занятие – раздумывать, что могло бы все пойти иначе. Могло бы, конечно, но мы ведь не знаем, как. А если бы совсем скверно? Ты уверена, что другое решение принесло бы лучшие плоды? Нам никогда этого не узнать, мы находимся лишь в этой в реальности. Подобные вредные фантазии только изматывают. Раз мы живы, все сложилось не так и плохо.

– Пока живы. Нам долго ехать в твой замок? Этот Ров, он далеко?

– Ну да, путь не близкий. Но, Бренна, давай отнесемся к этому как к путешествию. У тебя ведь в жизни, я думаю,

было не так и много приключений.

– Я ненавижу приключения.

И я встала, отнимая у него свои руки.

Чуть позже я все-таки достала подаренный им кристалл. Сложила две половинки. Они так ладно пристали, словно целое яичко. Ну да, дед плачет, баба плачет, а курочка кудахчет... Снова разделила, провела осторожно пальцем по краю кристаллической щетки. Красиво все же. Какой этот Асмунд... Какой?

И вдруг я поняла. Да ведь Беата, Рута и Эстер мной играли. Им надо было, чтобы я заартачилась в последний момент, испугалась принять постриг, захотела замуж за короля. Словно забыла все свои планы и желания... Они знали меня лучше меня самой. Я не очень доверяю людям. Когда мне кажется, что на меня давят, я сопротивляюсь. Мне хочется сделать нечто противоположное. Поэтому они напирала, уговаривали, разыгрывали обиду. И тем самым заронили сомнения в том, что я действительно хочу стать монахиней. Они видели, что стоит дать мне почувствовать себя в западне, и я в нее попаду как раз из страха перед западней. Они были с отцом заодно с самого начала. Просто иначе я не согласилась бы. Нет, меня могли, конечно, насильно заставить, но кто знает, как бы я себя при этом повела. Ведь надо было, чтобы я влюбилась в Хауга и была с ним милой, кружила ему голову, притягивала, отвлекала. И я согласилась стать идеальной приманкой на их охоте. Был ли план таков изна-

чально? Может быть – они же не скрывали, что принадлежат партии Вереска и собираются совершить переворот. Просто я была дитем, которого не интересуют беседы взрослых о политике, а интересуют краски, картинки и сласти. От глупого дитя можно даже не таиться. Зато они разговорами в своей компании пробудили у меня интерес к отношениям с мужчинами и желание жить с комфортом, даже в роскоши, что мне совсем не было свойственно.

Надо спрятать подальше кальцит. Может, то, что Асмунд сказал о его свойствах – правда?

В деревеньку приехали к вечеру. На улицах ни души, ни огонька, даже собаки почему-то не лаяли. Мы постучались в один из домов. Меня поразила мрачность и ужасная нищета обстановки, ведь я никогда не была в жилище вилланов. Теснота, ощутимые сквозняки, гуляющие по сырому земляному полу, при том, что в доме было нечем дышать. Запах мочи и животных, которые находились здесь же, за загородкой, смешивался с чадом от горящего в очаге торфа и вонью похлебки из подгнившей капусты и лука. Меня так замутило, что я вернулась на двор. Вскоре вышли и Асмунд с Бером. Бер сказал мне, что крестьяне готовы продать нам немного хлеба и муки, но мука ему не понравилась. Он попросил меня на нее взглянуть.

Я зашла в дом, и женщина принесла мне короб. Я взяла муку в горсть и поднесла к лицу. В доме было темно, но мне и не нужен был свет, чтобы понять – хлеб тут брать не следу-

ет. Резкий, неприятный запах, напоминающий запах несвежей селедки, все мне сказал о свойствах этой муки. Лиловый рожок – нарост на колоске ржи – спорынья...отравление таким хлебом может вызвать адскую боль в животе и смерть наутро, если грибка в муке будет много. Если же употреблять отравленную пищу в небольших дозах и долго, приключится болезнь святого Антония – хворь, от которой конечности поражает чернота, они гниют и могут сами собой отсохнуть или же больной погибнет от заражения крови. Некоторые несчастные корчились в судорогах, называемых пляской святого Витта, вели себя, словно одержимые сатаной, их терзали ужасные видения. Сильные мышечные спазмы, вызываемые спорыньей, могли быть причиной выкидыша у беременной. Я сняла с шеи косынку и завернула в нее пару горстей муки. Женщине я отдала заколку, которой косынка была сколота у меня на груди и, молча, вернула ей короб. Мы не остались в том доме. Асмунд и Бер, к счастью, предпочитали переночевать в лесу у костра на свежем воздухе.

Утром мы отправились в путь, надеясь купить хлеба в Пуйле, поскольку в городе в тавернах и лавках купцов продукты запасаются в количествах, позволяющих пережить голодное время. Тем, у кого есть деньги, конечно.

* * *

Сухая тонкая корка земли страшно проминалась и трескалась при каждом моем шаге, ходила ходуном, грозила про-

валиться. Из одних трещин бил обжигающий пар с омерзительным запахом тухлых яиц и брызгал кипятком, из других – вырывались языки бледного пламени. Бежать приходилось по раскаленной глине, что причиняло моим подошвам, покрытым кровавыми лопнувшими волдырями, невообразимые страдания. Обожженные плечи и руки горели в знойном воздухе, волосы грозили вот-вот вспыхнуть, глаза выжигало волнами жара. Но ужас, мучительно скрутившийся в животе, гнал меня к ослепительно яркому горизонту. Укрыться было негде, а они догоняли, и хрупкая кора запекшейся грязи ломалась под их чудовищно огромными ступнями. Колоссальные ноги моих преследователей сотрясали этот непрочный, распадающийся в адском пламени мир. Меня даже не так пугали черные сколопендры, которые извивались, вылезая из некоторых разломов и, шурша твердыми хитиновыми панцирями, разбегались прямо у меня под босыми ногами. Иногда они жалили меня, и боль от их яда прошивала ноги, словно молнией и мучительной судорогой сводила низ живота и поясницу. Я не знала, ад ли то был или Муспельхейм, дьявол или Сурт с огненным бичом гнали меня вперед, не могла как-то осмыслить происходящее, только бежала, подгоняемая диким животным ужасом, который испытывают звери, когда бегут в надежде спастись от лесного пожара.

Но они схватили меня огромными невероятно сильными ручищами, стиснули, вызывая чудовищным давлением болезненные спазмы желудка. Меня выворачивало наизнан-

ку, неудержимая рвота – жгучая и горькая раздирала горло. Они засунули меня в воду – просто ледяную, макали с головой, топили. Я отчаянно сопротивлялась, пыталась вырваться, бороться за жизнь, но великаны-мучители держали меня крепко. Один из них зажал мне нос, я мычала, мотала головой, но открыла рот, чтобы вдохнуть, и тогда в меня стали вливать теплую безвкусную воду. И меня снова рвало, и этот ужас длился и длился.

Кто-то раздирает веки. Прекратите же, больно!

– Бездна, Бер, у нее зрачки как точки, и она как-то плохо дышит.

– Да нет, ничего. Давай сюда. Не надо кутать, руки и ноги освободи. Какие ледяные, синюшные, надо растирать. Асмунд, дай таз, ее снова...

– Да какого же дерьма она наелась!

Опять мучительные рвотные позывы. Ручища больно зажала нос, и деревянный ковш стукнул в зубы.

– Бренна, пей! Пей, давай, давай, девочка! Голос Бера. Комната закрутилась и меня снова вывернуло. Меня куда-то несли, опустили на мягкое, сдавили с боков, схватили и стали растирать кисти, предплечья, ступни, икры. Эта попытка длилась целую вечность. Я скулила, потому, что не могла кричать – судорога свела горло, стиснула зубы.

Постепенно меня отпускало. Спазмы утихли, осталась только тянущая боль внизу живота и озноб. Я лежала в кровати на боку, прикрытая одеялом, которое откинула рука Бе-

ра. Вцепилась в край, в попытке снова натащить на себя, прижала колени к животу – мне хотелось сжаться на ледяной простыне в комочек, я не могла унять дрожь, зубы стучали.

– Очнулась. Давай, Асмунд, согрей ее. Я еще пойду завтраю.

Кровать за моей спиной закрипела, Асмунд улегся рядом, его рука поднырнула мне под бок, и две горячие ладони легли на мой мучительно окаменевший живот. Я попыталась отстраниться, вырваться из этих неуместных, возмутительных объятий, но он не отпустил. И был без рубашки.

– Лежи тихо, птаха. Я не делаю ничего плохого... Больно из-за спазма мышц. Это опасно для ребенка. Надо как-то расслабить, чтобы мышцы перестали так сильно сокращаться. Бер велел согревать и гладить. Он сейчас что-то заварит, расслабляющее, надо только выпить и не выbleвать.

Ты нас ужасно напугала, солнышко. Бер считает, похоже на отравление грибами. Кто и когда тебя мог ими отравить, не понимаю. Я ходил в оружейную лавку – меч хотел продать, Бер вернулся с припасами и нашел тебя на полу, ты корчилась и...ну, в общем, тебя несло изо всех дырок, уж прости...И видения, видимо какие-то...ты отчаянно сопротивлялась нашим попыткам тебе помочь.

Я обмякла в его руках, тепло и мягкое давление которых действительно словно облегчало каменную тяжесть внизу живота.

– Бренна, скажи, ради Неба, малыш шевелится?

– Да, вот сейчас толкнул... Вы что, меня макали в ледяную воду?

– Почему в ледяную? В теплой пытались помыть. Ты немножко... обделалась, птаха.

– О... Какой кошмар...

– Ладно, чего там особо-то стесняться. В основном Бертобой занимался. На меня только рычал, гонял на побегушках... Я даже не знал, что он такой опытный лекарь.

– Он очень хороший. Когда вы меня мыли, у меня ... была кровь?

– Нет. А почему...

– Асмунд, я не хочу этого ребенка. Асмунд замер, а потом еще крепче прижал ладони к моему животу.

– А я хочу. Послушай, Бренна, у меня... никого нет, и я думал, что никого и не надо. Хочешь узнать правду, почему я, как ты выразилась «ввязался»... Мне нужна какая-то цель, хоть какой-то смысл... Кто-то, о ком можно заботиться. Пожалуйста, птаха. Все будет, как ты скажешь, как решишь. Только дай этому парню шанс.

– Я никогда не буду любить этого ребенка, никогда! Ха-уг... Я никого теперь не могу любить, я ... чувствую себя грязной. Да, все, что во мне – только мерзость и грязь.

Спазм сжал мое горло, и на этот раз виноват был не яд спорыньи. Я уткнулась лицом в подушку, слезы душили.

Асмунд осторожно развернул меня к себе, взял мое лицо в ладони и, глядя в глаза, сказал твердо, даже строго

– А в грязи нет ничего страшного, Бренна. Грязь прекрасно отмывается. Мы с Бером лично только что тебя выкупали. От тебя пахнет мылом, клянусь, ты совершенно чистая, до скрипа. Да, не стану лгать – бывают непоправимые, очень ... гнусные ситуации. Такие, когда нет хороших решений. Бывает, что и вправду, лучше умереть, потому что принять, вынести то, что ждет впереди, невозможно.

Но это не тот случай. Это не та проблема, когда стоит рискнуть жизнью, чтобы от нее избавиться. То, что в тебе – не грязь и мерзость, а собственный твой ребенок.

Слезы все же выкатились из моих глаз и потекли по щекам.

– Бренна, маленькая моя... Все, иди ко мне, давай...

Я спрятала лицо у него на груди и в голос разрыдалась. Он не мешал мне реветь, только переместил руки на поясницу, согревал, слегка поглаживая, и тянущая боль становилась слабее, отступала, гасла, как и мое отчаяние, уносимое горячими слезами.

– Я не убью Хауга, и не буду обещать, но если потом, позже, захочешь рассказать... Только пойми, моя хорошая, чтобы Хауг не сделал, ты осталась собой, не стала кем-то другим, ты жива, твое тело по-прежнему твое. А малыш такой крошечный, беззащитный, но у него там... домик. Когда он будет сильно толкаться, я смогу это почувствовать. Ты теперь не одна. Я буду любить его.

Я подняла на Асмунда заплаканные глаза. Он улыбнулся.

ся глупо и счастливо и нежно поцеловал меня в лоб. Голова так сильно болела, веки опухли, глаза щипало, и мне приятно было прикосновение его губ, эта спокойная ласка. Я так устала держаться и терпеть изо всех сил. Он заставил меня положить голову на свое плечо, и укачивал одним напряжением мышц. Я задремала.

Вошел Бер с ковшом какого-то отвара. От одной мысли о том, что надо пить, желудок снова скрутило. Боже!

* * *

Утром мне стало лучше настолько, что я даже проглотила и удержала в себе несколько ложек мясной похлебки, потом снова спала. Проснувшись вечером, красные полосы лучей закатного солнца стекали со стола на грубый дощатый пол. Вспомнила, что мы на постоялом дворе, моя попытка не удалась. Хорошо, хоть Асмунд не догадался, а вот относительно Бера я не так уверена. Ну, вот что мне теперь делать? Что он за человек такой, этот Асмунд? Боится, что у него отберут новую игрушку? Или даже две?

Все, не буду думать. Внизу гремели посудой, нестройно пели, какие-то женщины затеяли скандал, похоже, перешедший в драку. Я услышала скрип ступеней – Асмунд и Бер поднимаясь, разговаривали вполголоса, думая, что я еще сплю. Я закрыла глаза, но они остановились у двери.

– Девушка с кухни...

– Та рыжая мышка? Ты ей приглянулся, Бер.

– Ее зовут Эилис. Погоди. Она сказала, что о нас спрашивал мужчина, который заходит со своим приятелем пообедать. Я попросил мне его показать издали. Шотландец. Не молод, очень высокий, рожа... в лесу увидишь, обосрешься. Похож на вояку, одет добротню. Он и его слуга за нами наблюдают. А что еще? Эта парочка трется здесь уже седмицу, Эилис сказала. Нас поджидали? Интересно сколько их.

– Мы не можем сейчас ехать, ей надо еще немного окрепнуть.

– Ну, так хоть не оставляй одну. Мало ли... и вообще... Я нашел ее платок, испачканный мукой. Она взяла в том доме. Знала, что это яд, хотела...

– Замолчи, прошу, Бер! Я знаю, что она хотела. Все живы и ладно.

– Я могу один сходить. Погляжу там.

– Давай. Возьми пару монет, посиди за кружкой эля.

Асмунд сразу подошел к моей кровати, опустился рядом на пол.

– Ты не спишь, не притворяйся, птаха. Я принес тебе молока.

– Побудешь со мной?

– До конца мира.

– Асмунд, можно тебя спросить? Я, наверное, не должна спрашивать о таком...

– Можешь спросить, о чем хочешь, птаха.

– У тебя что-то было с этой Сольви? Когда Бер ее упо-

мянул, ты расстроился, целый день молчал, и у тебя лицо...словно постарело.

Асмунд поднялся и направился к столу. Встал ко мне спиной и, наливая молока в кружку, нехотя ответил:

– Еще не так давно упоминание ее имени вызывало жгучую боль, обиду, а теперь – лишь горькое сожаление и печаль. Она была моей женой. Недолго.

– О, прости, пожалуйста, прости.

– Нет, я могу рассказать, если ты конечно, хочешь. Это имеет к тебе некоторое отношение. Наша история многое прояснит тебе в том, что произошло после....

Как ты себя чувствуешь? Тебе удобно?

– Да, уже почти совсем хорошо.

– Допей до конца. Ну, пожалуйста, еще глоток. И лежи.

Ты уже знаешь, я был прислан в отрочестве ко двору покойного Хрольва Змеиное Жало, жена которого приходится мне теткой по матери. Якобы, для надлежащего воспитания и обучения, но как это принято повсеместно – в качестве заложника. Мне тогда исполнилось 13 лет. Меня любили и воспитывали как родного, но если бы наша малочисленная, но влиятельная родня из хенресин вдруг решила оказать дамам чуть более активное сопротивление, чем было прилично, дабы сохранить видимость чести, моя судьба могла внезапно и неприятно перемениться... Ну, я, понятно, об этом не подозревал.

Хаугу исполнилось шесть, его как раз начали учить гра-

моте вместе с Сольви, которой было пять. Она была дочь дамы, которая приехала с Гильдис из родного дома. Когда родители Сольви умерли от поветрия, тетушка взяла девочку на воспитание.

Я играл с ними не слишком часто – у меня было много других занятий, но иногда строил для приставучих малявок шалаша, катал их на лодке, мы собирали землянику.

Когда мне исполнилось семнадцать, меня отпустили. На время: королева настояла, чтобы я отправился в Лум, изучал там искусство строительства и фортификации. Она мечтала, что я построю для нее базилику, какой в самом Риме не бывать.

Перед самым окончанием учебы пришло известие о смерти моей матери. Я грустил, и в тот день, когда мои друзья решили отпраздновать получение фибул магистров, устроив попойку на корабле, остался в своей комнате и просто лег спать.

Сначала мне снился дом, мне вроде бы лет двенадцать, матушка за что-то бранит меня, а я смотрю на ее милое лицо и понимаю, что меня увезут к тетке, и я маму больше никогда не увижу. И я хочу, чтобы она перестала ругать меня и обняла, но она повернулась и ушла, оставила меня в наказание в чулане с маленьким тусклым окошком...

И я плакал во сне у этого окошка, затянутого мутным толстым стеклом.

А потом увидел сквозь него, как какая-то птица, появив-

шлись высоко в небе, приближается, стремительно спускается ко мне. Я подумал, что она расшибется и распахнул створки, и она ударилась прямо мне в грудь, так сильно, что мое сердце остановилось. Удар и боль, словно пробили стрелой. И потом я понял, что уже больше не в чулане, подо мной тучи, а в глаза бьет ослепительный свет. Я лечу прямо в солнце – я и есть эта птица – серый сокол.

И я закричал от радости и полетел быстро – над огромными елями, дремлющими под плотным покрывалом облаков – там внизу были сумерки, наверное, даже ночь, но я видел очень четко черный ручей в траве, суетливую лисицу и даже землеройку, которую она вынюхивала. И я слышал, как растут деревья, как текут в них сладкие соки, как проклевываются между их корнями прошлогодние семена, как разговаривают в камышах на озере кэльпи – и вдруг раздалось звонкое ржание – это открылись холмы и прекрасно одетые дамы выехали на лунную тропу на белых красноглазых лошадях. Девять дам – одна за другой, одна другой красивее, и заиграла свирель. Я мчался дальше сквозь холмы, небо там было блекло-желтым и страшным, но потом показался край моря, льдины звенели на зеленой глади фьорда.

Над узким фьордом нависла скала и на ней – башня, огоньки свечей, колеблемые ветром, сияли из распахнутого окошка на самом верху. Ледяной ветер разогнал тучи, надо мной мерцало мириадами свечей черное небо. Я уже не понимал где верх, а где – низ. Все вращалось. Голос негромко

произнес слова из песни – «глубокий погреб в Баллили». Я не понял, к чему относились эти слова, да мне кажется, я и не понимал тогда человеческих слов. Но потом я вспомнил, когда рассказывал свой сон одному филиду, и он объяснил это по-своему. Он сказал, что внутри холмов все как бы наоборот, омут это гора, где погреб – там башня. Тор Баллили.

Я оказался внутри маленькой верхней комнаты и увидел обнаженную женщину, которая расчесывала волосы цвета янтаря, а потом затянула их туго, завязала в узел, открыв молочно-белые плечи и длинную шею, обвитую тяжелым жемчужным ожерельем. Затем взяла мерцающее серебром платье, расшитое перьями, и только просунула руки в рукава, как платье вдруг само облекло ее всю, и она стала неуловимо, но быстро меняться и обратилась в морскую белую птицу. Мы вместе полетели над морем, над древними скалами, над полями, покрытыми кружевной пеной розового вереска и я узнал все, понял все... Никогда мне не было так хорошо.

Меня разбудила девушка, дочь трактирщика. Она трясла меня и была явно перепугана. Ночью она пришла в мою комнату в надежде на приятное приключение напоследок, но я спал так крепко, по ее словам, что не дышал. И, проснувшись, к ее облегчению, не был готов к забавам, к ее разочарованию.

– Интересно. И как объяснил твой сон филид? Но какое отношение сон имел к вам с Сольви? Мне кажется, ты не очень хочешь рассказывать. Тогда не надо.

– Да никакого отношения, птаха. Просто захотелось почему-то тебе рассказать этот сон...

– Потом ты приехал в Миде...

– Я не приехал. Потому, что началась Островная Зава-рушка. Ты знаешь, хоть юга это почти не коснулось, тем бо-лее, ты была уже тогда в монастыре.

– Ты расскажешь мне про войну?

– Да это была не очень-то и война. Может, когда-нибудь, не сегодня.

– Ну, пожалуйста, расскажи мне о вашей любви.

– Знаешь, такую песню «И вновь она будет любовью мое-й»... Там каждый куплет описывает невозможные вещи, в качестве условия...

Я вернулся с высоко задранном носом, настоящим вете-раном, имеющим пару красивых шрамов. Она была в отъез-де с королевой и дамами – в каком-то длительном паломни-честве в островной монастырь. В честь их возвращения за-теяли охоту и турнир. Я ее увидел в первый раз после семи-летней разлуки. Она пришла и села рядом с Гильдис, на ней было белое с лилиями платье, и сама она была как лилия... Я как раз выезжал на жюсте по новомодным франкским пра-вилам. Но неудачно выступил – вылетел из седла и глубоко пропахал новым кольчужным хауберком влажный песок ри-сталища. Опозорился, птаха, да.

С тех пор я словно заболел. Они с Хаугом держались за руки, целовались. Гильдис не нравились их отношения, и она

велела мне неотлучно следовать за ними. Представляешь, в какое положение меня это приказание поставило. Я старался чаще отлучаться под каким-либо предлогом. Но, вообще-то нам было весело и втроем, мы дружили, затевали всякие ребячества, шалости, не слишком приличные таким взрослым людям. Казалось, я ей тоже нравился, Сольви и со мной флиртовала.

Но я никогда даже в мыслях ее не трогал, хотя тетушка намекала, что наш роман порадовал бы ее куда больше. Мне казалась, что этого никак нельзя, просто лихорадило, сердце падало, когда я брал Сольви за руку, помогая ей перейти по скользкому бревну или подсаживая на лошадь. Этого было достаточно. Я бы просто умер от остановки сердца, окажись мы в постели. У меня было много приключений, я ведь не монах, но с того мгновения, как я впервые увидел взрослую Сольви на малом турнире, я хотел только ее одну.

Хауг ли устал ждать, в штанах у него горело, или ей тоже надоели безумные поцелуи и ласки через платье в укромных углах. Он увез ее в Кетуаг, они хотели там обвенчаться, как выяснилось, но священник им отказал. Они не слишком походили на детишек бондов, и святой отец побоялся гнева благородных родителей, хоть и не предполагал даже, что перед ним его король. Странно, что Хауг не заставил его, угрожая оружием.

Но они все-таки переспали на постоялом дворе и возвратились домой совершенно счастливые. Как ни в чем не бы-

вало. Такие глупые, влюбленные, все еще полностью зависящие от воли старших, что бы они о себе ни думали.

Их искали двое суток. Поставили на уши не только охрану и войско, Гильдис вызвала Хрицверга, младшего брата покойного короля, который привел опытных в поиске людей. Искали в лесу, на дорогах и по ближайшим городкам... Телохранители были сурово наказаны, к счастью, никого не успели казнить.

Хауга сразу пригласили для разговора в покои королевы: там присутствовали Хрицверг, наш прежний учитель Законов и беременный проповедями тетушкин духовник, который ее везде сопровождает, чуть ли не в отхожее место. Видимо каждый внес свою звонкую марку в разъяснение заблуждения короля, в том, что он может принадлежать сам себе и жениться на ком захочет.

– А ты...?

– А что я? О чем я думал, пока они наслаждались друг другом под крики пьяной черни в вонючей комнатушке?

Я был как замороженный. Хауг мой самый лучший друг, нет, брат. Мы с ним прошли под воротами из снятого дерна и смешали свою кровь с влажной землей. Это важнее, чем братство по рождению. Я знал, что они убежали, чтобы предаться любви.

– Ты не участвовал в поисках?

– Нет, конечно, нет. Старина Тем О'Шентер, для которого все это было очевидно, увел меня на двор, где мы обычно

тренировались. Он долго мучил меня упражнениями, потом мы рубились, боролись, он совсем меня загонял, но я вдруг начал что-то чувствовать. Какую-то боль, которая поднималась снизу сбоку к сердцу и выше, к горлу. Я сказал ему, что устал. Вернулся в сад, отвязал лодку на пруду. Понятия не имею, зачем я поплыл. Остановился, увидел лилии, поддел их веслом. Мы с Хаугом в детстве доставали ей лилии и кувшинки. Я понял, на что бы я теперь ни посмотрел здесь, какой бы запах ни почувствовал, все теперь будет вызывать эту боль. Она становилась все сильнее, физическая, невообразимая, острая. Я был как раненый, который еще надеется, но в груди уже поворачивается лезвие, убийца смотрит в глаза, и умирающий не верит, главное, не может поверить, что все. Что вот это происходит и это – смерть. Я не хотел, чтобы все было так, но все было так и теперь никогда не могло измениться.

Я отправился в свою комнату и напился. Я так устал, мне хотелось все прекратить, забыть хоть на минуту. Сделать что угодно, только бы притупить... Я положил левую руку на рдеющие угли. Ожога почти не почувствовал, не так, как ожидал. Сильно я был пьян. Потом заснул.

Проснулся от того, что меня трясла женщина. И еще от дикой боли в обожженной руке. Я даже не сразу сообразил, что это Гильдис. Тетушка умыла меня как ребенка и высказала цель своего визита очень кратко: любишь Сольви? Хочешь ее получить? Иди сейчас же к ней, она в своей комна-

те. Отправляйтесь завтра чуть свет в твой удел. Пусть уедет с тобой, а то мало ли... вдруг умрет через пару дней от внезапной скоротечной болезни. А чтобы дорога была благополучна и приятна, и на подарки молодой жене – вот туго набитый кошель. Она поцеловала меня в лоб, провела щеткой по растрепанным волосам, точно собирала на урок. Я шел по коридорам в восточную часть, голова трещала – все-таки я непривычно много выпил и думал только, что, наверное, выгляжу помятым, и у меня плохо пахнет изо рта.

Сольви неподвижно сидела в кресле в темноте. И головы не повернула. Она не плакала. Я разжег камин, принес ей горячего вина, заставил выпить. С трудом справился с платьем, закутал ее в плед и просидел рядом с кроватью, пока не начало светать. Она уснула.

Мы не поехали на лох Меар. Мы отправились на юго-запад в Дун. Ты знаешь, конечно, что Дун – главный и самый прекрасный осколок Старой Веры и Старой Жизни. Там на исходе лета, когда идет последняя перед праздником урожая неделя Последнего Снопа, верховный жрец соединяет тех, кто желает на этот год стать мужем и женой. Парни просто встают каждый напротив своей избранницы и произносят на языке Богини Дану слова брачного договора. Потом снимают со священного Ясеня заранее повешенные ими же браслеты, у кого на какой хватило денег, и надевают на руку своей девушке. Затем она поступает так же. Обычно на дереве больше браслетов, чем брачующихся пар. Если кто-то че-

рез год передумает жить вместе, достаточно вернуть Ясеню браслет. Но даже самые бедные молодые покупают браслеты сами. Хоть пусть медные – никому и в голову не придет взять кем-то оставленный. В эту неделю уже начинается ярмарка, пиры на улице вскладчину и пляски. У меня было много денег, наши браслеты были серебряными. Мы сняли домик.

– Вы были счастливы?

– Я был терпелив, а Сольви привыкла к моей дружбе. Привыкла, что я внимателен к ее чувствам и желаниям, опекаю ее, беру все трудное и неприятное на себя.

Моя юная женушка умела петь, играть на арфе, красиво держаться в седле... Ну и прочие полезные искусства в таком роде. Я нанял отличную прислугу: женщина приходила утром, бесшумно и молча готовила еду, убирала, приносила с рынка продукты и исчезала. Сольви могла не думать о хозяйстве. Но о чем-то надо же было ей думать.

– Но, Асмунд, она так много в одночасье потеряла. Ей больше некуда было деваться, не на кого рассчитывать. Она лишилась привычного дома, подруг, семьи. Ведь Гильдис была ей как мать.

– Нет, Гильдис мать лишь своего единственного сына. Она постаралась максимально унижить Сольви в тот последний вечер. Указала ее место – сирота, дитя прислуги. Родители из верной, старинной семьи, ради памяти которых и так далее... но тем не менее – прислуги. Пригрозила монастырем, а если не уймется, то и монастырской темницей. Не сказала,

правда, того, о чем намекнула мне. А потом, как милость, предложила уехать со мной с глаз долой. Могла ли она отказаться? И в какое положение поставила тетушка меня – была у меня возможность выбора? Я решил ее проблему с Сольви, но потерял брата, лишился общества друзей и дел, которыми не без успеха занимался.

Сольви всегда была ко мне привязана, даже, наверное, слегка влюблена: когда я был лишь возможностью, взрослым мужчиной, показавшим себя в военных стычках, делах и на охоте. Я был старше Хауга, поэтому сильнее и умнее. Только поэтому. И ей льстило мое внимание, плохо скрываемая страсть. Плавали мы или стреляли, беседовали, слушали музыку или музицировали сами – все было наполнено взаимным притяжением, волнением, флиртом. Ее жизнь была лишь в прекрасном будущем, лишь ожиданием счастья, неизвестностью. Даже их с Хаугом поцелуи не были помехой. Они заставляли ее глаза блестеть, у нее были яркие переживания, это было незаконно, немного опасно, делало ее живой, страстной.

– И вдруг всему пришел конец.

– Да. Она стала моей, неопределенности и волнения больше не было. На его место пришло чувство обиды и недоверие. Почему я ограничился временным языческим обрядом? Может, я стыжусь ее происхождения? Может, это из-за утерянных выгод жениться на богатой, достойной девушке и утраченных возможностей при дворе?

Она задавала робкие вопросы, на которые я не мог честно ответить. Поэтому они меня злили. Как мог я сказать, что не уверен в нашем браке. Я надеялся, что она полюбит меня, когда лучше узнает и надеялся, что когда я лучше узнаю ее, то не разлюблю ...

Она тоже хотела быть со мной честной и не могла. Потому, что такие вещи глубоко ранят. Она привыкла со мной многим делиться, а теперь должна была молчать о том, что вспоминает ласки Хауга. Когда мы были вместе, она сразу закрывала глаза, представляя его. Это было невыносимо. А для меня она была как кувшин воды для умирающего от жажды. Наверное, я ей докучал. Она терпела и притворялась, что ей хорошо. А я притворялся, что верю и молился, чтобы она забеременела.

– Чем вы занимали время, я хочу сказать, там ведь не было подходящего общества?

– Мне вполне подходило общество местных кузнеца и плотника. Плотник был весьма искусен, не только срубы ставить мог, но и тонкую работу по дереву – я многому у него научился. Сам под его руководством сделал кросна для Сольви. Служанка учила ее ткать. Кажется, Сольви это увлекло. Она научилась ткать красивые пояса – такие сложные, разноцветные... Снова стала петь. Забудется и заведет песню за работой.

Нет, мы неплохо жили какое-то время. Много разговаривали, гуляли. Она меня ждала, когда я отправлялся по на-

шим с Бером делам. Я просто, понимаешь, не веселый человек по натуре, мне не очень нужны компания и развлечения, а ей нужны... Я занудный, упорный, ровный. И я стал как-то постепенно задавливать эту ее живость, радость... Ей было невесело со мной.

– Разве это важно, чтобы было весело?

– Важно, Бренна... Молодым женщинам нужны переживания. В общем, птаха, это грустная история.

– Но я хочу ее услышать. Если ты можешь рассказать мне...

– Хорошо. Потом она забеременела. Я был очень рад – теперь мы были связаны навек. Даже потихоньку от Сольви сделал колыбель и начал украшать резьбой, хотел удивить.

Это было в конце зимы. В Колуме должен был состояться ежегодный малый тинг, я хотел говорить о конфликте бондов с лендрманом, справедливые границы и налоги это важно. Мне пришлось поехать. Я провел там три дня. С Сольви оставалась служанка.

Герои в сагах всегда все предвидят, всегда успевают явиться за миг до несчастья и всех спасти...

Возвращаться домой мне пришлось через Красный лес в сумерках. Выехал на поляну, гляжу – белая собачка сидит. Откуда, здесь ей быть, подумалось. Жилье еще не близко, мороз, ни одна домашняя тварь так далеко в лес не забежит, волки тут... Остановил я коня и окликнул ее, ну как-то жутко мне вдруг стало, хоть я и не боюсь ни духов, ни банши.

А она внимательно так на меня посмотрела, но с места не двинулась, а вдруг завывала.

– Это, конечно, была банши... У нее были красные глаза?

– Я не разглядел. Доехал уже в кромешной темноте. Въехал во двор и сразу понял, что-то неладно, взглянул на окошки без огонька, сердце упало.

Она была одна, лежала и не отзывалась. Только тихо всхлипывала – у нее был сильный жар, а постель вся пропиталась кровью. Повитуха оказалась очень опытной, она вычистила остатки нашего дитя, отпоила Сольви целебным отваром... Когда опасность миновала, получив плату, буркнула, что Сольви сделала это сама.

Я ухаживал за ней, не сказал ни одного слова, но больше мы никогда не спали вместе.

Сольви поправилась, приближалось лето, мы почти не разговаривали. Я пропадал в кузнице и в лесу, нанялся учить городских юношей мечному бою. Сольви завела веселых подружек, выпивала с ними в трактирах, гуляла. О нас стали поговаривать. Негромко, конечно, вполголоса. Я как раз очень хотел кого-нибудь зарубить и, боюсь, это бросалось в глаза.

– Почему? Почему она это сделала?

– Наверное, ощущала себя в западне. И поступила инстинктивно, как зверь, отгрызающий себе лапу, чтобы вырваться из капкана.

На Мидсаммир Сольви пропала, не пришла и ночью. Я

искал в городке, меня немного перемкнуло... да, и вышло нехорошо – одного пришиб до смерти, а он был вовсе не при чем.

Утром она явилась пьяная, заявила мне, что была с каким-то мужиком, смеялась и плакала. Я ушел на конюшню, пробил там кулаком деревянную перегородку, в общем... Так она просила моей помощи, искала спасения от пустоты... Но я не мог... я хотел понять, как с нами случилось все это черное горе, за что... Я ушел бродить в лес. Когда вернулся, дом был пуст, а на столе лежал ее браслет. Я поехал в рощу и повесил наши браслеты на Ясень. Зря. Они ведь были серебряные: качались на ветке и ярко блестели – наверняка забрал какой-нибудь бродяга.

– Асмунд, ты можешь меня простить?

– За что?

– Ты сам знаешь.

– По-моему, ты наказана достаточно. Давай договоримся о важной вещи, малыш. Никогда больше не пытайся меня обмануть. Хорошо?

Глава 6

Асмунд.

Ну правда, страшный мужик. Метра под два, рожа в оспинах, как блин непропеченный, взгляд глумливый. Прищучил меня, ага. Те ребята пропустили, просто запечатали горлышко бутылки – перекрыли самое узкое место улочки, назад я

не прорвусь. Они посмотрят издали. Им даже не очень интересно, чего только не видели на этой службе ради куска....

М..да.. красавец. Длинный кинжал в золоченых ножнах... Поверх хауберка расшитый акетон. В себе уверен – не боится, что попортят дорогое сукно ...Стоит, как будто просто так...ну ждет кого-то человек. Или даже не ждет. Расслабленно так стоит. Положение ног ничем не напоминает пружинящую стойку готового к атаке бойца. Корпус и голова полностью открыты, рука почивает на фальшгарде. Но сейчас этот лениво опущенный меч защитит его так, как если бы он находился за толстенной медной дверью. Он легко контратакует меня из «Простака»... Хладнокровный, опытный, он подпустит меня еще чуть, еще подождет моих действий...

Похоже, не привык слишком напрягаться, неторопливо вышел из зала таверны в доме, на втором этаже которого наше временное пристанище. Думал, может, я сверху спущусь или ... надеюсь Бер там, с Бренной. И она не смотрит в окно.

Как здесь двигаться – улица узкая, как щелка монашки. Секунду, что он меня разглядывает в скудном сером свете, чтобы убедиться, что я – тот самый, думаю *как*. Верхним смогу достать голову, ключицу или плечо. Можно попробовать восходящим ударом в скрещенные на гарде руки, если он атакует первым и, на мою удачу, выдвинет их достаточно далеко вперед.

Не сводя с него глаз, вытягиваю из ножен свой Клайдеб и, продолжая движение, отвожу его вниз и немного назад.

Давай. Это не затянется надолго – такие как мы, не фехтуют. Фехтуют лавочники, а мы просто рубим. Минута и ты в Вальхалле или в Аду, если хоть раз в жизни купался с комфортом под пение бритых макушек.

Он принял решение – сделал широкий шаг-выпад вперед, переводя меч в позицию для замаха сверху, и атаковал простым ударом в голову. Хотел проверить меня – скорость, маневренность, прощупать дистанцию? Я вскинул клинок рукоятью вверх, острием вниз и шагнул под меч, загоразиваясь своим оружием, принимая удар почти на гарде. Его клинок съехал от моей гарды до нижней трети, я слил его от себя, одновременно с шагом вправо и немедленно ударил в шею. Меч, опущенный клинком вниз, дает прекрасный замах.

Ну и сам дурак. Зачем, ради преимущества инициативы? Нет, он просто всегда так делает в бою. Он не предполагает нанести серию ударов, он не мечник, а солдат. Его задача пробиваться через первую линию построения, перерубая древки, отбрасывая пики, рубя по плечам и головам, кого достанет из бездоспешных ребятишек второго ряда. Тела валятся, заливая товарищей кровью, им под ноги, кого-то затаптывают, страшные крики, лязг, удары... Им деется-то некуда. Смять, напугать, ввергнуть в панику, разорвать строй – он привык наступать, рубить сверху, сокрушительно – рост, сила и тяжелый двуручник... На него не наступают, ему навстречу не двигаются, всегда жмутся от него, они же боятся...

Теперь я мог взглянуть на наше окно. Бер не дал ей смотреть и ставни закрыл на всякий случай. Правильно, мало ли.... Зато все, кто в трактире отдыхал, прильнули к окнам. Еще стражу кликнут. И ребята, что остались у меня за спиной, будут спокойно, словно здесь ни при чем, наблюдать, как меня уведут в кордегардию для выяснения обстоятельств поединка среди бела дня со смертельным исходом, а сами спокойно возьмут Бренну. Бера им придется убить, но в восьмером справятся, и довольно быстро, хоть не без шума... Все, малыш, сейчас я поднимусь. Нет –нет... Они подтянутся, рассядутся внизу с комфортом, потягивая эль, будут ждать, пока мы сами спустимся, и тихо поведут... в спокойное место. Штурмовать комнату наверняка не станут. Зачем – кругом свидетели, разбой, ущерб – нехорошо... Многова-то их, но мы что-нибудь придумаем.

Однако, проскользнуть я не успел. На крыльцо трактира вышел неприметный мужичок средних лет и стремительно двинулся мне навстречу. В обеих руках он крутил моргенштерны на длинной рукояти, и делал это весьма ловко. Полочнее, чем даже его хозяин-галлоглас орудовал своим дрыном. Наблюдал, значит, в окошко смерть кормильца.

Я кинулся вперед, ему в ноги – единственная возможность избежать перспективы разможенной башки. Он собирался бить в висок с почти одновременным сокрушительным ударом в грудь. Чтобы провести такую связку двумя ядрами требуется настоящее мастерство-это вам не цепом молотить.

Спастись можно только убравшись с линии удара в мертвую зону, просто увернуться от двух шипастых увесистых шариков – вряд ли получится. Я изловчился сгрести его борцовским захватом за ноги и дернуть на себя, правой рукой выхватывая кинжал. Ядра нас по инерции слегка достали – подрали-таки на мне котгу на плече, и кровоподтек будет. Ну а ему – уже неважно.

Оглянулся на шайку сзади – все там же стоят, и не смотрят в нашу сторону – это уже нарочито... Словно дело у них – просто встретились приятели, беседуют. Собираются отдохнуть компанией вот в этом трактире, покушать, обсудить дела. А заварушка прямо у них под носом? Где? На улице этой? Не, ничего не видели...

Провожаемый молчаливыми опасливыми взглядами трактирщика и посетителей я поднялся в нашу комнату и закрыл дверь на засов. Крепкая, кстати, дверь.

Бренна сразу бросилась ко мне, обвила шею руками, губы трясутся, сказать аж ничего не может. Испугалась. Бер чуть приоткрыл ставень, встал боком, хмуро наблюдая.

– Глянь, убирают: молодцы какие... Интересно, и кровь со стены замоют?

Я отодрал от себя девочку, усадил ее на кровать и тоже глянул. Быстро они. Трупов уже нет, двое у двери присели, буднично переговариваются, третий – на крылечке дома напротив греется. Быстрый взгляд на наше окно – знают, где мы, и что смотрим, как мыши в щель, тоже знают. Тот, на

крыльце, будто невзначай снял со спины лук – продемонстрировал. Не, бойцы, мы и не думаем уйти по крышам. С Бренной не получится.

* * *

– Мой дядька, представь – дядька, а меня младше – во бывает! Так он рассказывал, как было основано братство Зеленой Бочки. Эй, рыжуха, когда колбаса-то будет, вы там, что – свинью ушли колоть? И браги две пинты просили, давай, пошевеливай попкой! Крутишься тут без толку!

– Может нам ее угостить своей колбасой, а Ханси? Моя уже готова, глядя на эти сдобные булочки...

– Не, отходить никому нельзя. Вдруг наши птички захотят вылететь из своего гнездышка... Успеется. Так вот: история про то, что фейри твои – просто бесы, ублюдки Сатаны.

– Нет, то – пикси: леприхауны, дворфы или всякая нежить типа люпусов или утбурдов. Те – дьяволово отродье. А фейри...

– Не спорь. Ну, утбурды – мертвяки-то при чем? Не о них речь. Знаешь Роибина Мак Дулна, что держит в Миде большую пивоварню и корчму при ней. Ну, разное там – и брага у него всегда отличная, и чего покрепче тайком наливают, хоть пошлину, полагаю, отродясь не платили. Так вот, рассказывают, что однажды Роибин, уже ложась спать после полуночи, услышал у себя под окнами, выходящими в старый заросший сад истошные крики: «Умираю от жажды, сжаль-

тесь, дайте промочить горло...». Он было подумал, что это запоздалый пьянчуга бузит и, взяв из-под кровати ночную вазу своей женки, уже намеревался вылить ее содержимое на голову оруну. Однако, выглянув в окно, до жути перепугался. По траве ползли языки пламени, уже подбираясь к сараю, и голоса, просящие водички раздавались прям оттуда.

Роибин начал бегать и кричать «пожар», поднимая слуг, однако как ни заливали они водой, адово пламя потухло лишь с первым криком петуха. На другую ночь все повторилось снова, и огонь уж подобрался к хозяйственным постройкам почти вплотную. Хоть жена твердила целый день, что стоит обратиться за советом в храм, где о ту пору служил добрый отец, по слухам знававший самого святого Патрика, Роибин побоялся: решат еще попы, что он якшается с Сатаной.

Зато соседка его надоумил, высказав предположение, что это проделки тех самых пикси или фейри, как ты их изволишь величать, да присоветовал выкатить им на травку добрый бочонок свежей браги. Едва прозвонил полночный колокол, услышали Роибин с женой, их старший сын и сосед, коих они призвали, дабы разделить на всех ночные страхи, как вылетело у бочонка донце, и пошло тут такое дело: бульканье, отрыжка, икота, бздех да возня, да брань, скабрзные шуточки да непристойные песенки – вот каковые звуки разносились над садом и двором Роибина – и так громогласно, что от соседей срамота.

И за минуту перед тем, как петуху пропеть, а бесам исчезнуть, услышали они визгливые да хрипатые бабьи голоса, распекающие дьяволов на все корки, звуки оплеух и прочее – словно чертовки пришли в кабак за своими муженьками, вооружившись вальками да ухватами – чем там грешников в пекле пользуют... Да перед самым – самым петушиным «кукелику» одна чертовка завизжала Роибину прямо в ухо: «Вино подавай, да хорошее, не жмотничай – пожалеешь!»

Что ж делать? Жена причитает, гонит к святым отцам, сосед считает, напротив, что попы хуже чертей, дороже выйдет.

На следующую ночь, скрепя сердце, выкатил Роибин зеленую бочку со светлым гамэ. Очень уж надеялся, что сосед прав – ежели угодить адским бабенкам, может получится с ними уговориться, пока полностью не разорили.

И что же? Едва ударили полночь на звоннице – заиграла в саду чудная музыка: арфы, флейты и лютня, запел маленький рожок, раздался звон кубков, нежное пение, а после – звуки лобзаний и совсем уж малопристойные всхлипы и вскрики. И так всю ночь: музыка и прочая свистопляска все бойчее, а любовные стоны все жарче и бесстыдней... Вот уж бочка опустела, утро близится, а на ухо Роибину – горячий шепот молодой чертовки: «О, Роибин, благодарим тебя. Ты такой милашка. И зачем тебе понадобилось жениться? Теперь приходится пятить эту сухопарую козу. Вы полюбуйтесь – сиськи висят как тряпки, а рожа, словно кусок пергамента. Приходи завтра повеселиться с нами, да не забудь еще

доброе светлого винца. Уж мы тебя одарим такими ласками, что...» И тут пропел петух, а жена вцепилась Роибину в остатки былой шевелюры.

Так она его поколотила – отвела душу и потащила-таки на исповедь. Добрый отец и впрямь сжалился над несчастным. наложил лишь годичную епитимью, да взял обет пожертвовать на храм...ну, почти все, что Роибин накопил, приторговывая втихую бранвином. Затем велел взять эту зеленую бочку из-под гамэ, а налить туда святой воды, да еще читал над ней по латыни столько, что когда черти снова явились и отведали, раздался дикий вой, и стон, и скрежет дьявольских клыков, и убралась она во ад со свистом и страшными проклятиями. Более Роибина ни одна чертовка, кроме женошки, не беспокоила, а бочку он продал купеческой молодежи в Миде, и рассказывал эту байку, но так, как будто то были фейри. А молодые неженатые купчики порешили, что история поучительна – дабы жить покойно и весело надобно быть набожными христианами и не обременять себя никакими чертовками возможно долее. И основали они в Миде орден – Братство Зеленой Бочки.

Ну, наконец, цветочек! У нас уже кишки к спине прилипли от голода. Еще браги принеси. Да вот что: отнеси выпить и закусить тем молодчикам, что парятся на крыльце, а потом, милочка, возвращайся к нам. Мы тебя и угостим, и потешим.

Ренар Лис.

– Как изволите указать поднять обвиняемого на дыбу – руки вперед или за спину?

– А мы у него самого сейчас спросим, Изергрим. Эй, красавчик, как будем беседовать – по-доброму или по-серьезному? Понимаешь ли суть вопроса мессира палача? Если руки будут впереди – повесишь с полчаса, ответы твои нелживые и полные запишем, да и пойдешь своими ногами обратно в камеру. А там и обед – к хлебу прибавлю полкувшинчика винца, а то вода тут гнилая, да и почему не скрасить доброму человеку ожидание господ судей. А ежели ты, по глупости своей, показания добром давать не намерен – что ж ... тогда поднимем, заведя руки назад – дополнительно пытка не потребуется. Мессир отдыхает, а ты висишь. Вывернутся руки – сместятся кости под тяжестью веса, растянутся связки... А то и суставная сумка порвется, жилы ... Никакой угрозы жизни – простой вывих, растяжение, а минут десять повисишь – расскажешь нам все, что было и чего не было... и не до обеда тебе будет ой, долгое время после... А можно и гиришку привесить к ногам – сам-то ты не грузный, вон какой стройный смазливый паренек. Тонкий да звонкий. Ага. Так как, э... Ренар или Рейневан, или Рейнгард или все же Рейнеке по прозвищу Лис?

– В чем меня обвиняют, господин дознаватель? Я рад буду правдиво и точно ответить на все вопросы.

– Хорошо. Давай, Изергрим. Полегче сперва... Ну-ну не кукожься, красавчик, не кривись... это только цветочки, же-

лаю тебе не попробовать ягодок. Итак: первого майского дня в городской магистрат на тебя поступила жалоба от вдовы госпожи Хильдур Свенндоттер Фальке. Она показала, что, прибегнув к обману, ты выманил у нее восемь марок в качестве уплаты за услуги деликатного свойства. Было?

– Хильд? Да, я, действительно, помог этой молодой даме справиться с горем от недавней потери супруга. Она отблагодарила меня по собственному соизволению.

– А... так вы утешали юную вдовицу... А она заявила, что вы, пользуясь ее неопытностью, предложили ей доделать, якобы, недоделанного ребенка, которым она беременна, поскольку покойный супруг не в состоянии совершить это по естественным причинам.

– Ну... господин мой, да поглядите, сколько вокруг недоделанных идиотов. Стоит ли умножать их количество? А нельзя ль меня опустить на пол...

– Нет, нельзя ль. Итак. На той же седмице на вас подал жалобу мессир Роллан Журмэ, почтенный отец семейства, заграничный купец – гость наш! Состоятельный и уважаемый человек. Вы нанимались к нему для обучения его дочерей музыке, а именно игре на новомодном инструменте под названием колесная лира?

– Да, я это признаю, господин дознаватель.

– Сколь я понимаю, это струнный инструмент, в котором звукоизвлечение происходит при помощи вращения колеса?

– Совершенно верно, сударь.

– А, что, инструмент механический?

– Нет, господин, у меня совершенно обычный, хотя и красивый инструмент. Кстати, я хотел бы узнать, могу ли я получить его обратно. У меня его отобрали при обыске, господин дознаватель.

– Ну, что ж, посмотрим его. Обычный? Запишем... Значит все же колдовство... Мессир Журме пребывал долгое время в заблуждении относительно свойства этих уроков, поскольку все его пять дочерей – невинные юные девы, старшая из которых уже была просватана, действительно начали исполнять на оном инструменте прекрасную музыку. Вы получали с мессира Роллана плату за уроки и проводили с юными девами время наедине. Однако, человек купца наблюдал за вами и выяснил, что инструмент при помощи хитроумного механизма либо магии – но механизм вы, любезнейший, сами отрицаете, играет сам собой, а девицы лишь делают вид, что искусно извлекают сладчайшие звуки... Мессир заподозрил неладное и, проведя домашнее расследование, выяснил, что честь всех пяти дев поругана, в том числе и невесты, за коею уже был уплачен женихом положенный выкуп. Да-да. Сестрицы были рады наябедничать друг на друга сами. Прелесь, какие дурочки... курочки. И вы – как лис в курятнике... Вы признаете также эти факты? Вот молчать – это ошибочно, юноша. Изергрим, пять ударов для начала. Ха, по числу прилежных учениц.

– В этом нет необходимости, господин дознаватель. Я при-

знаю факт обмана и соращения.

– Ну, вот и ладненько. Погоди его пороть. Еще порядочно вопросиков.

– Следующая жалоба от фру Маргрэты Гис. Знакомы вы с этой дамой?

– Э... Возможно...

– Она показала, что вы похитили у нее драгоценные украшения, которые были подарены ей возлюбленным, человеком настолько высокопоставленным, что его имя не приличествует здесь называть. Вы, представившись доверчивой даме духовным лицом, самочинно нарядившись в священную сутану, что само по себе является тяжким преступлением, которое будет расследовано и наказано отдельно, убедили ее, что она нуждается в вашем руководстве как духовника. Не имея на то права, выслушивали ее исповеди, журили за грехи любожастия и чревоугодия, подобно доброму пастырю, накладывали церковные наказания и убедили ее в том, что означенный кавалер, этот образец христианина, является никем иным, как чертом, одним из первейших слуг Ада. Вы велели ей открыть шкатулку со всем ее содержимым, оцениваемым в сумму более 400 марок для, якобы, освящения и очищения бесовских сокровищ, а потом, похитив их, заявили, что украшения, будучи окропленными святой водой, зашипели и исчезли, распространяя зловоние. При том, этот богомерзкий фокус вы проделали на глазах у самой фру Маргрэты, что дает нам основание присовокупить

повторное обвинение в колдовстве. И так, самозвучная лира и исчезающие камушки... Магией балуетесь, милейший? И святотатство— все это скверно...

— Господин! Я признаю, что обманул даму и похитил сокровища. Но богохульство и колдовство — нет, она меня неправильно поняла. Это был лишь розыгрыш, шутка...

— А... Шутка... Мессир, вот теперь — прошу вас. Десяточка полтора покуда, в соответствии с нежной комплекцией клиента... В вашем положении пятнашечка — это пока просто шутка, юноша. Кстати, интересно выяснить, где этот проходимец достал сутану, не правда ли, Изергрим...

А еще интересней — куда же улетучилось содержимое ларчика фру Гис. Но все это просто детские... шуточки по сравнению с вопросом о ваших совместных с господином Морголтом экспериментах. Не он ли просил вас достать определенные редкие камушки для изготовления декоктов? Кажется, фру Гис говорила о весьма ценном опале и редком черном оливине... Алхимия и магия — интересные, но опасные занятия. Информацией не желаете поделиться? Пожалуй, пора сменить позу — перевесишь его руками за спину, а я пойду перекусить. С моим желудком прием пищи должен быть регулярным, тогда и стул будет, регулярным соответственно, не правда ли, мессир Ренар? Ведь, говорят, вы сведущи в медицине?

Чтоб этого Изергрима кошки Фрейи так драли! Боль никак не давала мне сосредоточиться, к тому же в спертом воз-

духе застенка содержание кислорода было критично мало, а моя энергия, в результате жажды, голода и стресса предсказуемо упала. Я постарался отрешиться от ударов, рвущих плоть на спине.

О, золотые клыки, острый язык и лохматые волосы Агни, шипящие хвосты злых алых змей, послушных Шиве. Ну, ладно, Локи, хоть ты не вредничай! Помоги мне, поделись... Нет, не выходит... Придется изворачиваться как-нибудь так...

Изергрим – палач-то знакомый – через него можно выйти на любого алхимика в городе – он отходами производства исправно торгует, ногтями и волосами казненных, кровью, спермой или даже внутренними органами... Иногда кое-что приходилось нам с Морголтом у него заказывать. А сечет, сволочь, как незнакомого...

– Господин дознаватель, подождите, я готов поделиться и не только информацией.

Глава 7

Они сидели в темной комнате, прислушиваясь к затихающим внизу шагам и голосам, редкому стуку кружек и хлопанию двери. Бренна так устала от нервного напряжения, что, свернувшись калачиком на постели, почти задремала.

От еле слышного царапанья в дверь ее просто подбросило, но она не успела вскрикнуть – ладонь Асмунда мягко накрыла рот. Бер подошел и прислушался.

– Это я – прошептал за дверью девичий голос – откройте. Бер бесшумно отодвинул засов и, убедившись, что девушка одна, впустил ее в комнату.

Пламя свечи, которую она держала, осветило юное милое лицо и толстую косу медного цвета, уложенную вокруг головы. Бер сразу дернул ее к себе и шумно, по-звериному втянул воздух у самой шейки, но спохватился и неохотно отпустил.

– Вам надо скорее уходить. Они спят, посетителей внизу нет. Быстро собирайтесь, я добавила в брагу снотворный эликсир. Те, что на улице тоже спят. С моря идет шторм, там очень холодно...

– Что за эликсир, «Лесной ладан»? – Бренна подошла к девушке – Меня зовут Бренна.

– Я – Элиис, леди. Нет, маковое молоко и какие-то травы – я не знаю точно, аптекарь составляет.

Бренна в порыве облегчения и благодарности обняла девушку – А как же ...они же проснутся и догадаются, что упустили нас неспроста?

– Нам надо забрать лошадей и повозку. Элиис едет с нами.– Бер взял девушку за руки – Это не обсуждается.

– Бер – Элиис опустила голову. – У меня здесь жених...

– Ты едешь. У тебя же родня в Кове? Если не захочешь остаться со мной – отвезу тебя туда. Поговорим по дороге.

Мокрый снег несло шквальным ветром, который, казалось, дул во все стороны. Девушки прижались друг к дру-

гу под кожаным пологом повозки – как же повезло, что Бер смог купить такую – достойную королевы – не промокает и не продувается, трясет по булыжнику только адски. Бренна вдруг почувствовала, как в боку словно что-то повернулось и оторвалось. Мгновенно болезненно окаменел низ живота. Но остановиться не было времени – они еще и центр городка не миновали.

– Асмунд, Эилис собрала кое-какую еду, но надо завернуть к колодцу, наполнить фляги. Ты покараулишь, а я быстро. Показывай, как проехать, детка.

А это что за штука – не видно в темноте, оттуда какие-то звуки – слышите, хрип.

– Останови. Колодец тут – на перекрестке двух главных улиц. А это, наверное, джуга – позорный столб. Его ставят напротив ратуши – ведь к колодцу и на рынок через ратушную площадь ходят все. Ну, или на мосту. Стонет, видно, приговоренный... Пытается что-то сказать, кажется воды просит. Не соображает уже, бедняга. Я видела, когда его водили и пороли – он уже два дня стоит.

Асмунд спешил и, пока Бер наполнял фляги, подошел к человеку, прикованному к деревянной перекладине при помощи железного ошейника на короткой цепи. Его лицо наглухо закрывала позорная маска в виде длинноклювой птичьей головы, стальные полосы на затылке соединялись с личиной при помощи замочка сбоку.

– Бездна, ну и как его напоить? Если я открою замок но-

жом, скорее всего он будет сломан, и как потом замкнуть? Странно, он словно кого-то мне напоминает... Бер, наполнил? Подойди сюда... Прикованный снова что-то отчаянно попытался сказать, но из-под маски разобрать слова было трудно, да и пересохшее горло бедолаги по большей части издавало сдавленное сипение. Бер приблизил ухо к железу и вдруг принюхался. Затем достал нож и мгновенно сломал замок. Маска с лязгом упала.

– Вот почему я не удивлен, Ренар Лис? Уверен, ты это заслужил, приятель.

Асмунд, легко вскочив на помост, склонился над телом.

– Бер, держи его, он на ногах не стоит. Я разожму клепку. Давай его к девчонкам, и поехали скорее.

Асмунд уложил в повозку истерзанное тело старого друга. Он подумал, что настолько устал, что даже удивляться многообразию и стремительности событий сегодняшнего дня и тому, как внезапно увеличилась их компания, у него просто нет сил.

Бренна.

Элиис сказала, что укрыться от непогоды и погони – ведь к утру эти молодцы очухаются – можно в заброшенной деревеньке, что у подножия холма Бесмер. Она пустует и имеет славу нехорошего места уже лет тридцать. Пожар пощадил несколько домов. Остальные были сожжены людьми Дал Кайс вместе с жителями. Якобы эти вилланы не были гото-

вы сражаться против данов и прятали двух лендрманов, а заодно и провизию, не желая делиться с партизанами. Трудно представить, что «патриоты» могут так расправиться со своими, к тому же беззащитными селянами, но Асмунд пояснил, что основная трудность в завоевании и управлении Эйрин как раз в том, что кланы столь сильно ненавидят друг друга, что, по сути, не с кем договариваться. Как он сказал? «У них нет понятий, а вместо закона бесчисленные нелепые запреты, диктуемые обычаями и гейсами. Их не интересует разумное обустройство жизни и деньги – только «удальство», как они его понимают, да еще выпивка и коровы – как цель приложения этого буйства и мера удачи. Даже берсерку трудно удерживать в руках мешок с дерущимися котами». Видимо несчастные жили на земле, принадлежащей кровникам этой шайки бандитов-освободителей.

Шквал все усиливался, нам все равно пришлось бы где-то переждать. К тому же, человеку, которого Бер с Асмундом сняли с помоста позорного столба, требовалась помощь. Он жадно пил воду, а потом потерял сознание. Было так темно и тряско, что даже осмотреть его мы не могли. В боку ныло все сильнее, от этой тянущей боли почему-то становилось страшно.

Мы заняли крошечный домик у самого подножия Холма. Асмунд на руках внес этого парня, и мы с Бером при свете очага, наконец, осмотрели его. Невысокий, стройный, черты лица тонкие, даже острые, и удивительные ярко– рыжие,

чуть ли не красные волосы. Я бы подумала, что он их чем-то покрасил, но, когда мы его раздели, я не удержалась и посмотрела... У него и там такие же волосы, представляете? Кажется очень молодым – намного моложе Асмунда, во всяком случае. Но спина – ужас. Белая тонкая кожа, такая гладкая и нежная буквально превращена в кровавое месиво плетями. Позорная рубашка – длинная, похожая на ночную, присохла в ранах так, что мы ее долго отмачивали ромашковым отваром, прежде, чем удалось срезать по лоскутку. Бер намазал бальзамом, сказал, все равно будут шрамы. Асмунд с Бером вправили вывихнутые суставы, напоили его и оставили в полубабытьи на животе. К счастью, у Эилис осталось немного макового сока. Однако, наверняка еще будет жар и хорошо бы ему отдохнуть пару дней. Утром сварю жидкой похлебки. За что его так? Мужчинам он хорошо знаком. И, кажется, они рады, что его выручили.

Потом произошло нечто неожиданное, что меня ужасно смутило. Мы сели есть, и Бер, усаживаясь на лавку, поймал Эилис за руку и посадил к себе на колени. Она стеснялась и хотела вырваться, но он не пустил. И велел ей есть, хоть она, по-моему, с трудом глотала, сжавшись в его лапищах. А когда дожевала, он просто встал, не опуская ее на пол, и унес в небольшую клеть, выгороженную для скотины. И мы с Асмундом даже не могли пойти на улицу, потому, что там бушевала метель. Я просто не знала, куда деть глаза и, наверное, покраснела как свекла, потому, что они вели себя

отнюдь не тихо. А Асмунд, заметив мое состояние, подошел и поднял меня за плечи. Меня просто затрясло. Но он только взял меня за подбородок и заглянул в глаза.

– Надеюсь, ты их не осуждаешь, птаха? День был тяжелый и страшный, особенно для этой девочки. Если бы она попала на своих фокусах с зельем, представляешь, что с ней бы сделали восемь злых мужиков? Их не погладят по головке за пьянку, в результате которой они нас упустили. То, что происходит сейчас между Бером и этой девушкой – просто нужда, необходимость.

– А как же ... жених?

– Ну, – Асмунд усмехнулся, – боюсь теперь никак. Бер заслужил немного счастья, как думаешь? Девчонка сделала это ради него. Пойдем устраиваться спать. В клетки холодно, как в Йотунхейме, но они-то не замерзнут, а мы с тобой закутаемся в войлок. И несчастного Лиса укроем получше. Доигрался, отродье Локи. Интересно – попался, когда в кости жульничал по своему обыкновению, что-то украл не у того человека или поймел не ту девицу? Ты чего?

– Я лучше посижу у огня. Ты не расскажешь мне о Ренаре?

– Расскажу, конечно. Но этого в двух словах не описать. Я постелю нам прямо у очага, не упрямясь, иди ко мне. Ты тоже ужасно перетрусилась сегодня, а, птаха?

– Да, я очень боялась, что они выломают дверь и перебьют нас. Кому они служат?

– Да хийси их знают. Какая разница.

– Знаешь, я не хотела жаловаться, но у меня болит что-то в боку и малыш там... очень сильно толкается. И от этого мне как-то... тоскливо и страшно.

– Можно, птаха? – Асмунд опустил на колени и прижал ухо к моему животу. – Мы сейчас его уйдем. Все же он мой усыновленный... Ого! Да там у нас воин, равный Кухулину. И растет как в сагах – не по дням, а по часам. Где больно, малыш?

И он сделал как тогда, когда я отравилась – устроил нам настоящее гнездо из войлока и уложил рядом собой. А потом прижал к себе спиной и положил руки на живот. И правда, вскоре от давления и тепла его рук ребенок перестал кувыряться, и боль в боку почти прекратилась.

Я не знаю, что об этом думать – вот можно позволять так делать или нет? Мне из-за этого ужасно стыдно и... не понимаю даже, успокаивает меня, то, что Асмунд со мной творит или волнует и мучит. Он гладил живот, и я чувствовала его горячее дыхание на щеке и шее. И не только дыхание. Но он больше ничего не делал, хоть я этого почти хотела, растаяла в его руках, вытянулась струной, прижимаясь крепче. И эти мучительные стоны за стеной – как же долго, когда же они насытятся друг другом... Асмунд, будто случайно, потерся щекой о мой затылок, а потом выпустил из объятий. Я испытала... разочарование? Это невысказано, но правда – продолжи он... я бы, наверное, позволила что угодно. Да что продолжи? Я даже не могу сказать, что это было – ласка или

дружеская помощь? Может, я придумываю себе то, чего нет? Но доказательство его отношения только что упиралось мне в поясницу. Я развратная девица, настоящая грешница, раз могу даже думать о таком с посторонним мужчиной... И он мне не посторонний, он со мной нежен... Дева, защити и помилуй!

Наверное, чтобы отвлечь нас обоих, Асмунд начал историю о Лисе.

– С чего же начать рассказ о самом наглom, невозможном, остроумном, восхитительном негодяе Мидгарда и ближних к нему миров, птаха?

Для бродяги– Лиса нет ничего святого – все лишь повод хорошо повеселиться или урвать крупицу выгоды. Иногда он страшно проникателен, мудр и хитроумен, а иногда – попадает в простейшую ловушку, словно глупец. Иногда кажется, что причина его диких поступков – лишь жадность, похоть, любопытство или желание сыграть над ближним злую шутку, и он вовсе не желает ничего знать о добре и зле, а поступает так, как ему хочется в данный момент. Что он ни во что не верит, и нет для него ничего точного и несомненного. При этом он верный друг, честный, чуткий и глубокий собеседник. Я видел в его поступках настоящее мужество. Да и с Богами и фейри он дружит на самом деле, а вовсе не как друиды или ваши серые братья. И еще он не человек, а настоящий оборотень-лис и возраст его, предполагаю, совсем не соответствует внешности. Я думаю, он очень долго живет

на земле. Ну... или даже не на земле. И, наконец, Ренар замечательный музыкант и рассказчик...

Когда я проснулась, едва рассвело. Наверное, ночью очаг потух, и стало холодно, потому что я во сне подкатилась Асмунду под бок, а он обнял меня рукой за шею. Я лежала и думала, как мне высвободиться, чтобы сходить в отхожее место, не разбудив его, и услышала тихие голоса – Бера и другой, высокий, но приятный. Наш капельмейстер определил бы его как меццо-тенор.

– И куда же вы направляетесь в компании таких ...славных курочек?

– Неблизко. Спроси, лучше у Асмунда, пусть он решит, что можно тебе рассказать.

– Вот сейчас было обидно, хоть я ценю откровенность. Не доверяете?

– А стоит доверять? Не расскажешь, куда ты так внезапно исчез в ночь Йоля, прихватив наши последние деньги?

– Ну не последние, я сперва убедился... Как сказать... у меня возникли обстоятельства э...непреодолимой силы. Скверные обстоятельства, неохота даже вспоминать. Поговорим лучше о приятном. Ну ты-то ясно... А где ж наш праведный сир Асмунд раздобыл себе новую леди?

– Заткнись. Если не хочешь и от него получить, не вздумай отпускать скабрзные шуточки и вообще не суйся, куда не просят, любитель посплетничать. Она не его леди.

– А... Оно сразу понятно, глядя, как он ее обнимает во

сне. Обнаженный меч между ними вроде не блестит. У... больно же, полегче ты своими лапами. Хватит этой зловонной мази. Что на завтрак?

– Похлебка.

– Ты ее сварил из того же самого, что и мазь, из тины?

– Из глины, жри и не кривись.

Они еще долго и, видимо, привычно переругивались вполголоса, и я снова провалилась в сон, чувствуя горячую тяжелую руку Асмунда на своем бедре, его сонное дыхание на шее и прикосновение мягкой светлой бородки, о которую мне хотелось потереться щекой... Все видят. Ну и пусть.

Асмунд.

– А что Бору? Он правил бы в Таре, не будь христианином из-за Рва. Кто мог подумать, что о нем сложат легенды, начинал-то не сказать, чтобы бодро. Двенадцатый ребенок мелкого ри, жалкие клочки земли которого в верхнем течении Шеннон...

Бездна, Ренар! Не вороши, птица гореть начнет.

– Ладно, не буду трогать. Жрать хочется. Девчонки там притихли – у них свои разговоры. Расскажи, мне интересен твой взгляд на эти события с точки зрения опытного бойца. Ты, кстати, умеешь биться с двух рук, Асмунд? Как Ситрик Шелковая Борода?

– Смысла в этом большого не вижу. Защита хуже, чем со щитом, а удар левой все равно слабее. Предпочитаю нор-

мально: щит- меч.

Король Бриан мне родня по матери, между прочим, как и всем О'Брайенам. Отца его из клана Дал Кайс драли и викинги из Лимерика и свои из Манстера. У ирландцев никогда не было дисциплины и хорошего оружия, однако порода Дал Кайс была сильна. Бабы их на одной овсянке на воде рожали богатырей, все почти выживали и росли под два метра – настоящие йотуны. Не считался у них мужем тот, кто не мог свалить противника ударом кулака в лоб. А ума не надо. Тяжелые двуручные «секиры Лохланна» рубили «клены тинга мечей» и иногда им что-то и впрямь удавалось... отбить назад.

Ну, а как он начал... Когда король Лимерика Ивар захватил Манстер и побратался с Эогахантом, который всегда был с Дал Кайс на ножах, Матгамайн пытался откупиться, но Бриан по природной живости и склочности характера лез, грубил, всячески провоцировал данов и мешал брату вести переговоры, а когда тот попытался его урезонить обиделся, что с ним не считаются, и увел большую часть воинов в леса на вольный выпас – разбойничать. Дело привычное, любимое, можно сказать дело жизни – налетать ватагой из засады, месить дубинками и рубить топорами, как честные предки бились – за славу, рабов и коров. Потом веселиться: все, что мясо – жарить, все, что льется – пить, все, что шевелится – трахать. Вот сейчас мы как раз пользуемся гостеприимством мертвецов его милостью.

– Ты хочешь сказать, он был простым бандитом?

– Нет, Бер, вдохновленным мыслью, что его призвание – освободить народ Эйрин от волков-северян. Это что-то меняет?

– Я не пойму, что ты против него имеешь?

– Да, собственно, ничего личного. И, надо сказать, для данов он и в правду стал колом в заднице. Правда за четыре года у Бриана и осталось всего пятнадцать человек, но Ивара они сильно утомили. Он потребовал у Матгамайна, чтобы тот сам изловил бешеного братца и обезвредил.

Но это уж было слишком – Матгамайн оскорбился, разодрался с Лимериком и вместе с братом дрался с викингами под Типперери. Они заманили отряд Ивара в чашу, не давали выстроить стену щитов, обстреляли, смяли... Взяли, в итоге, Лимерик и всех там безжалостно вырезали. И захватили столько приличного оружия и золота, не говоря уж о славе и коровах, что клан Дал Кайс поднялся и усилился необычайно. На стороне ирландцев была удача.

Бриан убил Ивара и всех его сыновей на острове Скаттери, затем разгромил Лейнстер. Их короля Маэл Морду он, рассказывают, лично стащил с дерева. Конечно врут, ни один воин так не осрамится, не то что король. Хорош, Ренар! Присосался как клещ, другим-то оставь! Бер, а что, это последний бочонок?

– Нет, еще один есть. Почему Бренна лежит?

– Я не велел ей вставать. У нее снова разболелось в боку.

Это опасно, как думаешь?

– Я что, лекарь? Но лучше пусть полежит. Рассказывай дальше.

– Бриан совершил типичную ошибку из тех, что обычно стоят мужу жизни или, во всяком случае, покоя – забрал его сестру Гормлет, хоть уже и не слишком юную красавицу, учитывая, что Дублином правил ее сын Ситрик Шёлковая Борода. Так Бриан рассчитывал держать и Дублин под контролем. Уж лучше бы просто всех перерезал. Это надежнее. Но, видно, баба была и впрямь горячая.

– «Типичную ошибку». Кто бы говорил, милорд.

– Я просто выполняю свое обещание – везу девушку на Лох Меар, где она и мой воспитанник будут в безопасности.

– Но в опасности будешь ты, мой бедный друг...

– Не нарывайся, Лис. Бриан не был дураком и многому научился у нас, поэтому удача от него не скоро отвернулась. Он сильно потеснил северян с земель и ввел ряд неглупых законов. Методы установления мира и порядка хроника описывает со святой наивной простотой : « добрый король взял и убил всех злых во всей Ирландии ». Я считаю, пора повторить. Давно пора всем хорошим людям собраться и убить всех плохих.

– Поддерживаю... Готово. Лис, отнесешь девочкам мяса?

– Бору – это прозвище. Бриан получил его по названию дани скотом, которую он накладывал на всех подданных...

– Но, Асмунд, он сделал и много хорошего. Мир длился

12 лет, люди хоть немного отдохнули. И флот в Лимерике, и восстановление монастырей. Ты ведь сам грамотный человек, учился в университете в Луме, а твои друзья викинги пожгли монастыри вместе с книгами, поубивали монахов. Да ты сам рассказывал, что даже Хауг ободрал какой-то монастырь. А Бриан отправлял людей за море покупать книги.

– Да, не спорю. Но важнее другое – он правил как все ирландские короли, как глава над главами кланов. А править должны люди – тинг. Не могут главы клана решать, как жить народу, и устанавливать законы. Конечно, даны пожгли христианские монастыри вместе с библиотеками, но потом они занялись строительством городов и область датского права стала наиболее годным для жизни местом, где человек мог рассчитывать на реальную защиту. Тинги – большие и малые, как общественные советы и суды это зерна будущего справедливого и разумного устройства мира. А церкви как-то мало способствуют разумному устройству мира, я считаю. Книг жалко, а вот попов правильно резали. Раз – и мученик в раю. Радуйтесь, верные! Не радуются...

– Да кто ж будет писать хроники и записывать саги, ежели всех монахов перевешать?

– Ну, может не всех. Некоторых не особо вредных заставить учить детей латыни... Надо было не бороться с данами, а переняв у них лучшее, смешаться с ними кровно. Чему и служит, собственно, Брачный Закон. Учесть традиции и обычаи двух народов и сделать закон и мир общими для

всех – вот цель, которую мы с Отцами порядка преследовали. Жаль, что пришлось навсегда покинуть Миде. Конечно, примирить попов и друидов невозможно, но пусть они плюют в глаза друг другу сколь угодно, бранясь за души пастырей... Нам-то что.

– Брачный закон предписывает знатым данам сочетаться с дочерьми Эйрин и братья юношей на воспитание. Правда, и зачем было Бору связываться с этой ведьмой Гормлет? Взял бы северянку. Когда он больше не смог выносить ее злонравия и алчности и решил, наконец, избавиться, она, змея, подбила брата и сына восстать против бывшего любовника. Ну что, нести? Тогда подожди меня, я хочу послушать про битву при Клонтарфе.

Лис вернулся подозрительно быстро и, что ему совсем не свойственно, имел слегка смущенный вид.

– Слушайте, там что-то странное у них творится. Девчонки, обнявшись, плачут... Часто такое бывает?

– Э... да? Они вообще-то второй день знакомы.

– Понятно... то есть не понятно... Женщины...

– Да пусть, не стоит их трогать, сиди, Бер. Надеюсь, ты не обидел Эилис?

– Да когда я мог ее обидеть-то? Ночью, вроде, она осталась довольна, а утром я ушел на охоту, она еще спала.

– Ты, уж извини за совет, спросил бы ее, точно ли довольна. У тебя-то не сломается, а ей-то с непривычки... ног не свести. Могу предположить, что и платочек на шейку она

нервно накручивает неспроста, медведище. Ладно, не смотри так страшно.

Про битву при Клонтарфе рассказывать долго. Вы все успеете сожрать. Но, во-первых, эта история еще раз подтверждает, что извечное противостояние Коннахта и Лейнстера, отраженное во множестве легенд, имеет под собой реальную основу. И оно не прекратится – так уж, видно, нормами суждено правителям этих земель. Придется им и дальше враждовать.

Да еще вмешательство сидов и их интересы, которые монахами в хрониках никак не отражены, будто и вовсе не было их магической помощи, а имели силу, конечно же, молитвы Христу и Божьей матери. А откуда тогда взялся Ров, позвольте спросить? Нет, я не умоляю военного таланта Бриана, и ирландцы, конечно, молодцы. Доблестны не менее викингов и вполне обучаемы. И не намного больше пьют. Но все же то, как они уделали северян, хочется объяснить неким вмешательством со стороны. Не даром же говорят, что при Клонтарфе какой-то шотландец видел, как на поле боя опускаются валькирии и творят сейд, лишающий данов силы. А странная буря, что отогнала драккары от берега? Северян и лейнстерцев прижали к воде и перебили, не смогли они уйти. Из тысячи дублинских воинов выжили всего двенадцать. Разве внезапная буря среди ясной погоды, может быть чем-то иным, а не результатом сейда?

– Да, ладно, Асмунд, и ты в это веришь? Ты просто всегда

был более даном по сердцу, чем ирландцем.

– Нет, почему же. Вы считаете, боевой магии не существует? Ну, как бы там ни было, худо еще то, что старшие наследники короля Бриана остались на поле Клонтарфа. По этой причине Ирландия погрузилась в войну всех против всех с ещё большей свирепостью. Воистину настало время «дрожи земли», «век меча и секиры», откуда силы северян в стране вновь окрепли, хоть данов сильно потеснили. И, понимаете, два народа, которые до войны стали уже щедро обмениваться, срастаться, снова увидели друг в друге врагов. Дан, глядя на ирландца думал: «А не воткнет ли он нож в спину?» А что делает дан в таком случае? Верно, нападает первым. Оправдывая желание как раз хвататься за нож. Не скоро такие вещи сглаживаются. У каждого убиты родичи. Вот что самое скверное в войне.

Бренна.

Утром я встала и поняла, что бок болит еще сильнее, чем вчера, и низ живота неприятно тянет. Асмунд велел мне лежать, сказал мы не поедим, пока не станет лучше. Неловко – Бер принес трех куропаток, Эилис их щипала, потрошила, сходила за валежником. А я все валяюсь. Может она думает, я потому не помогаю, что считаю себя леди. Потом мужчины на улице развели костер, чтобы в углях запечь птиц, до меня доносились их голоса. Кажется, Асмунд что-то рассказывал. А мне было тоскливо и скучно, но тут из клетки вы-

шла Элилис. Они с Бером там отдельно устроились. Девушка в нерешительности постояла у двери, а потом опустилась на корточки у очага, как обычно садятся крестьянки.

– Леди, можно мне спросить...

– Только называй меня Бренна. Присядешь ко мне, Элилис? Мне нездоровится, поэтому я лежу.

– Ладно. Я поняла, что ты в положении. Скажи, ты давно знаешь Бера? Что он за человек?

– Если честно, всего две седмицы. Но за это время столько всего произошло. Надо ведь судить по делам?

– Да уж по словам-то и вовсе никак – мы с ним почти не разговариваем.

– Он вообще молчун. Тебя это беспокоит? Ну, что он не совсем обычный?

– Да нет. В каком смысле не совсем обычный? Очень сильный ... Да, иногда он меня пугает чуть-чуть. Когда... мне неловко об этом говорить, леди. Ну, вы понимаете, он ... так рычит. Вам, наверное, слышно, да?

– Да, вообще-то. Я – Бренна, договорились? Слушай, мы... я и Асмунд рады, что у вас любовь, нечего стыдиться. Бер для Асмунда верный друг. Он, бросив дом, поехал нас провожать, чтобы в случае нужды помочь отбиться. Даже скотину продал, не на кого ведь оставить-то. Бер живет один. У него дом и пасека в лесу, место там доброе. Варит мед и эль, жизнь будет сладкой. – Я не могла сдержать улыбки. – Ты с ним голодать не будешь, не сомневайся. Он и охотник

хороший. Еще он смыслит в лечении, когда я отравилась, он возился со мной как настоящая сиделка. Человек, который может быть так заботлив и чуток, я уверена, никогда не обидит.

– Да... Не в этом дело...

– У меня сейчас такое чувство, будто я тебя уговариваю. А в чем сомнения? Он ведь тебя не принуждал, я надеюсь?

– Нет, конечно, нет. – Эилис снова покраснела. – Но вдруг он не возьмет меня к себе... У меня мать в Кове. Бер сказал, что отвезет меня в туда, а потом вернется, когда проводит вас до Рва. Но ведь это далеко. Вдруг он передумает или совсем забудет обо мне.

– Нет, если он обещает, то обязательно приедет, не обманет, не бросит – вот в этом я уверена. Правда, ты сама уже поняла, что наше путешествие небезопасно. Бер действительно может не вернуться и не готов взять тебя с собой. Но только поэтому.

– Бренна, а больше ты ничего не знаешь? Почему Бер живет в лесу один, кто его родители?

– Я думаю, он сам тебе со временем все расскажет. И лично меня это бы не испугало, ну, наверное. Только не спрашивай его. Не торопи.

– Я...да. Бренна, у меня ведь тоже есть, что рассказать, только я...не смогу.

– Почему не сможешь?

– Потому, что я очень виновата. Стыдно... Мне нельзя

возвращаться домой, к матери. Но как сказать Беру, как он... на это посмотрит.

– Знаешь, я тоже не думаю, что надо сразу вываливать о себе все, пока нет уверенности. Но ты можешь рассказать кому-то, кто значит для тебя не так много, ведь мы с тобой скоро расстанемся и, возможно, больше не увидимся. Если не решишься – останешься со своей бедой наедине. Всю жизнь молчать о чем-то тяжело. Знаешь, если не вскрыть гнойник и не вычистить, будет долго выбаливать.

– Только тебе, ладно? Не рассказывай Беру.

Батюшка умер, когда мне было девять лет. Мы жили в Кове с матерью и младшей сестрой. А дядя в Пуйле, он, как ты уже поняла, трактирщик. У него тоже дочка, моя кузина Кэтлин, младше на пять лет. И, когда мне исполнилось пятнадцать, он предложил матери забрать меня. Мы голодно жили, а он обещал платить им немного за мою работу. Я не только подавала и убирала – я и стряпать умею и шить. Но больше, конечно, приходилось мыть и стирать на их семью и постояльцев. Иногда так воды натаскаешься, что руки и спина вот прям отнимаются. А полоскать на озере зимой – кожа трескается, ужасно больно.

Это случилось год назад, мне как раз исполнилось семнадцать... Раз как-то дядя и тетушка беседовали и угощали не в зале, а на кухне, как своего гостя, одного человека, зажиточного бонда, что прожил у нас дня два или три. Я ему подавала обед и котту зашила – порвал где-то ворот... Неста-

рый еще, приветливый. Он предложил им за меня деньги, ну, вроде как взять второй женой. Его жена рожала только девочек, а он хотел наследника. Но с условием, чтоб прямо завтра уехать.

Они меня позвали на кухню, сначала угостили пирогами и элем, говорили ласково, как с родной, обещали деньги матери отдать... Я думала, пока еще... пока доедем, пока устроится все, я с ним познакомлюсь, он, вроде, незлой человек. И, наверное, там будет легче. У дяди-то своя дочка-помощница подросла, меня стали часто бранить, попрекать, что ем больше, чем работаю.

А тут еще пряжа эта. Я понемногу копила, если кто-то из постояльцев даст денежку, потихоньку от дяди, не отдавала им... Хотела научиться вязать крючком кружево, одна женщина из Дублина мне показывала. Идет довольно много белой льняной пряжи, дорого выходит. Но я все же купила и, прячась на чердаке, пробовала. И получалось хорошо. Я свою работу там и оставляла, приберу – туда никто особо не ходил. Но тетка меня звала, звала, я не слыхала. Она и поднялась, и застала прямо с крючком в руках. Заставила все показать и за волосы оттаскала как следует. Чтоб деньги не утаивала. Будто это все равно, что украла.

– Но ведь ты не украла. Тебя благодарили за расторопность, так ведь?

– Ну, я все равно чувствовала себя виноватой. Я всегда очень расстраиваюсь и чувствую вину, когда меня бранят.

– А при чем тут пряжа?

– Ну, в общем-то, ни при чем... Просто мною тяготились все вокруг, и я согласилась. Поехать с тем господином. Но я даже не думала, что так выйдет... Он сказал дядюшке прямо при мне, что надо еще проверить, не порченный ли товар. Что он чужих ублюдков кормить не собирается, тут у нас трактор, мало ли что, такое место.... Тетка было открыла рот, но на нее цыкнули и мне велели идти с этим человеком наверх. Я не сразу сообразила, о чем он. А когда поняла, зачем он меня привел в комнату и дверь запер, стала плакать и умолять его погодить. Ну, а чего я ожидала, чего ему «годить», он деньги уж заплатил. Мои слезы его только больше распалили, и он повалил меня на кровать, юбку задрал. Я сопротивлялась изо всех сил, оцарапала ему лицо. Он отвесил мне пару таких оплеух, что как голова не оторвалась. Чем больше я кричала и вырывалась, тем больше он зверел. Не надо было, только хуже себе сделала, как он и говорил. Я сама виновата, что так получила.

– Элиис, что ты говоришь! В чем ты виновата? В том, что защищалась?!

– Тетка мне потом сказала: «А что ты сделала, чтобы тебя не били? Тебе надо было быть хитрее, понравится ему, он и был бы ласков». Все равно мне это не помогло, он взял меня, но был уже зол и сделал мне очень больно.

Я сидела в разорванной рубашке, заляпанная кровью – бедра, ноги, и скулила тихонько, а он пил бранвин и смотрел

на меня... Ему понравилось. Наверное, заводила моя беспомощность, отчаяние, этот тихий плач. И он сказал, что-то такое, сквозь зубы с ухмылкой, что еще со мной не закончил. А, да: «Не распробовал, сильно трепыхалась. Останешься на ночь, а завтра поедем на хутор». И я, когда до меня дошло, что он меня не отпустит, а еще...еще раз... Ты знаешь, тетка сказала, что он просто хотел меня расспросить и может...осмотреть, девственница ли я... И, если бы я его не раздражила своими причитаниями...

– Бедная девочка, какой ужас. Иди сюда, Эилис, успокойся. Какая разница, что он там хотел. Мало того, что это унижительно, ты же не скотина... Но подумай сама: вот если к нему подойдет в трактире здоровенный оттигнир с мечом на поясе и плюнет в бороду, он на него бросится с кулаками? Нет? Хоть, может ему и захочется? Потому, что шкура дороже. Прекрасно он справляется со своими желаниями. И родственники тебя не защитили, а ругали и виноватили. Давай, может, выпьем?

– Давай, немного. Но от этого легче-то не станет, Бренна. А дальше... Когда я поняла, что он собирается меня и дальше мучить, я вдруг неожиданно для себя самой начала смеяться, остановиться не могла, прямо... каким-то визгливым смехом. Смотрела на него и смеялась, смеялась. Что-то нашло. И он, хоть был уже готов продолжить, вдруг начал ругаться страшно...я таких слов от пьяной голыдьбы не слыжала. Натянул штаны и ушел. А я легла и замерла. Было почти

хорошо, только грязно, липко и холодно. Я долго так лежала, пока тетка не пришла. Она потащила меня на кухню мыться и шипела, что я неблагодарная дура. Он сказал дядюшке, что я, должно быть, скорбная головой, такая не нужна. Но деньги оставил, спасибо, а то меня совсем прибили бы. Все же не такой он и плохой человек. Они и так меня бранили и колотили чуть не луну. Потом простили, конечно.

– Они тебя простили?! Он не плохой человек?! Родные тебя продали мужику, который тебя избил и изнасиловал. Ты считаешь, так можно делать с людьми?

– Но, Бренна, все так делают. И когда выходят замуж, даже если и по согласию... Но редко ведь по любви... Чем это отличается? Девушка никогда почти не хочет, а только уступает по разным соображениям. По сути, всегда, чтобы благополучно жить и люди не осуждали. И старается угодить мужчине, чтоб не бранил и не бил, был лад в семье. А я поступила глупо, наверное.

– Ты не видишь разницы? С Бером тоже так? Не хочешь его? Считаешь, что если не угодишь ему, он может тебя ударить?

– Нет, конечно, только не Бер. Он, вообще-то тоже со мной не сильно церемонится... Но это по-другому... мне самой так нравится. Он ни разу мне не сделал больно по-настоящему. Бер может быть очень... нежен и бережен, хоть с виду и не подумаешь. А Асмунд, твой муж... Нет, не буду спрашивать...

– Асмунд как-то сказал, что ударить женщину – этому нет оправданий. Мы тут тоже наблюдали семейную сцену. Мужичок от одного взгляда Асмунда в штаны подпустил, они же все трусы. Хотя нет, Хауг не трус.

– Хауг?

– Отец ребенка, которого я ношу. Ты говоришь, не надо было сопротивляться? А я и не сопротивлялась, мне это тоже не сильно помогло. И меня предали близкие. И я тоже оправдывала его, моего короля, в которого уже успела влюбиться. Он поклялся перед огнем очага, над хлебом и кубком при своей матери и моем отце, что возьмет меня в жены. Но любил другую, которая не могла ему родить, к тому же была не родовита и не угодна королеве. И из-за этой нашей предстоящей свадьбы они сильно поссорились, и она уехала. И, конечно, когда случилось такое... несчастье... Не буду рассказывать, ладно? Я тоже его оправдывала, мол, он не владел собой в тоске по своей милой, в ярости от предательства моих родных. Будто бы. Так вот это – ложь. Не важно, какое там у него было душевное состояние.

– Ох, Господи... Леди! А Асмунд? Хауг это король в Миде?

– Да. Асмунд мой друг. Рыцарь. Как в балладах, да, забавно... Не удивляйся, что мы так спим – между нами нет ничего. Просто ...ну я даже не знаю, как это объяснить... Нам так спокойнее. Я позволяю себя обнимать, но для Асмунда это – не повод.

Пойми, Эилис не важно, как вела себя ты. За насилие отвечает только насильник, всегда. Это у него был выбор, как повести себя с незащищенной женщиной. И все он прекрасно осознавал и контролировал, просто не видел причины себе отказывать. И, подумай теперь, разве могла бы ты быть с тем бондом счастлива? С человеком, который может так поступать? Даже просто привыкнуть могла бы? Терпеть всю жизнь... Ведь если он с самого начала был так жесток, груб так и дальше было бы. Чуть что не так – бил бы тебя, вашего ребенка... Брал бы тебя, когда хотел, не смотря ни на что... Рассказывай дальше, Эилис, прошу тебя.

– Так, а нечего больше рассказывать... После этого дядя больше меня не защищал, когда ко мне приставали посетители. Терять-то вроде уж было нечего. Нет, не думай, я собой не торговала. Но часто пьяные, понимаешь. Не всегда удавалось отвертеться. И когда мы с Бером познакомились, как раз меня зажали три подвыпивших парня, собирались уже лапать, но Бер подошел и даже ничего не сказал, просто оттер их – всех троих сдвинул одним плечом и говорит мне: «Хорошая, нужно воды горячей наверх. У приятеля леди его заболела...» И мы пошли с ним на кухню. Это ты болела, да?

– Да. Ужасно. Померла бы, если бы не Бер.

– Потом он на кухне варил для тебя какую-то траву. И мы не то, что разговорились, но он был благодарен. Помог мне даже. Я ему рассказала про шотландца, что следил за вами. В тот вечер Бер долго сидел с одной кружкой эля, смотрел,

чтоб мне никто не грубил. А поздно вечером, когда я мыла тарелки, пришел на кухню и спросил, можно ли меня поцеловать.

Но дело в том, что дядя нашел мне жениха, который готов меня взять и даже дать полное вено. Я никогда его, правда, не видела... И боюсь, что если вернусь в Кове, меня опозорят... Что я скажу, я убежала с посторонним мужчиной. Дядя придет, вдруг даже с этим женихом. Меня могут заставить выйти за него.

– Ты христианка? И мать, и дядя? В Кове есть храм?

– Да, а что?

– Я кое-что хочу предложить. Возможно это выход...

Эилис.

После разговора с Бренной мне стало вот прям сильно легче. И придумала леди отлично – она даст Бери свой крест с шеи, мы поедем вместе в Кове и там обвенчаемся, при моей матери и свидетелях. И никто больше пальцем меня не тронет – особенно видевши Бери – кому жизнь не мила. Только как ему сказать? Вправду ли он берет меня как жену, или только так... соскучился по женской ласке? Готов он ради меня крест надеть и солгать, что христианин? Если нет – не вернусь ни в Кове, ни в Пуил. Сама решу, где мне жить и как.

Но не только из-за этого полегчало мне, нет. То, что Бренна рассказала о себе. Раз такую леди, умную, милую тоже... Значит не мы дуры виноватые, а нас обидели. Она сказала,

что пройдут столетия, а все будет так же точно, потому, что это мужской мир. Но это несправедливо. Я так благодарна ей была. И мне хотелось все же побыть одной, подумать еще.

И я придумала пойти на озерко, освежить рубашки – себе и Бренне, и там что по мелочи отполоскать. Я вышла на двор, Асмунд возился со своим мечом, паренек этот рыжий что-то плел из тонкой веревки, узлы какие-то, магик он, что ли? А мой-то где? Асмунд ответил, дескать, пошел в лес, прогуляться. Да все же утро с луком бродил, не нагулялся что ли? А этот Ренар увидел рубашки у меня в руках и говорит: «Ты стирать идешь, Эилис? А мою нехватишь прополоскать, а то очень уж сильно она пахнет твоим медведем? Тебе-то, может, нравится, – и ухмыльнулся нагло так, – а мне не очень. И может, ушьешь ее маленько...» Вот нахал. И потащил с себя рубаху – я прям обалдела – на спине у него – ни следа. Белая, гладкая кожа, как у леди. Словно его и не пороли в жизни никогда. Ясно, он точно магик. Поэтому я грубить не стала, взяла у него берову рубаху и пошла со двора побыстрей.

Лицо горело все, хотелось умыться холодной водой. До озерца было недалеко, берег только больно высокий, но песчаный – можно мягко съехать хоть на попе, тормозя сапожками. День был солнечный, теплый, наконец, а то уж и Бельтайн прошел, а лес только-только подернулся зеленой дымкой первых листочков. Ничего, как станут листики на берегах с четверть марки – можно их нарвать на папашину настойку, очень полезная от всяких чирьев и для волос. И ско-

ро отрастут нежные приросты у елочек – тоже собираем – от худого запаха изо рта, шатания зубов и прочей весенней хворости пить. Пойдет молодая крапива, щавель и черемша. Хорошо, что у Бера дом в лесу. Озеро, отражая небо, сияло внизу как голубое яичко. Такое чистое, только небольшой кусочек зарос рогозом, слегка потрепанным и распушившимся за зиму. Надо нарвать, коли достану – хороший трут для огнива, сразу вспыхивает. А если много – можно набить подушку, да хоть одеяло... И колыбельку умягчить... Замечталась, о корень споткнулась, чуть рубахи не растеряла, дурная...

Мелко вот только. Пришлось разуваться и заходить в воду по колено. Обжигает аж водица-то! Так свело судорогой сразу икры, с отвычки за зиму. Ну, ничего, зато чистая какая – не будет запаха, только озерной свежестью будет пахнуть.

– Не замерзла, ягодка?! Рубахи-то держи, уплывают, да, давай-ка, вылазь, сапоги мочить неохота. А утопиться ты еще успеешь... после. – Я слышала, как они подъехали, лошади шумные, много от них звуков, хоть и по песку. Как они спустились? Видно с другой стороны полого.

Я их уже узнала по голосам, а они меня пока нет. Медленно опустила подоткнутую юбку и, не поднимая взгляда от воды, побрела на берег. Во рту стало очень сухо, ничего не сообразить, помню, как ноги с усилием переставляла, а тело, словно у куклы тряпичной, только кровь в ушах шумела...

Как только вышла, меня сразу же схватили грубые руки, за косу подняли голову. Раздался удивленный свист.

– О! да это же тот цветочек, что нас кормила-привечала в Пуйле. Далековато ты пошла стирать, милая.

– Да, верно, глянь, трактирщика прислуга! Браги-то наварено? Особо крепкая у вас брага, голова потом трещит... С трактирщиком мы сполна расплатились и бабу его с девкой увеселили. Трактирщик сказал, ты с нашими постояльцами уехала. Надо ж, какой подарок!

– Погоди, Роб, не пугай ее, не тискай. Пусть покажет, где они там отдыхают...

– И правда, сначала дело, потом забавы, ягодка. Где остальная компания, а особенно подружка твоя? Тебя одной-то не хватит на восьмерых. Или сдюжишь? Ее, правда, трогать не велели – только обезглавить по-благородному. Но кто ж узнает? Уладим и ей смертный час.

– А вот милаха нас и направит, давай ее сюда, да поехали живо. Паршивое место. У меня такое чувство, словно за нами кто-то наблюдает. И давно уже.

Державший, отпустил мои волосы, развернул за плечи и спиной толкнул к лошади, другой бандит, перехватив подмышки, хотел подтянуть и усадить перед собой. И в это мгновение я увидела скользящие по песку крутого склона фигуры. Нет, я понимала, что они меня не выручат. Скорее удивилась – зачем? Лучше бы им скрытно уйти и спрятаться с Бренной в лесу.

Асмунд с обнаженным клинком в руке в два прыжка перемахнул через корни и камни, не останавливаясь, на инерции

налетел на ближнего к нему парня, ударил под ребра, тот даже закрыться не успел. Его сразу окружили, щерясь мечами, четверо, что были пеши. Наставили клинки, но убивать не торопились. Ренар остановился на безопасном расстоянии, держа наготове большой беров лук. К нему так же не спеша, прикрываясь щитами, враскачку двинулись двое бойцов.

Тот, которого назвали Робом, вырвал меня из рук приятеля, и, больно стиснув, приставил к горлу нож. Он надавил лезвием так сильно, что я почувствовала, как по ключице стекают капли крови, а по босым ногам в песок – горячая струйка мочи.

Я могла смотреть только прямо перед собой и видела очень четко спокойное сосредоточенное лицо Ренара, его чуть раскосые зеленые глаза, словно внимательно вглядывающиеся в мое лицо, крупный наконечник боевой стрелы, направленной на нас... мне в лоб? И услышала у самого уха гулкий, тугой хлопок тетивы и влажный чавкающий звук удара, которым нас дернуло назад. Роб зашатался, цепляясь за меня, и на мою макушку закапало горячим, а он стал валиться, увлекая меня за собой, придавливая. Я лежала на песке под грузным обмякшим телом мужчины, видела стрелу, торчавшую из его окровавленной глазницы, кусок голубого неба и причудливо изогнутую ветку сосны.

Я не понимала, что происходит: внезапно все затихло, люди будто замерли, потом раздался похожий на далекий гром низкий, мощный, рокочущий звук. «Беа-ерр –беа-ерр», со-

всем близко – яростный рев огромного зверя.

Затем – дикие крики, чей-то сдавленный хрип, бульканье, словно кто-то пускал пузыри, снова отчаянные вопли, испуганное ржание и храп коней...

Мелькнул черный мохнатый бок – медведь преследовал пытающихся бежать людей, валил ударами мощных лап, вспарывал когтями, вгрызался, вырывая куски человеческой плоти.

На труп Роба наступили чьи-то сапоги, бегущий запнулся, упал сверху, еще глубже вбивая меня в песок. Под тяжестью двух тел было невозможно вздохнуть, я начала извиваться, пытаюсь выбраться, но прямо над моей головой раздалось оглушительное рычание, хруст костей и какой-то уже нечеловеческий вой. Лежавшее на мене тело буквально подкинуло вверх. Внезапно страшный предсмертный крик прекратился, и на меня полился поток крови из разорванного горла мужчины. Тело обмякло, меня совсем придавило, кровь вытекала мне на лицо толчками. Боковым зрением я видела оторванную кисть его руки. И потеряла сознание.

Глава 8

Асмунд.

Жаль, что их лошади разбежались. Вечером, когда отправились с Ренаром зарывать трупы, попытались выследить, нам очень пригодились бы теперь. Какое там – ищи-свищи. Конечно, кони сильно напугались. Да и некогда было, и тем-

новато уже – один Ренар, считай, работал, хоть бранился просто грязно и издевался над моим суеверием. Но, вот что хочешь он говори, а нехорошо оставлять мертвых не погребенными после заката. Не хватало нам драугаров или люпусов стаю приманить. Мне-то досталось немножко – мало того, что получил гардой в зубы, теперь резец шатается, так этот некислый мужик еще и руку умудрился мне проткнуть чуть не насквозь. Уколол в запястье сразу, как смог достать – понял, что я серьезный, нанесу им урон на пару со зверем. Похоже, главный у них: опытный, внимательный, взрослый, словом, боец. Такого надо первого всегда валить, остальные увидят– побегут. Недаром я его выбрал – самый подвижный был и бесстрашный, а Бер пер на него прямо, подставляя брюхо. Получилось упредить, а Лису из лука снять того урода, что Эилис держал, чтоб не полоснул невзначай – мало ли. Но могло не так удачно сложиться, они же были уверены в своем преимуществе. Эилис им показала бы домик, куда ей деться. Почему промедлили, сразу не порубили нас? Кто теперь поймет... Лис врет, что их притормозил. Любит побрехать, хоть и вправду может кое-что, ржкий пройдоха.

Пришлось отдать повозку Беру с Эилис. Бер нехотя, но согласился. Было заметно, что торопится, пока Эилис снова не впала в ступор, как после их разговора. Весь следующий день сидела словно пришибленная. А вечером ее тихие терзания прорвались бурной истерикой. Хорошо, что Лис с ними поехал, якобы ему что-то надо непременно в городке ку-

пить. Будто у него есть деньги. Ничего, он и без денег купит, что ему потребно, не удивлюсь.

Он здорово помог, когда Эилис рыдала. А мы с Бером совсем растерялись. Она твердила, что хочет сейчас же домой, вырывалась и ничего не хотела слушать. Ренар подошел к ней, положил на плечи руки – сразу замолчала, села прямо, словно пришили. А Лис начал ей что-то тихо говорить на высоком наречии, медленно так, язык этот тягучий, напевный... дурманит и морочит как-то. Бер дернулся было, пришлось его придержать. Понятное дело: к своей девочке Лиса бы я не подпустил. Особенно руками трогать. Особенно говорить ...так – на языке Богини. Но Эилис унялась, и даже взгляд стал осмысленный вполне.

За мыслями я и не заметил, сколько успели проехать.

– Асмунд, у меня болят ноги, затекли наверное. – Робко сказала так, котенок мой. Стесняется ныть и жаловаться. На Зверике ей, хоть и держу, и опирается на меня, не хорошо уже скакать. Растрясло.

– Давай малыш, привал. С утра ничего не ели, опять же.

Я усадил ее на поваленную сосенку, сапожки еле стянул – отекли, не хорошо. Уложил на плащ, ножки на ствол поднял, чтоб отошло, занялся костром – траву заваривать.

– Далеко нам еще? Скоро Бер с Лисом догонят?

– А ты соскучилась?

– Ну да, с ними веселей... Я за Бера переживаю немного...

– Ничего, скоро нагонят нас. У Старой границы, на берегу

маленького лесного озера, Черный Глазок называется, мы их дождемся. Если я ничего не путаю и еще не сбился. Хотя, Гряды – вот она, так что держим на юго-восток верно. Слушай, а что ты сказала Эилис? Когда она снова запаниковала перед самым отъездом?

– Да что... Она сказала, что не может теперь решиться никак, не знает, как быть. Спросила, как бы я поступила на ее месте – отправилась бы с оборотнем в церковь под венец, чтобы жить с ним в лесу, одна, без защиты... Я ответила, что мне сложно представить себе защиту лучше, чем может дать ей Бер. Что я нисколько не боюсь путешествовать с ним, ночевать в одном доме, и что если Асмунд доверяет ему свою и мою жизнь – для меня это лучшая гарантия.

– Спасибо, птаха.

– Еще сказала, что люди, которые на первый взгляд выглядят безопасными, иногда делают ужасные вещи – и ей это хорошо известно не понаслышке. Вполне обычные люди, которые ведут себя много хуже зверей. Привычно так творят немыслимые жестокости и мерзости. Знаешь, я так боялась, что она откажет ему, не поедет... Мне больно было – так несправедливо по отношению к Беру. Ну как бы он это переживал, подумай. Одно даже дело, когда просто девушке немил. Ну что ж – бывает. А когда она бежит от тебя, потому что ты стал в ее глазах чудовищем, уродом, после того, как обнимала... Она попросила благоразумный совет. А я сказала, что ей придется самой решить. Что, по мне, иногда мож-

но сильно пожалеть о благоразумном поведении и следовании чужим советам. Не спасает оно, благоразумие.

И вздохнула, малышка моя, как большая, прямо. Ребенок ведь, как она рожать-то будет? Я от первого крика ее с ума сойду.

– Сними чулки,

– Зачем? Что ты выдумал?

– Снимай, или тебе помочь? А, ну ты же не сильна по части разумного поведения...

Фыркнула, велела отвернуться. Хотел ляпнуть, что всю ее уже видел, девочку мою, но вовремя прикусил язык. Положил ноги к себе на колени и стал разминать, массировать ступни и икры. Она сначала дулась, напрягалась, потом перестала хмуриться, видно было, что приятно все же.

– Какие у тебя пальчики длинные, тонкие, надо же, ровненькие какие... Ты что, птаха, умеешь шевелить пальцами на ногах?!

– А ты что, нет?

– Нет, конечно. Я же целиком вырезан из старого дуба. Поэтому у меня такая крепкая голова. Все, давай есть и поехали. К вечеру доберемся до озера.

Вообще-то ее можно понять, я имею в виду Эилис. И хлеб бери, не растолстеешь, в седле не за что и придержать тебя. Одно пузико.

– Не груби, а то совсем не буду есть. Я и так не хочу.

– Да ладно... Эилис думает не только о себе. Все же жен-

щинам более свойственно заглядывать вперед. Вот родит она от Бера... А если ребенок тоже... А если девочка... Только представь себе. Вот она вырастет и что будет?

– Любовь долготерпит, не ищет своего, не мыслит зла, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит...

– Это ты к чему, птаха?

– Это слова апостола Павла... Я не точно цитирую... А мое дитя? Как могла бы сложиться его судьба, останься я пленницей, матерью бастарда? И как теперь сложится? Он не законный, все равно.

– Нормально сложится. Мы сделаем все, что требуется, Бренна, все, что от нас зависит. Вот чего ты хотела бы для своего ребенка?

– Счастья, конечно.

– Ну, сама подумай, как ты можешь устроить ему счастье? Счастье это его личное дело – сам добьется или нет, способен будет его почувствовать или... некоторым вообще не дано. Нет, птаха, за чужое счастье, хоть и собственного дитя, мы не в ответе. Только за свое. Воспитать правильно должны, дать любовь и понятия. И ты мне его не балуй, ясно? Дай потрогать... Ну где он... Не жмись, хочу и глажу своего маленького... Сильно стал толкаться, прямо страшно. Боишься рожать?

– Нет пока... не знаю...

– Вот и правильно. Я тоже давно перестал бояться заранее. Счастье... А что Бер, несчастен что ли? Женщина толь-

ко очень ему нужна. Разумная, не вредная, не завистливая, не алчная... Я думаю, они разберутся. Она напугалась, конечно, ничего отойдет. Судя по тому, как кричит под ним...

– Прекрати, Асмунд!

– Ну, извини. Не все тут ... апостолы. «Любовь долготерпит»... Зачем?

– Потому, что это про духовную любовь. А не про это. Не про похоть. Я думала, вообще-то, что ты не совсем тупой, способен понять.

* * *

– Не ходи одна там, где старые фундаменты и остатки стен, особенно в сумерках. Ты ведь видела замшелые камни, образующие большие квадратные колодцы?

– А почему? Меня феэри украдут?

– Да нет, детка, не совсем феэри. Дантеры, они же Красные колпаки, скорее пикси – дикие феэри, в отличие от прекрасных, искусных и владеющих магией детей Богини Дану. Это самые злобные и опасные гоблины, и как раз в таких местах могут водиться. Они не боятся хладного железа, мечом убить их практически невозможно. Очень ловки и сильны, прыгучи, быстры, безжалостны. Вооружены обычно тяжелым топором и сучковатой дубиной, ну, или цепом или чем-нибудь в таком роде.

– А что они делают?

– Убивают путников, что заблудились, а то и сами сбива-

ют с тропы, потом нападают из засады. Затаскивают в разрушенные башни, грабят, трупы, непременно, расчлениают и подкрашивают кровью свои колпаки. Поэтому они у них на самом деле не красные, а, скорее, бурые...

Здесь ведь проходит Старая граница с Фир Болг, ее очертания можно определить, если соединить разрушенные квадратные башни, построенные людьми Старна, Домнена и Глалейона в незапамятные времена.

Они непременно закладывали в основание своих сторожевых башен строительные жертвы – убивали пленников и зарывали по одному или по три под каждый угол. Считалось, что без этого башня или замок не будут крепкими и неприступными или вообще не смогут быть закончены, например, станут сами собой разрушаться каждую ночь. Ну и, конечно, в прежние времена жестокие сражения за эти земли шли беспрестанно, у стен погребено множество трупов. Дантеры обожают селиться на обильно политой кровью земле.

– Девушек... тоже?

– Что они делают с девушками? Даже представлять не хочу. У них еще и длинные кривые клыки.

Вот теперь ветви действительно плотно уложены и ни одна капля вовнутрь не попадет. Забирайся. Я постелю на лапник плащ, и у тебя будет постель как у королевы.

Внутри шалаша скоро станет теплее, главное – сухо.

– Расскажи мне еще о былых племенах.

– Ну, я и сам об этом маловато знаю. Только то, что са-

мым знаменитым правителем Фир Болг был Эохай Мак Эрк, взявший в жены дочь короля Страны мертвых Тайльtiu. Вот может нормальный мужик взять мертвяцкую королеву, а? Однако, при нем не было ни одного неурожайного года, он составил первые законы, ставшие основой правосудия Старого закона хенресин, из положений которого, кстати, следует, что погода и урожай в стране зависят от праведного поведения короля. Вот почему у нас такое скверное лето, лютая зима, и земля не родит хлеба в достатке. Потому, что король наш как бы выразиться помягче... мудак, прости птаха.

Ну, а потом явились племена богини Дану и состоялась великая битва за земли Эйрин при Маг Туаред. Это означает «равнина башен» – вот этих самых. Что ты ежишься, тебе холодно?

– Ты можешь лечь рядом со мной на лапник, там у тебя какие-то камни. Как вы, мужчины, вообще можете спать на земле?

– Ну, вообще-то я тоже не слишком люблю лежать на камнях. Но не выковыривать же их. Они тут со времен Аудумлы.

– Что это?! Что это за жуткий крик, Асмунд?!

– Это рев самца оленя, не бойся, он пробует голос. Тебе страшно, что ли, птаха? Ну, иди сюда, я знаю, что ты трусишка.

– А зачем ты рассказал такое на ночь.

– Да я все просто выдумал. Нет тут никаких пикси, не бойся.

– Выдумал? Нет, я сразу почувствовала, что тут – плохое место.

– Просто люблю тебя немножко напугать. Ты тогда так славно прижимаешься ко мне в темноте – теплая, пушистая, такая... зайка. У тебя ведь есть крест на шейке. Красные колпаки боятся креста. Покажешь им, они захрипят, зашипят и растают, оставив на земле вырванный клык.

– Я же отдала крест Беру, ты забыл?

– Тогда иди ко мне, я тебя крепко обниму и не отдам пикси. Все, спи, зайчонок.

Через несколько минут, когда согревшаяся Бренна ровно задышала во сне, я осторожно высвободился и тихо выбрался наружу.

Сам-то не лучше гоблина. Не так бы я хотел ее напугать... Измучила. Зачем губки облизывает? Попробовать кожу на вкус. На такой тонкой нежной коже сразу останутся следы... долго не сойдут. Духовная любовь, не похоть... Что она может об этом знать? Или знает? Все они... притворщицы хитрые.

Наказать бы ее за этот сладкий невинный запах, взгляд чистый, искренний...

Зло, сухими жесткими губами поцеловать, выпить безмятежное тихое дыхание, разбудить, прижать спиной к колкому даже через плащ лапнику, смотреть, как меняется выражение лица, как пьянеет, шалает просоночный взгляд от понимания того, что сейчас будет, как затягивает нежные глаза

поволока страха и страсти, провести языком по горлу, ключице. И ни единой ласки, никакой бережности, завести за голову руки, стиснуть до синяков на запястьях, хриплым шепотом приказать смотреть в глаза, чтобы пискнула, выгнулась... выбить первый сдавленный стон... чтобы потом таяла в моих руках, хрупкая, ледяная королевна... ты уже готова для меня, давай, не сдерживайся, хочу слышать, как тебе хорошо... Или покрыть поцелуями затылок, шею, ощутить этот трепет незащитности, чтобы замерла не дыша, и только быстро-быстро колотилось сердце, пушистые твои волосы у меня во рту и в носу, рванешься или сама прижмешься вся, и в ухо тебе жарким прерывистым выдохом слова, которые даже знать таким как ты не положено... Или...

Бездна, да хватит! Пробежаться босиком по темному лесу, по мокрому нежному мху, по острым шишкам, перепрыгивая валежник, до топкого раскисшего берега лесного озера – торфяного, желтые бутоны кубышек на черном зеркале воды, мошкора, какие-то шитики снуют или, может, мальки. И опуститься на склизкое илистое дно, почувствовать, как проникает через волосы до кожи на макушке отрезвляющий холод. Натянуть штаны на мокрое тело, шагать быстро, согреваясь, не посмотреть даже на тебя, спящую, а провалиться в сплошной, черный, как то озеро, сон.

* * *

Бренна их первая увидела – я мечом неподалеку махал,

разминался. Побежала навстречу. Смотрю, у Бера на шею уже висит, а он ее во все щеки расцеловывает. В глаза ему заглядывает моя девочка, спрашивает что-то с беспокойством таким. Вот чем он ее привязал, что жалеет, печалится за него, ни тени неискренности, вся на ладони перед ним. Каждое движение, взгляд его понимает, ловит – такая отзывчивая. Со мной ведь не так. Не допускает она меня пока до себя по–настоящему, опасается... Смотрю, глаза отводит медведище наш, ничего не ответил, голову нагнул и крест снял, на шейку ей вернул. Ясно. Будем пить сегодня, Бер. И точно: бранвин не забыли.

Но и не только. Продувная эта бестия, курва рыжая, привез моей девочке зеркальце серебряное и новое зеленое блио тонкое – на теплую погоду. Рубашек купили, бранвина само собой, хлеба и сыра, яблок, яиц, меда ... И, конечно, то, за чем Лис ездил – прекрасную, хоть небольшую, арфу -Айне. Как раздобыл инструмент в такой сраной дыре как Кове? И денег на всю прочую роскошь? Выиграл, конечно. А арфу выиграл отдельно. Жулик конченный, совести не ведает. Удачлив, дерзок и безупречно изящен. И рожа гладкая, свежая – не то, что у меня, одни морщины да шрамы. Будет к Бренне приставать с нежностями – надеру зад, мало не покажется. Спрашиваю – а полотна такого тонкого кусок зачем? А Бер тихо мне так, что Бренна родит – нужно будет. Вот что это? Чье это дело?

Надрался Бер, конечно, до соплей. Да и я его поддержал,

расслабился. Ренар же, не теряя даром времени, опробовал свою арфу. Красиво у эльфийского прихвостня получается, Бренна слушала, не дыша. Красуется перед моей девочкой, гад рыжий. И балладу выбрал жалобную специально – о горе Хиллелиль. Ну, та, где королева посылает служанку узнать, почему Хиллелиль так худо шьет, путая узор и портя шелка. «Всякий, взглянув на ее шитье, скажет, что ей постыло житье...» И она рассказывает королеве свою историю.

Как в доме отца ее честь охраняли двенадцать родовитых рыцарей, один из которых, Хильдебранд, ее соблазнил, позабыв о клятве и долге, и увез в свою землю, прихватив, кстати, и золото короля. Ну приданое, а что... Но их настигли мужчины: семь братьев, отец и одиннадцать зятьев. Хильдебранд неистово бился и убил всех, кроме меньшого, любимого братца Хиллелиль, за которого она слезно просила. И тот послушал – не стал добивать. А братишка подло ударил рыцаря в спину, и погиб глупец, потому как нечего в таком вопросе деву слушать. Братец за спасенную жизнь сестренку не поблагодарил, а за смерть братьев и отца славно отплатил: руки скрутил седельной подпругой, примотал за косы к луке седла. И бежала она за конем до дома пешком, переплывая бурные потоки и орошая кровью весь путь, так что белый вереск стал красным, белый клевер тоже красным и так далее. В родном доме собирался добрый брат замучить деву пытками и зарыть в землю живьем. Но мать умолила продать ее в рабство. И сама умерла от горя. А дева оказалась как-

то вполне удачно пристроена в светелке датской королевы. Но от тоски по своему рыцарю, матушке и убиенным братьям вскоре умерла. Один остался младшенький – любитель справедливости. Такая вот история. Бренна глотала слезы, стараясь виду не подавать, как растрогана.

А вот о чем это все? Что могло в такой ситуации получить-ся путного у этих горе любовников? Страсть и любовь – вот не видят люди разницы, судя по балладам и стихам. Хильдебранд разве любил ее, коли так поступил – лишил ее чести, близких, обрек на страдания, разрушил дом, всю жизнь. А если бы ее изуродовали? А когда она станет старой и толстой? А он – лысым и пожелтевшим беззубым стариком? Что они тогда вспомнили бы о своей жизни – как погубили всю семью Хиллелиль ради своей вот этой прихоти?

Ну, я тоже не выдержал и решил выступить для нашей малышки, хоть пою не очень. Поэтому исполнил не совсем балладу, а, скорее сказку. Про деву в птичьем оперенье. Без рифмы, просто рассказал, но не совсем без складу, а Лис тихонько так задумчиво брэнчал. Неплохо вместе вышло.

Прознал Нилус Эрландлинг что под пологом царственно-го леса, раскинувшегося около фьорда Свейдаль, гуляет лань с золотой спинкой. Такая была необыкновенная у нее шерстка, ладная осанка и нежные глаза, что кто встречал ее – не могли никак забыть и даже точно сказать наяву или во сне видели они такую красоту. Крепко запала Нилусу в голову, что хочет он не только увидеть лань, но и поймать жи-

вой. Стал по целым дням бродить кругом светлых полян, под пышным пологом лип и ив, принадлежащей фейри рощи. Долго и безо всякого проку высматривал и выслеживал Нилус лань, расставляя хитроумные силки, но она словно дразнила, избегая тенет, показывалась то там, то тут, сверкая золотой спинкой среди сочной зелени. Нилус изводился от нетерпения и досады – совсем помешался. Так его захватило желание обладать ланью, что ни о чем не мог и думать, весь свет стал немил. Он злился все сильнее и, наконец, решил спустить на нее гончих. Явился в рощу с пятью псами на сворке, но на поляне встретила его сердитая Хозяйка и велела держать ответ: как пришло ему в дурную от страсти голову затравить прекрасное существо собаками? Что проку ему будет, если псы ее разорвут? Как может он проявлять такую глупость и жестокость? О...люди. Впрочем, это не ее лань. «Вот и не указывай, что мне делать, женщина», – сказал ей Нилус, не имея представления, с кем говорит, и спустил гончих. Но сам же вздохнул с облегчением, когда загнанная собаками лань вдруг обратилась в ястреба, усевшегося невредимым на крепкий сук раскидистой ивы. Не долго думая, в увлечении, выхватил парень из-за пояса топорик и давай кромсать старую иву, стремясь добраться до птицы. Но тут топорик, словно живой, подскочил и обухом приласкал дурня по темечку. Вновь явилась перед Нилусом Хозяйка, теперь уже гневаясь не на шутку. «А вот роща – моя, Нилус Эрландлинг. И подобных бесчинств я не потерп-

лю! Дорогую цену заплатишь ты мне за искалеченное дерево. А ну-ка, оставь топор! Тем более, так ястреба этого не добыть. Да на что он тебе? Разве не лань тебе день и ночь грезилась?» «Прости меня, прекрасная дама, что поступал не по чести», – одумался Нилус, смекнув, что перед ним не простая женщина. «Не дашь ли мне совет, как снять его с ветви, не вредя ни дереву, ни птице? Ведь вижу, что ястреб этот, как и лань, чудесны, и заключено в них то, что желанно мне более всего». «Изволь, я научу тебя, Эрландлинг. Только захочешь ли сделать так... Накорми эту птицу своим мясом и кровью. Если решишься на это, будешь обладать тем, чего жаждешь». В тот же миг Нилус выхватил острый нож и, рассекши грудь меж ребрами, откромсал кусок своего сердца и протянул кровавый дар ястребу. Птица слетела и, отдав подношение, ударилась об землю и обернулась прекрасной девушкой. «Благодарю тебя, Нилус, что не пожалел себя, – рекла красавица. Мачеха-ведьма обратила меня ланью и прогнала в лес, а семерых моих служанок превратила в волчиц и послала по моему следу. Теперь наши жизни навеки связаны, а благодарностью моего отца будет моя рука и все наши земли». И увидел Нилус семерых дев, сходящихся с разных сторон под сень липы и обнял свою добычу и отправились они все вместе в ее удел.

Бренна слушала внимательно, не хуже, чем Лиса, такая красивая в свете костра, печальная... Задумалась... Вот почувствовал прямо, что не полезно ей так задумываться-то...

зря рассказал. Бер тоже совсем раскис, ну он— то пьяный был в дым. На Лиса очень в обиде. Сбежала Эилис. Лис слышал, но не остановил и Бера не разбудил. Может, конечно, так лучше...

Бренна.

Бера совсем развезло. Еле-еле вместе с Ренаром уняли его и уложили. Асмунд тоже перебрал, вот не ожидала такого. Еще и рука плохо заживает, не бережет потому что. Но, после моего сердитого выговора и перевязки, ушел спать на улицу вполне сознательно и самостоятельно. Лис продолжал что-то наигрывать, соскучился, видно, по арфе. Под тихие мелодии, сменявшие одна другую, я лежала в повозке, мне было грустно из-за горя Бера, конечно... Накормить ястреба своим сердцем, вырванным из груди. Что ты рассказал, мой друг, понимал ли, о чем сказочка? Почему надо кормить птицу своим мясом, поить кровью, чтобы расколдовать ее, обратить в человека?

Я тоже не сразу догадалась, что это обо мне, пока не увидела во сне Хауга.

Хауг – имя по-датски и значит «Ястреб».

Он пришел внезапно, как и всегда являлся, чтоб застать врасплох, чтобы не успела подготовиться, собраться с духом, хоть вел себя каждый раз по-иному. Иногда молча сидел и смотрел ясными глазами северянина – такими стальными, холодными, как воды датского моря. Но на дне этого моря

бушевало темное пламя злобы и страсти. Давил каменным молчанием, жег взглядом бешеным, порочным. Предвкушающим. Одним этим сулящим постыдное наказание. Мог час так сидеть и смотреть. А я стояла перед ним, не смея вздохнуть, пошевелиться. Не зная, что за этим последует. Не представляя, как смягчить его, избежать всегда неожиданной и каждый раз новой выходки. Ожидание хуже самой боли и унижения. Поэтому иногда он просто вставал и уходил, а я в изнеможении опускалась на пол. Редко удавалось мне после облегчить себя слезами, чаще застывала и смотрела на влажную стену, пока не делалось совсем темно, и не приходила прислуга со свечой, приносявшая ужин. Однажды я обожгла руку на свече и поняла, как это помогает снять напряжение, отвлекает. Но он заметил следы. Сильно разозлился, чуть не придушил до смерти. И велел свечи мне больше не оставлять. Ведь только он мог распоряжаться моим телом, решать, когда причинять боль.

Иногда посмотрит так, пожирая глазами, посмотрит и ледяным голосом велит раздеваться. Однажды заставил раздеться совсем. И продолжал смотреть. А потом усмехнулся на мое зардевшееся лицо и спросил: «Что, приучил тебя уже? Ждешь, хочешь меня, девка?» Поднялся и прошел мимо меня, голый, как мимо стола или печки.

Никогда не разговаривал, никогда ни тени внимания к моим чувствам. Пресекал любую попытку превратить это для нас обоих во что-то ... человеческое. Только брал пренебре-

жительно, словно нехотя или терзал резко и грубо, только бы подчинить, подавить, уничтожить, место чтоб знала, наложница, подстилка. В его власти. Я думала, как он целовал свою девушку – ту самую? Нежно, сладко, любовался ею, не смотрел ... так. Словно хочет сожрать, но вначале переломать.

Только мне хотелось думать, что это не он. Это его терзает и жжет лютый мороз, сковавший сердце. И старалась украдкой обнять, согреть, защитить своим телом от боли, впитать злость, гнев, утолить эту жажду, до капли выпить горечь, отвечая только нежностью на грубость, любовью на ненависть, мягкостью на жестокость, наглядеться в серые глаза моего короля... Думала отгадывает, дрогнет... И сама все больше тянулась ему навстречу, глубже погружалась, не оставляла попыток, и любовь словно умножалась, становилась сильнее, и я уже готова была всю кровь за него отдать, накормить своим сердцем злого ястреба. Лишь бы увидел меня и показал себя – теплого живого человека, спрятанного под железным опереньем. И он это чувствовал и сопротивлялся моей любви. Поэтому просто перестал приходить.

Асмунд.

Какая же скотина – напился, оставил ее одну. Плакала. Я знаю, что ей снится, когда она так горько плачет, не отвечает, моя девочка, моя, моя, моя...

И, зарываясь лицом в волосы, вдыхая их запах, нацеловывая беспорядочно макушку, висок, мокрые щеки, дрожащие

губки, соленые от слез, сладкие-сладкие, обнимая, закрывая от мрака, кошмара, шептал: « Не надо, не надо, моя радость, солнышко. Все детка, все прошло. Не вспоминай больше никогда, не думай ни о чем, никого нам не надо... Ты теперь ничего решать не будешь, место твое за моей спиной или на моих коленях. Ни на шаг больше не отойду».

Вбили в голову, что «любовь все преодолевает, не противится злumu»... Ну что, справилась твоя любовь? В глазах темнеет, когда представляю, как он... Убью, убью и все. Не о чем с ним говорить, просто убью. Вот зачем думаю о таком, зачем? Тяжело же, выть хочется.

Моя девочка, никаких страстей больше, никакой боли. В Бездну любовь. Даже гибкое живучее деревце можно изломать, и засохнет оно. Звездочка моя ясная, откуда ты прилетела ко мне, светлая такая, маленькая?

Глава 9.

Киану аэп Тир Тоингире.

Крошечные пикси вообще довольно бестолковы, легкомысленны, безвольны, да и память у них – примерно как у этой птички – желтого королька, что вьется над своим гнездом, не решаясь опуститься на ветку. Бедный королек: одного яичка в гнезде он уже лишился. Бессердечный прокусил тонкую скорлупку – у них зубки крошечные, но острые как иголки и, высосав содержимое, улегся спать прямо в нежный пух маленького хозяина, самоотверженно выщипанный

птичкой из собственной грудки. Да, нахальное существо.

Поэтому я очень удивился странной причуде сестриц эл-ле – Миндеранел и Лаугмирил, решивших связаться со мной таким старомодным и ненадежным способом. Я быстро накрыл негодника ладонью и крепко прижал – они очень юркие и кусаются пребольно. Но Хрустальную Каплю он донес, а я нашел и стряхнул ее прямо на траву – она начала кружиться, сверкая на солнце маленькими яркими радугами, расти, принимая голубовато–призрачный облик стоящих в обнимку сестер. Они всегда так стоят вполоборота к собеседнику, стараясь продемонстрировать лишь фасад. Красавицы–близняшки лишены затылков и спин, ну и попок, конечно, что в моих глазах напрочь лишает их аппетитности. Этот факт и призвана скрыть данная поза. А в остальном – милы, хоть немного суетливые и назойливые болтушки. И теперь они заговорили, перебивая друг друга, так, что слова не вставить.

– Приветствуем, Киану. Не заскучал еще в безмятежной Тир Андомайн? Яблоки матушки Холле оскомину не набили?

– Не представляю, как можно добровольно лишать себя радости общения? Страна Вечной Юности, где бесконечно царит вторая половина мая, не богата на события... Одни сады и те – пустынные и туманны. Да и яблоки с Иннис Авалона кисловаты и как желуди тверды.

– У нас, впрочем, не теплее – приближается Мидсаммир, а дожди без конца и холод, холод. А яблок и вовсе не будет,

цвет морозом весь побило.

– Ну ладно бы на Самайн – ты никогда не принимаешь участия в кавалькаде Дикой Охоты, льесальвы вроде тебя чураются мрачных развлечений Слуга. Но на летнем празднике пирует только Благой Двор в Кармантеншире. Турниры, состязания, веселые попойки, танцы под волынки и пение, охота, в конце концов. Так почему ты торчишь здесь?

– Чем обязан, прелестницы? Я отдыхаю.

– А, кстати, как Марта и лисята? Дети чудесные, так быстро растут! Не знаешь, случайно, кто отец?

– Случайно знаю. Она в Милепардусе, малыши здоровы.

– Киану, тебя призывает Морриган. Повод, правда, совершенно несерьезный. Какие-то люди решили покинуть земли Датского Права и пересечь Ров. Ну, нет – людей-то двое: Бриан О’Брайен аэп Мумман и дочь Ангуса О’ Нил. Каэр Мумман, полуразрушенный на самом юге у моря, это его что ли?

– С ними оборотень-медведь и твой хороший приятель – рыжий Ренар. У тебя будет возможность с ним увидеться и лично пригласить... где, ты сказал, Марта с детишками? В Милепардусе? Замок ей подарил? Везет же... Он далеко?

– В Силезии.

– А где это?

– Неважно. Так что?

– Вообще-то Благой Двор обычно не вмешивается в людскую суету по причине божественной лени, сам понимаешь.

Только, если люди встают у них на пути и мешают предаваться своим занятиям. Или если есть надежда получить желанный артефакт. Или если есть надежда получить желанный артефакт. Или необыкновенное дитя. Так ты, случайно, не знаешь, зачем они понадобились?

– Девица-то родственница ард-риага к тому ж брюхатая бастардом короля, а ее спутник – владелец развалюхи – темная лошадка: и дан, и хенресин, и ни то, ни другое, но чем-то сильно заинтересовал самого Гвинн ап Нуда. Ну, Морриган велела их доставить. Ее более интересует будто бы дитя...

– На что ей оно, ты вовсе дура! Дитя понадобилось Гвенте.

– Сама ты дура! Они же тогда не знали, кто родится.

– Они отправились пригласить их на самый Мидсаммир, понятно в сумерках. Вышли из тисовой рощицы в полночь, а твой дружок Ренар спятив, очевидно, с ума, принялся стрелять по посланцам отравленными стрелами из ладанника. А ведь он не пьет бранвина, своей хватило дури.

– Ну ладно бы молодой О'Брайен перепугался, увидев Тен Ши – волшебные огни в ночи и начал стрелы бросать. Но Ренар-то. И ведь попал, что хуже.

– Не говоря о том, что одна престарелая маленькая хюльдра от любопытства, что за шум, так высунулась из своего бузинного куста, что свалилась и ушиблась насмерть. А у нее влиятельная родня, уже и жалобу подали.

– Так что выручай дружка – он сидит под замком. И, хоть вроде пока не скучает, участь его может стать незавидной.

– Где они?

– Холм Тор в Гланстомбери. Знаешь, там все тянутся болота, где деревянная римская гать и вересковые пустоши...

Капля, делавшаяся на жарком майском солнышке все меньше, наконец, совершенно высохла, и милые элле испарились вместе с ней.

* * *

– Жаль, что мне нельзя выпить с вами бранвина.

– Пьяница мать – горе в семье, Бренна. Раз ты трезвее всех, придумывай развлечение.

– Я не знаю. Так уютно. Не хочется ничего делать специально, а хочется просто сидеть и слушать ваши разговоры.

– Хитрая малышка, хочет греть уши в мужской компании... Обычно мы не говорим ни о чем важном, правда, Асмунд?

– Не скажи, Лис.

– Тогда я придумал: пусть каждый, прежде чем выпить, скажет о важном. Ну, что он считает важным, тем, без чего трудно или совсем нельзя обойтись.

– Так себе мысль. Хочешь добавить пафоса?

– Не пафоса, а торжественности. Мы же празднуем Мидсаммир. Бер, наливай. Бренне я плесну немного эля. Ну? Бренна. Дамы вперед.

– О, вам наверное трудно понять, у вас ведь нет такого огромного живота... Это легкость движения, когда не устают ноги, можно подпрыгнуть, ловко наклониться, бежать не за-

дыхаясь, быстро плыть, танцевать, ну вот это – скорость, гибкость, управлять своим телом... Наслаждаться вкусом еды. И еще: высыпаться, крепко спать и видеть хорошие сны.

– А я люблю не спать летней ночью, вот как сейчас: сидеть в сумерках волшебного сине– сиреневого цвета, и чтобы белые звездочки душистого табака...нет, вы чувствуете, какой дивный запах?

– О, Бер....

– А ты не перебивай, моя очередь. Если не о вкусной еде... И удовольствия готовить, так, чтобы вы дожидаться не могли, пока я сниму чугунок с огня, и лопали урча... Важно, чтобы всего было в достатке. Не много, а так, чтобы больше и не надо. Простые вещи, простые отношения, без недовольства, что не так или мало. Когда все правильно, как раз в самый раз. Понятные без слов отношения, доверие, которое не нуждается в уверениях, оправданиях...Правда, Бренна?

– Да, Бер, люблю тебя.

– Ну, вы будете теперь обжиматься? Ну-ка убери от нее лапы! Лис, ну посмотри, что это...

– А я люблю пробовать новое. Это может быть еда, любовь или...ой, ладно, Асмунд, не надо так смотреть. Я не собирался при девочке углубляться в эту тему. Я люблю делать что-то в первый раз, учиться, сравнивать ощущения. Путешествовать во всех смыслах, быть «далеко от дома». Люблю острое, немного тревожное чувство, когда выброшен из привычного, насыщаться иной красотой, заглянуть в чужую,

не похожую жизнь, скитаться в местах, где еще никогда не был. Только не нужно повторять эти опыты, и посещать одни и те же места. Проверено – одно разочарование. И еще – предвкушение. Люблю ожидание – первого снега или одуванчиков, да чего угодно: всего, что дарит радость.

– Ты просто обожаешь авантюры, Ренар : ненасытный искатель приключений, коллекционер самых необычных и странных обстоятельств и все тебе мало – хватаешь, до чего дотягиваются твои загребушие руки, съешь свой острый нос всюду, куда только можно заглянуть, твоя цель – дотянуться до каждого лакомого куска, желательно чужого, и проглотить, ни с кем не поделившись.

– Да, да. Чавкая, захлебываясь соком, сожрать все запретные плоды. А тебе, Асмунд, надо все со всем сопоставить, проанализировать, высечь на камне личное мнение– бесценное, кто ж спорит... Да, не люблю ждать, пока пирог остынет. А что, Асмунд, у тебя есть план жизни? Ты его записываешь? Латиницей или ...

– Иди в трюлю задницу.

– Ну, ладно, прекратите! Там остались еще лепешки, Бренна? Отломи мне. Вполне съедобно, хоть и не пирог.

– Давай, зануда! Плесни мне, Бер.

– За хвост дерну. Важное? Может Бер поймет... Важно найти свое место за Великим Столом. Понять, кто ты, принять это, вместе с дурацким прошлым, всеми неудачами и несовершенством... Со всеми глупостями, которые натво-

рил и еще непременно натворишь. Уяснить, кто ты есть, а не кем хочешь казаться, и обрести в этом... свою твердость, силу.

– И кто бы говорил про пафос.

– Заткнись.

– И еще. Это важно, хоть и трудно... Сохранять внимание. Уметь слышать, не запрещать чувствовать, а стараться вникнуть, не замыливать, не душить...

– Кто-нибудь что-нибудь понял?

– Я поняла, Ренар. Когда мне страшно или хочется плакать, Асмунд не говорит, что понимает меня. Он понимает, что ...не понимает. Не говорит: «Не бойся» или «не плачь». Потому, что мне надо сейчас бояться и плакать. Просто он со мной.

– Асмунд, ты хоть понимаешь, тупого йотуна кусок, что она... идеальная твоя девочка?

– Бер, Лису больше не наливай. Ну чего ты вскочил...

– Ш..! Тихо, вы! Посмотрите туда. Ничего не замечаете?

– Что, огоньки? Да это просто светляки, их тут полно...

Асмунд.

Мой провожатый, одетый в элегантное длиннополое одеяние, нехарактерного для Благого Двора черного цвета, учтиво пропустил меня вперед – вглубь беседки, увитой свежей листвой девичьего винограда. Два изысканной формы кресла и столик, на котором нас ожидал идеальный натюрморт –

серебряный кувшин, два кубка, блюдо с персиками и доска для фидхел. Сбросив плащ и сняв шляпу, украшенную пером серой совы, он присел и доверху наполнил кубки. Я последовал его примеру.

– Я прекрасно понимаю, юный О’Брайен, что без оружия ты чувствуешь себя не уютно, но, поверь, против волшбы клинок все одно бесполезен, а наводить чары тут способно самое мелкое существо, и даже нечто... вроде бы не живое на вид. Так что просто расслабься – ты наш гость, никто не причинит вреда тебе и твоим друзьям. Хотя Ренар и совершил непростительную ошибку...

Конечно, трудно позабыть все, что слышал с детства: как кровожадные Слуа – воинство оживших мертвецов нападают на смертных верхом на летающих и пышущих огнем из глаз и ноздрей лошадях, их визг и лязг оружия оглашает пустоши зимней ночью, а кровь, пятная скалы и валуны, превращается в бурый мох. Ты знаешь, как фейри могут убить отравленными стрелами, приводящими к болезни – посеять мор в целом городе, или прикосновением свести человека с ума. Рассказывали тебе о летящей в ночи Самайна Дикой Охоте, впереди которой несется наводящая ужас скорбным воем Кон Аннон – свора Аннона. Или, к примеру, кэльпи...

– Я не сильно впечатлен рассказами стариков у зимнего очага, достойнейший. Но мне хотелось бы выяснить, где мы находимся и, главное, что с моей спутницей.

– Да Бренна здесь же, просто вы не видите друг друга.

Важнее, где она очнется от этого сна. Под пение птиц в лесном шалаше, в грязной канаве на перекрестке дорог или... вообще нигде.

– Это не сон. Или все же морок?

– Ну, какая разница на самом деле? Что такое «на самом деле»? Ты же понимаешь, Бриан, лесной шалаш, где вы лежите, обнявшись, тоже морок. Такова земля – реальность, словно остров, погружена в океан магии, незримо пронизывающей ваш мир.

Бренна будет думать, что гостила во сне на волшебном острове Авалон или Хай-Бресейл – Острове Блаженных или Тир-Нан-Ог – в Стране Вечной Юности – на Тирфо-Туинне... Люди по-разному называют это место.

Сейчас ее угощают чудесными фруктами и вином, сладкими булочками со сливочным кремом. Она еще совсем дитя: играет с пушистыми зверями, которые охотно дают себя гладить и тискать, кормит оленят и козочек, любит удивительными цветами и деревьями, каких ты и не видывал, а она знает по монастырским ботаническим атласам и всегда мечтала побывать в таком вот бесконечном, совершенном саду. Например, платан – вот видел ты платан? Или аллеи розовых магнолий? Или кущи рододендронов, покрытых облаками цвета от лилового и малинового до ослепительно-белого? А если потрогать мимозу настоящую - *mimosa fabasea*... Тебе не интересно? Вот потому-то у вас разные сны. Вы не обязаны любить одно и то же, довольно того, что любите друг

друга.

Потом ее пригласят во дворец – вон тот, что белеет на островке... Он славится мраморными фонтанами, в которых вместо воды бьет диарсах – чистое пьянящее сияние.

Там сейчас собралось множество гостей – шотландские гроганы – золотоволосые, в расшитых цветным шелком и камнями одеждах, тельцем тщедушные, но силы жуткой, рядом с которыми ирландские брауни той же породы кажутся жалкими оборванцами четырех футов росту. Но, все же местные, хоть и малы росточком, большеголовы, голы и волосаты, однако жилисты, широкоплечи и так проворны и сильны, что десяток их обслуживает весь замок, исполняя тяжелую и грязную работу для нас – Высших Сидов Благого Двора. Они сидят за отдельными столами в шийн – наружной части дома. Только что прибыли Тилвит Тег. Что про них рассказать...

У всякого могут быть странные и даже неприличные причуды: изысканные златовласые Тилвит Тег, например, являя собой образец изящества, с их высоким ростом и белоснежными одеждами, изысканными приемами и этикетом во всем – будь то охота или танцы, по секрету сказать, обожают расчесывать бороды у козлов. Как тебе?

Ну, а про лепреконов и паков нечего и говорить.

Из винных погребов клураканы, что берегут вино и пиво, сегодня выкатят не одну бочку. Эти предпочитают в костюмах непременно красный цвет – в тон их щекам и носам,

которые наглядно доказывают, что вина они пробуют ответственно, не щадя здоровья. Собственно, к прочим развлечениям клураканы не допускаются и лишь на их родовую забаву – катание в подпитии на молодых овцах мы смотрим, как на неизбежное зло. Нашей малышке будет занятно...

– Я хочу ее увидеть, Киану. И пожалуйста, объясни, наконец, зачем нас сюда... пригласили.

– Увидишь. Не спеши, наслаждайся вином и игрой. Кстати, ход твой, будь внимателен, Бриан. Ей сейчас просто прекрасно, не беспокойся. В этот самый момент все собираются в бру – зале с самоцветными колоннами, освещенном теми самыми мерцающими Тен Ши, что вас напугали. Будет изысканный концерт, а потом танцы. Ты знаешь, что она любит танцевать? Никогда не умела, стеснялась и не позволяла себе. Но с такими партнерами будет кружиться и скользить как перышко над...

– Постой, с какими еще партнерами?

– Да расслабься, она же думает, это сон... Целовать во сне ее будешь, конечно, ты. Если доживешь. И маленькая врушка расскажет тебе обо всем, кроме этого момента...

Затем грезы перенесут ее на лесную поляну, окруженную цветущими дикими вишнями. И к ней выйдет белая лошадь невероятной красоты. Даст себя погладить, примет из рук яблоко. Но суть в том, что это Рианнон, она же Маха или Эппона.

Вот теперь о существе дела. Ты ведь знаешь, что фейри

похищают людей. Любимое занятие дам Доброго Народа – воровать из колыбели младенцев, оставляя в ней мерзкого подменыша, поскольку, несмотря на то, что живут они целую вечность, сильно озабочены производением на свет потомства. Но только удается не очень. Собственные их чада хилые и больные, потому-то они часто воруют и кормящих женщин, молоко которых лучше пригодно, чтобы выкармливать их детей. И девушек – здоровых, сильных похищают для своей знати. И юношей – мастеров в каком-нибудь деле, но при этом и красивых – от смешанных браков дети сидов лучше выживают...

Так вот. Выпей вина, что ты не пьешь? Твоего будущего воспитанника пожелала себе Морриган, так как его кровные родители – носители интересного, я бы сказал причудливого, сочетания. Тихо, тихо. Сиди, прошу тебя. Вы ничего не сможете поделать – лучше будет Бренне и не знать. Дитя умрет во время родов или сразу после, она поплачет и забудет. Сиди! Ну, если только она отправится на Авалон в качестве кормилицы. Но, конечно, не поймет, что это ее собственный ребенок. Она, боюсь, в этом случае вообще ничего понимать не будет... совсем ничего. Производству молока разум только мешает. А когда в кормилице перестают нуждаться, то сам понимаешь... Ну что ты, в самом деле! Ты же хотел вырастить из него настоящего героя. Какой же воин сравнится с тем, которого воспитала и обучила сама Морриган?! Например, Кухулин...

Впрочем, нашу прекрасную повелительницу ждал сюрприз – у Бренны будет девочка. Она сразу утратила интерес. Однако вмешалась леди Гвента – магичка сильная и авторитетная. Она предрекла, что если девочку оставить в живых, это приведет ко многим распрям и бедам, из-за нее прольются реки крови и мир никогда не будет прежним и, якобы, именно о ней было произнесено на Рорне... Ты не слушаешь?

– Я хочу немедленно увидеть свою женщину. Сейчас. Я понимаю, что бессилён, просто – прошу.

– Ну что за истерики, как не стыдно! И потом, разве Бренна твоя женщина? У меня другая информация... Да что ты так переживаешь, тебе же проще и спокойней. Ребенок не будет напоминать вам о Хауге. Сам потом сделаешь своей милой трех-четырёх малышей. Для вас, людей, это не проблема.

– Не уверен, что существа, вроде вас, могут об этом судить.

– Ну, возьми себя в руки и дослушай до конца. Жизнь этого дитя, если ты уж так за него готов впрягаться... Ладно. Можно купить. Только назови девочку как-нибудь странно, неожиданно, лучше по-датски... Может, это немного отсрочит, хотя бы... Впрочем, кого мы хотим обмануть.

– Что от меня требуется?

– Жизнь за жизнь, естественно, что ж еще...

Знаешь, чем ты мне симпатичен, Бриан О'Брайен, назы-

вающий себя Асмундом Торгейрсоном? Способностью действовать вразрез со своими интересами. Не в смысле какого – то тухлого христианского, не к ночи будь помянут, аскетизма...нет. Ты испытываешь беспокойную потребность дать нечто миру. Ищешь, что бы ты мог привнести, подарить, а не получить и присвоить. Готов отказаться от желанного, лишь бы было правильно, справедливо по твоим понятиям. А понятия эти таковы, что каждое право влечет за собой обязанность, а иногда и не одну. Но не наоборот. И за все готов без обмана заплатить. Понятно, что твои поиски осмысленного и важного субъективны. Но ты честно стараешься найти, ради чего жить, а за что не жалко умереть.

– Меня предупреждали о том, что Высшие используют разнообразные гм...методы убеждения: от грубого шантажа, незатейливого отравления ядами, делающими человека особенно восприимчивым к внушению, простых иллюзий, сродни уличным фокусам до ловкой демагогии и тонкой, но въедливой лести.

– Еще и проницательный, и скромный... Тебе бы быть королем... Увы, ард-риаг имеет уже многочисленных наследников, а область Датского права вскоре перестанет существовать... Ладно, что это я. Какой из тебя король – на твоих «высших снах» о гордости и чести сто раз сыграют. Будут душить тебя, как захотят, стоит только подпеть насчет блага и справедливости для всех. Ты как ребенок, в самом деле. Ну, разве так бывает, чтобы для всех?

Твой бывший друг король Хауг человек совсем другого замеса. Он не считает, что права влекут за собой пропорциональное количество обязанностей, а поступки имеют неизбежные последствия. Он воспитан в понятиях привилегий. И, если человеческое возмущение можно пресечь или перенаправить, законов природы не отменить. Он, что для тебя было бы совершенно неприемлемым, владеет землей и людьми, но не владеет собой – не пожелал отказаться от страсти ради правды.

Если совсем коротко. Ты сам прекрасно знаешь, что король, по сути, является главным жрецом страны. Не важно, исполняет он обряды или нет. Может быть, он даже заигрывает, ради выгоды, с иными магическими системами, такими, как христианство... Важно, что он является воплощением справедливости и права: праведного пути – райдо, если на датский манер тебе понятней, правды в ее магическом аспекте. Король, нарушивший закон – не должно было ему, поднося девушке свадебный дар, отказаться от брака. Король, нарушивший клятву, не сумевший обуздать гнев, ярость и вожделение. Король, обрушивший месть на беззащитное и невиновное существо, которое к тому же является воплощением Плодородия, Животворящих сил Земли Эйрин. Да, невеста короля – сама Земля Эйрин в магическом смысле, и ее оскорбление влечет мир к гибели. Фактически это выражается в убывании свободной энергии света и тепла. Не замечал, что как-то прохладно? Мы-то тут поддерживаем при-

ятную температуру при помощи магии, но бесконечно черпать из мира невозможно. Необходимо устранить причину утечки. И сделать это можно лишь одним способом. Только смерть может быть справедливым наказанием и искуплением. Король должен быть казнен. За все надо платить, ты знаешь, Асмунд.

– Если я сделаю это, вы оставите Бренну в покое? Ее ребенок будет жить? Да можно ли вам верить?

– Вообще-то, конечно, нельзя. Что наше – неприкосновенно, а чужое – все равно, что наше. И с клятвами аналогично. Человек должен слово держать или понесет наказание, а сид своему слову хозяин: захотел – дал, захотел – обратно взял. Такова мораль Доброго народа. Но выхода другого нет. Придется поверить.

– Он мой побратим. Я не могу с ним сражаться, тем более своим мечом.

– Казнить.

– Нет. Драться.

– Посмотрим. В фидхел ты уже проиграл. Я забираю так и так, здесь последний камень, и у тебя больше нет шансов. Допей свое вино и пойдем со мной, Асмунд. У тебя будет подходящий меч.

* * *

В кузнице Велунда было как в Муспельхейме, особенно после прохлады тенистой беседки. Ученик самого Мимира и

коварных цвергов из скалы Каллава похоже только что прервал работу и присел на обрубленный пень неохватного дуба. Асмунд подумал, что этот кусок дерева, стоящий в темном углу кузницы, грубый, необработанный, так величественен, что более похож на трон, чем позолоченные и украшенные изысканной резьбой предметы дворцовой мебели. И единственный, подходящий этому невысокому, но могучему старику, чей возраст выдавали лишь седина и морщины вокруг насмешливых молодых глаз – резкие линии, глубина которых была подчеркнута вьевшейся копотью. Он бросил на нас короткий взгляд, едва кивнув вместо приветствия. Похоже, ждал.

– Ты молодой О’Брайен и тебе нужен меч.

– Да. Было бы несколько странно явиться в кузницу с целью обрести липовую кадушку для бани.

– Ты грубишь. Хочется скрыть страх или не сдержывать злость?

– Прости, я был невежлив.

– Злость... Плохое состояние для знакомства с мечом.

Впрочем, лучше, чем страх. Зачем тебе меч?

– Собираюсь им убить искусного бойца и надеюсь, что получится.

– Это понятно, что для дела... А вот для злого или доброго?

– Я не знаю.

– Человек – то стоящий?

– Я не хочу этого делать и не могу не сделать.

– Уже яснее – бесстрастно отозвался мастер и встал. Он вытер руки тряпкой, испачканной маслом и сажей и прожженной как минимум в десяти местах и скрылся в небольшой пристройке к кузне, а через некоторое время появился с длинным, завернутым в мягкую замшу предметом.

– Этот меч я ковал для короля одного рейнского бурга, жаль, что он не успел им воспользоваться. Давно было дело.

Велунд положил предмет на свой дубовый трон и бережно развернул. У Асмунда перехватило дыхание. Перед ним лежал не слишком широкий, но и не узкий меч удивительно гармоничных пропорций. От изогнутого вперед перекрестья сбежали по клинку три неширокие дола, неуловимо переходившие в ребро – примерно в двух третях от острия, к которому клинок плавно сужался. От ребра к лезвию шли чуть вогнутые спуски, а боевой конец был остер настолько, что глаз почти не замечал линии заточки.

Не спрашивая разрешения, Асмунд протянул руку и поднял клинок. Большой палец сам лег на пяту, как будто всегда там был – меч словно манил прокрутить его над головой одним из тех молниеносных движений, которые так эффективны и смертоносны, если муж привык управляться со славным лонгсвордом. Бутылочная рукоять овального сечения с утолщением по центру сама собой легла в правую руку, а левая надежно ухватила под слегка вытянутое яблоко.

Кузнец отступил на пару шагов. Асмунд крутанул мечом

около себя, принаравливаясь к балансу, и, завершающим движением, вонзил клинок в плотно утоптанной земляной пол у своей правой ноги. Острие без усилия вошло почти на ладонь и так же легко освободилось. На зеркально отполированной стали не осталось ни малейшего следа земли.

– Этот меч прекрасен – глухо произнес Асмун, – и в самом деле достоин короля. Почему же он все еще не нашел себе хозяина?

– Ну... с ним такая история ... В свое время им отрубили златокудрую голову заказчика – кузнец вздохнул. Похоже, мечу понравился вкус королевской крови. Просили пока попридержать... Именно потому, что достоин короля.

– Кто ж успел заказчику голову отмахнуть?

– Я. И тоже не хотел этого. – Асмунд встретил взгляд Велунда. Глаза кузнеца больше не улыбались.

– Асмунд, наконец промолвил Киану, до того не проронивший ни звука. Если ты решился – меч твой.

– Это взятка? Не буду делать вид, что не желал бы его. Любой мечник отдал бы многое за возможность обладать таким оружием. Многое... но не что угодно. Нет. Я еще не решил.

Киану со стоном закатил глаза.

– Хорошо, ничего не обещаю прямо сейчас. Просто возьми, поблагодари и повесь на пояс, наш не в меру честный и разумный лерд. Зануд девушки не любят. Надо быть немножко... плохим парнем. Ну, чуть-чуть... Он невыносим, у меня уже терпение заканчивается, веришь, Велунд? Причем так

во всем, даже ...

– Киану, остановись – прервал взвинченного сида старый кузнец. – Ты боишься совершить ошибку, друг? Возьми это – он протянул Асмунду кусочек окалины. Решишь вернуть меч – брось через правое плечо. Я явлюсь и приму его назад. Но, учти Киану аэп Тир Тоингире, плату за него не верну.

Сид скривился, но промолчал.

– Я очень благодарен тебе, великий Велунд, спасибо.

– Ступай в эту дверь, она ведет в сад. Погуляй, подумай. Мост через реку – это путь домой. В саду тебя кое-кто ждет.

– Прощай, Киану аэп Тир Тоингире.

– До встречи, Бриан О’Брайен аэп Мумман.

Гвин ап Нуаду.

Они не заметили бы меня, стой я даже в телесном облике прямо перед ними. Никого сейчас для них не существовало – ни людей, ни богов. Он сжимал девушку в объятиях так, словно это она дух и может исчезнуть. И пытался что-то ей сказать, а она хотела о чем – то спросить. Но им не удавалась. Потому что не оторваться друг от друга никак. Никак. Однако, мужчина хоть и не видел меня – чувствовал спиной ледящий холод моего присутствия и старался прикрыть девушку собой, догадываясь, с кем она может встретиться взглядом.

Поэтому он сделал отчаянное усилие и отпустил. И шепнул одними губами: «Иди на тот берег, не оглядывайся. Я

скоро догоню». Она так же почти беззвучно отвечала, но я отчетливо слышал каждое слово « Я боюсь, там такой туман странный, густой». «Ничего не бойся. Поторопись, прошу». «Нет, нет, пожалуйста, пойдем со мной». «Хорошо». И он, взяв ее за руку, повел на мост.

Вернулся не мешкая. Смельчак и умница – не тянул время и не сделал попытки сбежать от того, от кого убежать невозможно.

– Ну, здравствуй, молодой хозяин Каэр Мумман. Проводил?

– Как видишь. Мне обещали, что ей не причинят вреда. Я ведь согласился.

– У тебя, наверное, есть вопросы? Можешь задать.

– Благодарю. Почему у тебя два глаза, а, вместо воронов на плечах, у твоей ноги улеглось это чудище, похожее на огромного черного пса?

– Два глаза? Это все, что тебя интересует? У меня миллиарды глаз, что смотрят на тебя с неба в морозную ночь. А это – Грим, мой верный спутник. Он может принимать любой облик, но людей более пугает конкретно этот. Особенно то, что у него вместо глаз – тьма. Ему достаточно чутья – ведь только живые имеют запах...

Это даны считают, что кавалькада из призраков погибших воинов на огромных черных скакунах, сопровождаемых мрачными, как говорят попы, «инфернальными» псами, появляется зимней порой с северной стороны, дабы возвещать

людям глад, чуму, войну, словом, хаос и гибель, и Один ведет их. Как туча, надвигающаяся на землю, носятся они по небу с воем, собирая людские души, сеют ужас и смерть, дабы покарать тех, чьи преступления переполнили чашу терпения богов. Смертный погибнет от удара ледяного копья и лишится души прежде, чем сможет оказать им сопротивление – мертвых вновь убить невозможно...

Кстати, физический изъян есть у моего отца – Нуаду, которого так же путают с Отцом Битв полукровки вроде тебя. Насколько, конечно, к Туата Де Дананн применимо понятие физического и ...изъянов. Одна рука у него серебряная. В битве при Маг Туаред обладание волшебным мечом, от которого нет спасения, не помогло ему остаться невредимым. Как говорите вы, мечники: «Нанеси урон противнику, не пострадав при этом сам»? Ты славно бьешься, Асмунд?

– Мне трудно себя оценивать. Пока глаза и все конечности на месте.

– Мое имя Гвин ап Нуад – Охотник. Впрочем, как и Один, я собираю души павших героев и веду свору Аннона, оглашающую воем горы Кадер –Идрис в день Самайна. Я – король златовласых Тилвит Тег и Король Леса, у которого люди испрашивают позволения войти в его владения. Это они так...по обычаю. Не припомню, чтобы кому-либо выдавал подобное разрешение. Но люди беспечны и своим суетливым мельтешением стремятся отгородиться от неизбежного, а, столкнувшись со мной лицом к лицу, обычно теряют ра-

зум от ужаса. Да, воплощение Смерти, король Аннувна – это тоже я. А ты неплохо держишь страх, не позволяешь разыгаться воображению. Верно, привык более опасаться живых людей, нежели призраков и магии. Не считаешь их полностью реальными?

– Нет, почему же. С друзьями мне приходилось сталкиваться. Еще видел гуля и стаю люпусов, пожирающих несвежие трупы. Но их можно легко убить либо отвадить.

– Нет, пожалуй, я не жалею о споре, заберу тебя, когда падешь. Ты невероятно дерзок, при этом, вроде бы, вполне вежлив и почтителен. Ну, а если тебе повезет, что ж ... встретимся позже. Тебе не уйти – гончие, ведомые ужасным псом Дормахом, взяли твой след. Верно, им понравился запах воина, преступившего свои гейсы, бездна смотрит на тебя их глазами. Теперь лишь вопрос времени – когда ты присоединишься к всадникам Дикой Охоты, молодой О' Брайен. Зачем ты провожал девушку? Тебе ведь запрещено возвращаться назад по тому же мосту, по которому раз перешел поток.

– Ни одного гейса я не нарушал прямо. Я никогда не отказывался выполнить просьбу Гильдис, которую она высказывала мне лично. А мост в тумане – всего лишь сон.

– Сон? Есть простой способ проверить.

Асмунд на секунду задумался, кивнул и вынул меч Велунда. Отметил про себя, что лезвие так остро, что и боль он не сразу ощутил. И все же... Привычно поднял руку, унимая

кровь. Да, этот меч точно бы рассек шесть полотнищ войлока, пущенных по течению реки.

– Не огорчайся. Говоришь, боец ты не плохой... Это вселяет надежду, ведь ставка интересная. Жизнь одной не родившейся еще красавицы, из-за которой сойдутся в схватке славнейшие дома Коннахта и Лейнстера. Прямо как в старые добрые времена.

Драться за женщину... А за что же еще? Каждый год на Бельтайн я сражаюсь снова и снова за свою возлюбленную и сестру Крейдиллад с Гвитиром ап Грейдуалом. И будет это до Судного Дня, считают монахи. Наивные. Судный день – любой из дней. Люди сложили легенду, как Король Падуб и Король Дуб – Зима и Лето бьются за обладание плодоносящей Землей – миф, старый как... миф... Просто людям надо все нарядить в красивые одежды символов, чтобы уловить суть.

Нет, наши воины и вправду сражаются над острыми и холодными, как лезвия, скалами, и от их крови темнеют морские воды, а кипенно белые поля вереска окрашиваются в пурпурный. И она действительно становится моей на полгода – мы, вечные враги, ставшие почти братьями, оба любим ее... Хуже всего то, что и она любит нас обоих.

Ты делил с побратимом свою женщину? Даже дважды, как мне известно. Я могу не рассказывать тебе, какова наша взаимная ревность и ненависть. И как мы связаны.

Но, для разнообразия, на этот раз мы решили выставить

вместо себя двух бойцов. И, знаешь что? Я поставил на Хауга. Ты нравишься мне, но он – поистине прекрасен. Так я выиграю в любом случае: победишь ты – и через семнадцать лет я буду наслаждаться увлекательным зрелищем кровавой резни из-за легкомыслия прекрасной девушки, и многие достойные воины присоединятся к моему призрачному войску. Победит Хауг, что скорее, – Крейдиллад станет моей безраздельно. Великий Холод воцарится в мире. Век меча и секиры, яростных сражений уже не за славу и доблесть, а за мешок зерна или пару поленьев для очага.

– Когда и где нам надлежит встретиться с Хаугом?

– Ты нарушил лишь свои гейсы и почти обрек себя. Хауг совершил преступление, но удача его пребывает с ним.

Поэтому мы решили позволить тебе совершить дело, ради которого ты пожертвовал счастливой долей воина. Это будет справедливо. Ты успеешь дождаться рождения ребенка и устроить судьбу его матери. Как сам знаешь. Поединок назначен на другой день после праздника Ламмас. Вы встретитесь на границе, в Асприне.

– Бренна ничего не знает?

– Конечно нет, зачем. Теперь иди. Она уже проснулась, а ты все спишь, и лицо у тебя, наверное, суровое и хмурое. Не пугай, улыбнись ей, сын Торгейра.

Глава 10

– Собачья погода! Асмунд, у тебя есть мешочек с рунами?

Это славно, потому, что у меня есть тоже. Мы можем сыграть в «Руны судьбы». Раз хнефатафл пришлось бросить на столе и уносить ноги. Ну, когда мы с Бером раздобыли арфу... Сыграем, а то наша дама что-то приуныла.

– Это когда ты ее «выиграл»? Ни на минуту не сомневался.

– Да, Ренар, давай, – оживилась Бренна. Я хочу во что-нибудь сыграть. А как играть?

– Игра это простая, почти детская – надо лишь немного напрячь память и подключить чутьок анализа. Даже Бер может выиграть, ну...теоретически... Два набора рун – давай, давай, мы их не оскверним. Это старинная магическая игра. Перемешиваются и размещаются на игровом поле вот так: сверху лицевой стороной, под каждой – еще одна перевернутая. Надо убирать одинаковые руны попарно, для чего придется угадывать те, что перевернуты, которые внизу. Задача – первому забрать последнюю пару рун. За один раз можно открывать только одну перевернутую.

– Действительно, просто. А почему называется «Руны судьбы»?

– Потому, что в эту игру нельзя играть на деньги, а только на желания. Проигравший должен выполнить желание победителя непременно. С рунами ведь не жульничают. Их не обмануть – желание должно быть настоящее, искреннее. Если даже кто-то откажется – желание все равно окажется выпол-

ненным так или иначе, возможно не сразу, но может быть скорее, чем они ожидают. Но вот каким боком это выйдет партнерам по игре – неизвестно. Я бы не рискнул.

Жаль, что играть можно только вдвоем.

– Почему же только вдвоем? – спросил заподозривший неладное Асмунд. – Проигрывает тот, кто

– Потому. Не спорь, Асмунд, игра моя стихия.

– Твоя стихия продувное мошенничество и авантюры...

– Что поделаться... Придется тащить жребий – кто с кем.

Он высунул руку из палатки и пошарил по траве.

– Так, Бер – шишка, Асмунд – кислица, а Бренну обозначим, конечно, вот этой прелестной лесной фиалкой. Я вынимаю, вам не показываю. Я сражусь с оставшимся. Это я для тебя, Бер, разьясняю, остальные не будут тупить... Кто играет с этим... растением? Асмунд? Тебе с Бренной. Я же говорю – магическая игра. Говорят, она восстанавливает равновесие и справедливость. Нам играть с тобой, верзила, главное – воздержись от насилия.

Игровым полем послужил платок Бренны, обе партии не заняли много времени.

– Ну что ж: ожидаемый итог. Бренна проиграла Асмунду, Бер – мне. Поменяем партнеров?

Люблю игру за скорость – это вам не фидхелл.

– Давайте.

Лис просто источал удовольствие, сиял как масляный блин.

– Снова ожидаемый результат. Бер продул Асмунду, а я – непобедим. Ты готова, девочка? Поцелуешь меня?

– Мы сыграем еще раз. Бренна может отыгаться.

– Ну, нет. Нечестно. Иди сюда, Бренна.

– Ты самый наглый, неблагодарный, бессовестный...

– Да-да, что поделать, мой лорд. Собака я безнравственная... Какие у тебя сладкие губы... как земляника... Тебе понравилось? Давай еще разок?

– Бер, следующее желание мое: надери, пожалуйста, уши этому пройдохе.

– Спасибо, Асмунд. Мое желание сегодня тоже исполнится, хоть я ни разу и не выиграл. Обычно ты не позволяешь бить этого хорька, прикидывающегося лисицей.

– Аааа!!! Что за зверство! Аааа! Ну, хватит же! Асмунд, это же было по-дружески, что ты так ...аааа!!! Нупусти, Бер, тролль тебе вдуй ...Тебе же она тоже проиграла, Асмунд, – можешь ее целовать, зачем натравливать чудовище... Какое у тебя желание?

– Мое желание не касается рыжих прохвостов. Мы сыграем с Бренной еще раз.

– Я уточню – это твое желание?

– Нет. Желание я оставляю на потом, как мудрая юная фея. Может, когда-нибудь придется попросить Бренну отравить тебя. Мы просто сыграем.

– Отлично. А Бер пока меня покатает. Довези, меня, приятель, до речки и обратно на закорках, заодно водички на-

берем. Нет, лучше так: туда ты понесешь меня, а я – фляги. Всю дорогу до реки будешь повторять: « Упрямство, невежество и грубость – мои основные качества, которые отлично дополняют друг друга». А вот обратно все фляги понесешь ты. На шее, в лапах и в зубах. Ну и меня, конечно.

Когда Ренар и злобно пыхтящий Бер вернулись, Бренна сидела с довольным и хитрым видом – отыгралась. От ее тоскливого настроения не осталось и следа. Она развеселилась, даже немного слишком, но в ее веселости Ренар уловил нотку истерики.

– Ну, вот и хорошо. Теперь вы оба должны друг другу желание. Но не вздумайте хитрить – они не могут быть зачтены одно за другое.

– Ты надоел мне, приятель Ренар. Хочу напомнить, что сегодня твоя очередь караулить. Как раз кончился дождь и пора спать. Вон из палатки.

– Слушаюсь, господин. Мы с этим вот гоблином обожаем проводить ночь под звездами.

* * *

– Асмунд...я вообще-то не собиралась откладывать свое желание на потом, как ты...

– Хорошо. Я тоже передумал откладывать. Погоди минуточку, мне надо кое-что взять.

– Что это? Покажи!

– Это гребень, не бойся. Я давно хочу... расчесать твои

волосы и заплести... Они как солнце в апреле... такие мягкие. Можно?

– Ты умеешь заплетать?

– Не очень... Но если выйдет плохо, мы переплетем... Так что же ты желаешь, моя лесная королева?

– С этим немного сложно. Понимаешь, я никогда не была уверена в том, что я чего-то хочу... ну, всерьез, действительно я. Меня всегда что-то заставляли. Сопротивляться было бессмысленно, я же была маленькой, а они взрослые... А то, что просишь, никогда нельзя. И я решила, не бороться, а согласиться, что да. Я сама так хочу. Чтобы Уна меня не ругала. В моем мире хотеть не только не обязательно, но даже опасно, лучше не чувствовать каких-то вещей, ну, разве, самые простые, которые все же признаются окружающими. И то, надо все время соблюдать правила и приличия, устала ты или голодна. Никогда нельзя капризничать, проявлять нетерпение, жадность или зависть – все это неприлично и недостойно леди.

Раньше моими желаниями никто не интересовался, как чем-то совершенно неважным. Если я их высказывала, надо мной в лучшем случае смеялись. Хочу изучать лекарственные растения и кого-то лечить? Ха-ха. Ты что, мнишь себя Целителем? Ерунда, леди должна хотеть замуж. Может, я хочу замуж? Замуж? Ха-ха. Этого хотят только глупые курицы, как не стыдно. И разные люди считали разное, о том, что я должна думать и чего желать. Я совершенно в этом запута-

лась, но обычно люди как-то примиряют и вбирают в себя все эти... разношерстные мнения.

Если бы мне больше повезло, я сейчас хотела бы того, что положено хотеть нормальной женщине моего возраста и круга.

Но ты знаешь, что произошло. Насилие слишком грубое, опасное, оно угрожало физически самой моей жизни. Настоящая боль и смертный ужас, когда топчут самую... суть, душу. Нет, я попробовала приспособиться и к откровенному насилию, договориться с собой, что все не так и страшно, все изменится, если я потерплю... Но быстро почувствовала, что нет – надо защищаться изо всех сил или смириться и умереть. По– настоящему умереть.

И я решила, что буду яростно сопротивляться всегда, когда меня кто-то принуждает или...не прямо, но как бы куда-то направляет, осторожно ведет под локоток, как Беата, в нужную сторону, туда, куда им выгодно. Она и другие наставницы ловко играли мной – задевали правильные струны. И я велась, чтобы не остаться в одиночестве, отвергнутой, никому не нужной... Делали мне предложения, от которых я не могу отказаться. И все же я отказалась. А потом стало ясно, что и мой протест был им выгоден, и, как результат их игры, входил в планы... на меня. Видишь, оказалось, что это очень трудно – решать, чего ты хочешь на самом деле.

– Неужели похоже, что я играю...на струнах? Мне горько это слышать.

– Нет-нет... ты не так понял... Просто я, наверное, передумала. Я пока не уверена в том, что мое желание истинно мое...

Бренна.

Асмунд, стоя на коленях за моей спиной, расчесывал осторожно, потом положил гребешок и запустил пальцы в пряди моих волос. Я подумала, что у него всегда, ну почти всегда, суровое лицо. Какое у него лицо сейчас, когда он так нежно перебирает мои волосы, гладит затылок, проводит большим пальцем по ложбинке шеи, слегка залезая за ворот. Я не могла дышать. Наконец, он, словно очнувшись, начал неловко заплетать.

Почти закончил, помедлил и пальцами вновь разобрал косу, откинул набок волосы и легко, почти неощутимо дотронулся губами.

– Нет, птаха, не получится – сказал он тихо, странно охрипшим голосом.

Я вздрогнула, повернулась и дрожащими ледяными пальцами потянула завязки его рубашки. Он поднял руки, помогая мне. Я прикоснулась к его груди, надутым венам на жилистых руках, шраму на ключице...

Он крепко прижал меня, неловко, щекой и ухом, так что я слышала его сердце, потом отстранился, натянул рубаху. Встал, чтобы выйти из палатки, но передумал, присел подле меня снова. Всегда он прячет растерянность за насупленны-

ми бровями.

– Ты сердишься?– спросила я.

– Сержусь, только на себя. Мы не должны ...предаваться ласкам.

– Асмунд...

– Нет, послушай. Я не герой, я даже не очень хороший человек, наверное. И мы все время рядом, так близко, естественно, что... только так не годится, птаха. Прости меня, это я первый начал. Больше такое не повторится. Лучше нам быть друзьями.

– А разве мы не друзья?

– Друзья не спят вместе, Бренна. Не будем об этом больше говорить. Не обижайся. Мне тоже нехорошо на душе.

Ренар Лис.

Я случайно споткнулся о ноги Асмунда, но не мог отказать себе в удовольствии пнуть его еще разок.

– Почему ты спишь на улице, позволь тебя спросить? Разве ваше желание не было обоюдным – одним для двоих?

– Ты нарочно это затеял, признайся, Ренар? На ходу выдумал эту игру...

– А ты нарочно ей проиграл. Кто из вас струсил?

– Я не струсил. Нам нельзя.

– Курва! Почему это?

– Совсем спятил, Лис? У нее живот на нос лезет. Она скоро родит от другого мужчины.

– Кому и когда это мешало? Тебя пугает размер живота или что ребенок от Хауга?

– Я не хочу, чтобы это выглядело как месть бывшему другу.

– «Выглядело» перед кем? О, да не о чем больше с мудраком таким говорить!

– Постой, Лис, не уходи. Мне паршиво.

– Дурак ты, Асмунд. Она не фибула на чужом плаще. У нее есть чувства и они, по-моему, очевидны. Ты же собираешься усыновить и воспитывать малыша? Это, кажется, твоя миссия, нет?

– Что ты в этом понимаешь? Воспитатель королевского сына, заменяющий отца, это почетная, официальная роль. Юный король всегда воспитывается не в родном доме, это важно для обретения силы, в том числе магической. Но потом он должен вернуться в свой край, там пройти испытание и получить положенное – признание и благословение настоящего отца. И его воспитатель должен помочь ему стать достойным трона, мудрым и справедливым властителем. Ну и храбрым воителем, разумеется. А не спать с его матерью.

– Вот что-то ты, похоже, врешь... Может и не будет воспитанника-то... Киану что-то тебе сказал, да? Ладно, друзьям я в голову не лезу – меньше знаешь, крепче спишь. Хочешь, чтобы все было, как должно? Так часто слово «должен» в твоём э... официальном тексте роли, аж зубы ноют. Ну, актеры тоже могут кое-что испытывать.

– Какие актеры? Вообще не понимаю, о чем ты. Не важно, что мы испытываем. Есть же воля, разум. Иногда можно потерпеть боль, чтобы не случилось худшего. Так прижигают рану.

– Ну, конечно. Правда, знающие люди говорят, что прижигать рану каленым железом – лишняя пытка. Это только добавляет к травме ожог.

А еще из тех же волшебных историй мы можем при помощи хваленого разума сделать вывод, что отрицание чувств еще никого не доводило до добра.

– Ренар, Бренна лишь пытается избавиться от боли, изгнать из своей головы и сердца Хауга, заменив его любым подходящим мужчиной. Ну, представь, она была влюблена, а он ее просто растоптал... Ей надо как-то наладить мир внутри и снаружи, к кому-то прилепиться душой, а я как раз оказался рядом. Не такая же я свинья, чтобы этим обстоятельством воспользоваться.

– Ну да. А зачем, позволь тогда спросить, ты дуришь ей голову? То пожираешь ее глазами и ревнуешь, побуждаешь ее воображение и чувственность, затем отстраняешься, расстраиваешь, таким...морозцем прямо бьешь, по-дружески утешаешь, произносишь высокоморальные речи, а сам просто умираешь от желания, касаясь ее волос? Что это, ханжество, понять я не могу? Что ты творишь-то с ней?

– Как ты...

– Видел в лавке, что ты ей купил в подарок. Гребень про-

стенный, но изящный, у тебя прекрасный вкус. А ты знаешь, почему она, покидая башню, подарила свой дорогой гребень служанке, предпочитая костяной? Потому, что драгоценный подарил ей Хауг утром того самого дня.

– Это она тебе рассказала? А что еще ...

– Так я тебе и сказал. Ни к чему тебе знать-то много.

Она, по твоим словам, будто бы любит этого «волчонка с дырой в душе», косящего под Локи. Бред какой. Самовлюбленность Хауга и полное отсутствие у него эмпатии, конечно, оказывает на незрелых девчонок гипнотическое действие. Но ты сам знаешь, он ей в кошмарах снится. Словно специально дарованных, чтобы был повод плакать на твоей мужественной груди. Сладко утирать ее слезы? Наверное, даже лучше, чем поиметь?

Ты ее совершенно сбил с толку и продолжаешь сам запутываться все больше. Так чего больше хочется-то: спать с ней или воспитывать? Вот и сейчас вы поговорили в любимом вами «темном стиле» гребаных трубадуров – намеками, не договаривая, не проясняя. Как будто есть чего бояться – вы и так уже изранились друг об друга до крови. Она же так доверяет, что готова уже протянуть тебе свое истерзанное невинное сердечко... Храбрая, но глупая малышка, зря она рискует. Ты тот еще демон – искуситель, оказывается... Хауг мучал ее грубо и незатейливо: пугал и унижал, а ты...

– Лис! Переходишь границы. Лучше уйди.

– Нет, на минуточку! Ты сам сказал: «Не уходи, мне пар-

шиво». Хотел поговорить с другом? Изволь, слушай и держи себя в руках.

Да, кстати! А с чего ты вообще взял, что она тебя не хочет? Она явно тоскует по ласке. Наверное, плачет там, в палатке. Беременные вообще много плачут. Но меня не смущает животик, пойду, чтобы лично убедиться, что слаще...

– И не рассчитывай, она тебе бесстыжие глаза выцарапает.

– Реакции человеческих женщин непредсказуемы, дружище, не то, что у нас. Каждый раз – сюрприз, иногда – приятный. Ты же говоришь, ей все равно, к кому прилепиться душой.

– Мне уже доводилось убивать людей и нелюдей глубоко мне симпатичных. Не хотелось бы пополнить этот список скорби именем друга.

– Думаю, ты догадываешься, что меня убить не так-то просто. И я не совсем шучу сейчас, хотя кривляюсь по привычке. Если у тебя с ней все серьезно – я не буду, конечно, гадить. Но, если ты продолжишь играть в идиотские игры – отберу ее. Она тебе все равно по темпераменту не подходит. Горячая и сладкая девочка...мы бы с ней зажгли...

Асмунд положил руку на гарду и сжал ее так, что костяшки побелели, потом шумно выдохнул, развернулся и зашагал к лесу.

Но Ренар внезапно снова возник прямо перед ним, вынудив остановиться.

– Прости, но я с тобой не закончил. Еще разочек пну твою

железную задницу. Это доставляет, уж прости, жгучее наслаждение.

Я подозреваю, ты просто хочешь подольше подержать ее на коротком поводке влюбленности. Ты создал для нее новый мир, полный безопасности, поддержки, макнул с головой в сладкую сказку – ты же, кажется, сказки ей рассказываешь? «Лопнул тот обруч, которым сковал сердце свое я, когда тосковал»? Я все слышал...

И теперь жадно и беспринципно, предельно цинично, наслаждаешься властью, которую нипочем не приобрести над душой при помощи страха, боли и унижения. Потому, что власть, полученная путем насилия, ломает человека. А слованный он никому не нужен.

Я бы закружил ее в нескончаемом фантастическом празднике, засыпал уникальными подарками и подсадил на безумной остроты наслаждения.

Но ты привязал иначе. Нет ничего лучшего, чем иметь мужчину – настоящего друга, с которым можно беседовать обо всем на свете, который тебя понимает и принимает и всегда на твоей стороне. Особенно для девочки, изголодавшейся по доброму отношению. И теперь она, конечно, твоя до кончиков мизинцев. Да, трудно отказаться, слишком приятно – абсолютная власть. Добиться ее ты сумел, но пользуешься, по своей холодной сухой натуре исключительно уныло и бездарно.

– Лис. Я понимаю все, что ты говоришь, но я не мастер

вести подобные споры. Все равно, считаю, так нельзя... И намерен это прекратить.

– Ты непробиваемый упрямец. Дубовый чурбан. Врезал бы тебе – боюсь, лапу отшибу. Пойду с Бером лучше посижу у костра. Доброй ночи под звездами в одиночестве.

Выдыхай Ренар-Лис. Злиться ни к чему. Тут ведь причина в другом. Люди – несчастные калеки, лишённые инстинктов, поэтому их жизнь так сложна и бессмысленна. Они никогда не знают, как правильно поступить и не могут отличить важное от пустого. Поэтому просто творят любую случайную хрень в любом случайном порядке. Ну, во всяком случае, создается такое впечатление. Мы, звери, просто не умеем ошибаться. Страдать физически и грустить можем, но вот делать что-либо противоестественное или сожалеть о содеянном – нет. И в этом нет нашей заслуги. Просто все, что мы делаем – имеет однозначный понятный смысл.

К сожалению, такие как Асмунд – еще более несчастная порода. Это так называемые «хорошие люди», которые поступают как угодно, только не так, как того требует их сердце. Они всегда найдут тому приличную причину. Их голова похожа на любопытную игрушку, которую я однажды видел – калейдоскоп. Внутри их головы в случайном порядке пересыпаются, непрерывно составляя различные хитрые узоры, чужие мнения, соображения, убеждения, совершенно произвольные и ни на чем не основанные. Эти блестящие стеклышки отражаются в узких зеркалах их детского опы-

та, поскольку опыт люди умеют получать только в нежном возрасте. Едва детеныши подрастают, они наглухо закрывают свое сознание от любой новой информации – зеркалец не должно быть слишком много, а то узоры станут настолько сложными... В общем, эти узоры, даже не замечая, что они все время меняются, «хорошие люди» называют своей «картиной мира». И за нее они готовы не то, что счастье – жизнь отдать.

Лохматый верзила, конечно, дрых, угли еле тлели. Какой из него дозорный? Позорный. Завтра буду дразнить. Чтобы немного отвлечься, я занялся затухающим костром – разжег пламя дуновением тонкой струи жара из моего огненного нутра. Очень приятно, но, когда смотрят посторонние, этого лучше не делать – умение создавать огонь из нашей пламенной сущности мы стараемся хранить в тайне.

Колдовская теплая ночь укрыла поляну, хоть из леса уже тянуло пряной свежестью. Ветер совсем разогнал облака, а мерзкая Луна еще не так округлилась, чтобы мутить душу и мешать любоваться звездами. Близкое болотце бормотало и всхлипывало, вбирая темные ручейки, вскрикивало во сне голосом кроншнепа, нежно звенели комары – даже храп Бера был не столь оглушительен, чтобы испортить эту маленькую ночную серенаду. Я предался грезам – стал вспоминать мою веселую красавицу Марту.

Прошедшая зима морозила нас так, что казалось – тепла больше никогда не будет в этом мире. Я даже редко стал на-

девать рыжую шубку. Жил в человеческом теле под защитой закопченных стен, работал в лавочке. Такая временами напала апатия – даже жулить было лень. Ну, по вечерам, иногда оттягивался: играл в фидхелл или кости, слушал захожих бардов. Партнеры мои тоже, развесив уши, отвлекались на арфу – меня ни разу не прищучили и не побили за мои фокусы. Даже не напивался – вино слишком дорого в этом занюханном городишке, а эль я не люблю. Словом, скучно провел я зиму...

Но к концу марта, хоть морозы и держались, в лесу стало не так страшно и мертво – пригревало иногда, солнечными деньками. И я побежал. Я носился среди лиловых длинных теней по сверкающему насту, крепкой прозрачной броне, словно скованной маленькими ледяными альвами. Я всегда в детстве воображал, что если бы инеистые великаны были крохотными, то вот эти сугробы, изъязвленные горячими лучами, были бы их дворцами. Хрустальные шпили, глубокие ходы ведут в глубину...ну, сами посмотрите.

На морозе ароматы тоньше, острее – и идут они верхней струей. Я уловил ее запах на берегу реки – осторожно скользнул в высокий камыш, успел полюбоваться интересным явлением – каждая метелочка камыша росла из подледного воздушного пузыря – как из чудесной бусины.

Я сразу понял, в какой она беде. Вот валяются пешни, чурбаки, на которых рыбаки посиживали с флягами, пока моя красotka, забравшись в сани, лакомилась их уловом.

Так увлеклась, что не заметила, как один из мужиков за чем-то подошел к саням – она как раз почти доела рыбу. Людям незнакомо желание понять и простить, крестьяне не собирались отпустить Марту, умилившись ее классической красотой, вырваться и кусаться было бесполезно...

Я прыгнул на бортик саней, прямо через согнутую спину одного из мужиков, изумив самого себя такой акробатикой и эквилибристикой. Они сначала обалдели, потом заорали и попытались меня схватить. Но тут со дна саней забил фонтан серебряных монет, которые с приятным шуршащим звуком разлетались по льду во все стороны. Мужики стояли, охреневая, фонтан бил, монеты сверкали. Наконец, один из них вышел из состояния ступора и бросился собирать. Пока они ползали по льду, мы уже скрылись в море камыша. Иллюзия монет мгновенно исчезла, как только я отошел от саней на пару метров, но держать ее уже не было нужды.

Сначала мы нырнули в мрачную глубину ельника, потом вспыхнули закатным солнцем янтарные стволы сосняка. Мы выскочили на поляну и резвились там по грудь в синеем снегу – высоко подпрыгивали, только снежная пыль летела, гонялись друг за другом, выписывая следами знаки бесконечности... Словом, дурачились довольно долго, пока я не сообщил моей новой подружке, что голоден во всех смыслах. Марта в ответ дала мне понять, что с радостью готова мой голод утолить, но предпочитает сделать это в человеческом теле. Ну, так ей больше нравится, к тому же сырой рыбы она

уже наелась и теперь хотела бы вино, сыр и фрукты.

Тут я осознал два момента – неудачный и неловкий. Наша одежда, которую надлежит сразу же натянуть, закрепляя человеческий образ, находилась, сами понимаете, в совсем разных местах – это момент неудачный. А еще мне не хотелось предстать перед ней голым на снегу в такую холодную, и тем самым испортить о себе первое впечатление – это момент неловкий. Но моя умница Марта предложила встретиться на этом месте, и я помчался так, что сердце чуть не проглотил.

К счастью, она не надула меня, как я опасался. Ждала на опушке, в шикарной соболиной шубке до пят. Я жадно рассматривал ее человеческий облик: миндалевидные светло-карие глаза, волосы, в отличие от огненно-красной шкурки, скорее пшеничного цвета, правда тонкие и пушистые. Только кожа типичной рыжей – безупречная, как у фарфоровой куколки, с характерным нежным румянцем на высоких скулах и веснушками на точеном римском носике.

Наконец я смог поцеловать ее. В самом деле, любовь в человеческом теле не так остра, но имеет преимущество в разнообразии. Мы отправились к ней в усадьбу, и я с некоторым смущением узрел над воротами роскошный герб – золотая лента разделяла щит по диагонали на два поля – лазурное и изумрудное. На лазурном изогнулась в прыжке выдра, под лапами – меч, над головой – золотая корона; на изумрудном – огненная лисица держала в зубах серебряную звезду. Корона

говорила о том, что хозяин усадьбы имеет титул – но вот какой? Такой вид геральдической короны был мне не знаком. Эрл? Кто-то повыше? Девиз на латыни: *sicut mentiri sub ban* – “лишь ложь под запретом». Интересный девиз... для лисы.

Дом был роскошный – совсем не похож на простецкие длинные дома северян или прокопченные торфом мрачные «замки» местных олдерменов. Мы вошли в теплую переднюю: блестящие деревянные полы источали приятный запах восковой мастики. Марта сбросила шубку прямо на пол. Я так и думал, что под ней нет платья. Ослепительная молочная кожа, полупрозрачная, мерцающая; маленькая, но вполне округлая грудь, соблазнительный чуть выпуклый животик, шелковистый мысок меж стройных ног чуть темнее, но с рыжинкой – все это я успел оглядеть за секунду. Она повернулась и пошла через анфиладу небольших, изящно обставленных комнат. Я устремился за ней, стараясь на ходу избавиться от одежды. Моя красавица дошла до последней залы и, наконец, оглянулась.

– Уже разделся? Ну и славно. Надеюсь, ты не умрешь от голода, поскольку перед ужином мне хотелось бы искупаться. Присоединишься?

И она перешагнула через бортик огромного котла, от которого поднимался пар с тонким ароматом жасмина. Я хотел последовать ее примеру, но слегка растерялся: вода в котле – если это была вода – бурлила. Круглый глубокий котел из отполированной красной меди весь был покрыт затейли-

вым выпуклым орнаментом: кельтскими узлами, и фигурками кузнецов с молотами, воинов с длинными копьями, вещающими головами филидов, арфами, рогами, изображениями кравчих с чашами, охотников со сворами, однорукими и одноглазыми вытянутыми вверх фигурами, вероятно форморов...

Однако, Марта посматривала на меня с лукавой усмешкой. Отступить было поздно.

Таких ощущений я не ожидал – горячая вода окутала меня мириадами покальывающих искрящихся пузырьков, струи били, разминая напряженные мышцы. Это было восхитительно.

Я окунулся с головой, но сразу вынырнул рядом с Мартой. Удивительная вода держала и была солоноватой на вкус, как и губы моей лисички. Мы предались прекрасному занятию, для которого людям служат руки и язык, но это была не беседа.

– Марта, вода не остыла, может прибавить горячей? Добрый вечер. Ты ведь просила белое? – он потряс перед нашими носами большой оплетенной бутылью. Гладкое дно ушло у меня из-под ног – я чуть не захлебнулся.

– Можно к вам?

– Давай. Если наш гость не возражает. Залезть в котел Дагды он, правда, не побоялся. Я вас представляю: это мой супруг Киану сын Этлень аэп Тир Тоингире.

Котел Дагды? Аэп Тир Тоингире? Может все же лучше

самому быстренько утопиться?

– Ренар Лис. Сегодня спас меня от подвыпивших вилланов, а то я запаниковала.

– Благодарю, мессир Ренар. Надеюсь, ты тоже поддержишь его в трудную минуту, Марта. Судя по выражению лица, он испытывает... некоторый дискомфорт и замешательство.

Киану скинул с плеч нечто, напоминающее арабский халат и нырнул. И я сразу понял, почему на гербе изображена выдра. Интересно, сколько лет на самом деле этому юному красавцу: модная темно-каштановая челка, узкое лицо, яркие синие глаза – такого цвета глаз вообще не бывает у людей. Иллюзия? Высокий, тонкий в талии, в гибкости и лаконичности движений чувствуется сила и навыки отличного фехтовальщика. Надеюсь, не придется испытать их на собственной шкурке.

– Прости, Ренар, что напугал и... отвлек, но я хочу поужинать вместе, потому, что, дорогая, я уеду утром и вернусь только завтра к вечеру.

– Ренар, милый, хорошо бы твои брови опустились с макушки туда, где они произрастали ранее. Мы с Киану не запрещаем друг другу радоваться жизни. То есть совсем ничего не запрещаем, абсолютно ничего. Задеть, обидеть, даже вызвать гнев способна только неискренность и нечестность. У нас нет секретов и неудобных тем, оба мы крайне эгоистичные, жадные до удовольствий и приключений твари,

хищные, жестокие, высоко аморальные нелюди. . . Приняв во внимание эти факты, мы прекрасно уживаемся и даже порой дарим друг другу химически чистое наслаждение. А вот всю эту вредную муть – разочарование, ревность, счеты, кто кому больше дал и кто кому чего должен, мы отфильтровали на начальном этапе нашей совместной жизни. Никто никогда никому ничего не должен. Можно все со всеми и всегда. Если ты говоришь да – то это да, если нет – я спокойно приму к сведению, что вот это конкретно не желанно для тебя сейчас. И только. И, если я задаю вопрос, я одинаково просто приму любой ответ. Потому, что «Да» и «Нет» равны в нашем мире. Принуждение, трусость и ложь – вот три вещи, объявленные вне закона.

– А если я не хочу говорить правду или знать ее?

– Не хочешь говорить – так и скажи: «Не хочу этого тебе говорить, Марта». Ну, например, боишься или еще не разобрался в отношении этой темы. Это и будет правда. Ну, не готов сказать и не надо. Тогда я решу вопрос на свое усмотрение, при помощи наличной информации и ее интерпретации. То есть, проще говоря, я поступлю, как захочу. А если не хочешь чего-то знать, то и не спрашивай. Но учти, незнание не освобождает от ответственности. Если закрыть глаза, можно вляпаться в некоторое дерьмо.

– Вообще, Ренар, – вступил Киану – не иметь сложных отношений в кругу близких тебе людей – большая удача. Но уж если что-то непонятно или неприятно, следует все же

разобраться, и непременно обозначить, то, что неприемлемо. Просто выяснять отношения – искусство, ключевую роль в котором играет именно уяснение проблемы. Люди редко это умеют, потому, что как правило, их разум моментально подавляется натиском эмоций, главные из которых – страх и жалость к себе. Нарушение логики и двойные стандарты, при этом смутное представление о своих подлинных желаниях и правах.

– Налейте мне вина, пожалуйста. Я, безусловно, разделяю изложенные вами принципы, и мне хотелось бы уточнить...программу после ужина.

– Нет, Киану, ну какая прелесть...Какая дипломатия...Вдвоем или втроем? Или ты предпочитаешь послушать музыку сидов?

– Музыку, Ренар, вы сможете послушать с Мартой и после моего отъезда и даже потанцевать. Надеюсь, этим вечером никого не почувствует себя обделенным и разочарованным. У тебя ведь нет на этот счет сомнений, Ренар?

– Ни малейших.

Глава 11.

Делга.

Хорошо, что пришел. Сильный: боли много, гнева – нет. Страдал, хотел плакать. Крепился. Не спал ночь-две-три – много. Как было не пожалеть. Хотела испытать, спросила: «Отдашь руку? Лапа медвежья хорошо для камланья и за-

щиты». Видела – колеблется. Не боится. Думает: как без руки драться? Как охотиться с луком? Сказала: не надо, нет. Пошутила Делга. Как можешь платить? Ты красивый, большой. Может, крепко любить будешь Дэлгу? Одну ночь Делга будет кричать? Не сопи, не топчись. Делга старая, зачем – опять шутит. Просто принесешь большую щуку. Чтобы цвет как у озерной тины и так же пахла. Кожа ее Дэлге нужна. Будет рыба, приходи».

Вечером уже поймал, идет. Говорит: «Скорее, надо очень. Дурной сон видел, страшный». А Делга уже совсем готова. Куда спешить. Волосы села чесать Делга. Готовься и ты. Делга сидела в темноте и била в табук. Долго. Видела твою женщину. Далеко. Поможет найти. Что дальше? Делга знает? Нет. Как? Мужчины дело.

Садись у костра на шкуры. Росомаха, рысь, волк, выдра. Пей отвар. Хороший друг – белая трава. Люди называют «белена». Кушай грибы. Хорошо жуй. Много да? Но ты слишком большой. Тебе много надо. И еды, и яда. Плохо? Дыши часто, не глубоко. Не будет страшнее, чем было.

Семь точек на шляпке – семь миров пронзить тебе в теле ворона. Хозяйке погоды предложим дар. Дождь не намочит крыльев, и град не иссечет, и ветер не станет помехой. Солнце тонет кровавым сгустком в синем глазе лесном. А вот уже и потемнел, закрылся глаз. Туман висит над озером как шкура белого волка. Отец-луна пришел. Пора.

Тут Делга берет поющий лук. Один конец согнутой палки

вставляет Делга в рот и бьет по тетиве. И двойной звук слышат духи – низко поет жила, а горло Дэлги дрожит и вторит высоко.

Слушай медведь и ешь еще. Жужжит? От грибов у всех жужжит. Слышишь пчел в ушах? Хорошо. Это твои пчелы? У Делга животное – барсук, у тебя целый рой черных пчел? Это очень сильные помощники – Делга завидует. Снова шутит Делга. Нравится шутить с тобой. Делга тушит костер, а то упадешь на горячие угли. Не замерзнешь. Твое лицо и грудь совсем красные. Вот так, медведь. Свяжу руки и ноги. Если нет – когда вскочишь, задавишь Дэлгу или разорвешь. Голову давит? Это шляпка мухомора. Священные грибы прорастают сквозь тело, голова покрывается шляпкой, становится ею. Дух гриба очень сильный, управляет тобой. Еще слушай. Закрой глаза. Смотри.

* * *

Она затушила костер, а потом помочилась на горячие угли. Станный знакомый запах. Шаман ведь тоже ела грибы и куда больше, чем Бер. Жужжание в ушах все нарастало, сливаясь с равномерным гудением поющего лука. Ему было спокойно и тепло.

Связанные руки и ноги затекли, Бер давно их не чувствовал, словно они исчезли.

Зато ощущение, которое дарили сильные крылья, были восхитительны. Крылья острыми ножницами стригли ветер,

и он прохладными лоскутами окутывал гладкое тело. Скорость и высота заставляли в животе что-то приятно сжиматься, и ворон инстинктивно старался сильнее поджать ноги и вытянуть голову вперед. Это каким-то образом позволяло лететь еще быстрее и выше. Он миновал бескрайнее болото и цепь темных холмов, казавшуюся такой далекой в начале. Сверкнула лунная дорожка на спинке змеящейся речки, мелькнули седые в сумерках ивы, черная громада замка стремительно приближалась.

Вот под ним уже пятиугольник двора, озаренный пламенем костров. Грубые зычные голоса, смех, ржание лошадей, скрип колодезного ворота, лай и грызня косматых тощих псов, дерущихся за объедки, лязг железа, глухое уханье молота, доносящееся из кузни – все звуки слились и смазались. Не зрение и слух, хоть и невероятно обостренные, а некое томительное чувство, похожее на тревогу и тоску, вело его к цели.

Мощные стены совсем гладкие: камни так точно отесаны и уложены, что между ними не просунуть и самого тонкого лезвия. Время и зимние бури не выветрили – ни одной неровности, зазора, трещины. По такой стене не подняться на ножах. Но птицам толщина и высота стен – не преграда. Ворон медленно кружил, отыскивая подходящее окошко или бойницу наверху башни с северной стороны.

Факелы не освещали узкие коридоры, слепили и чадили, скорее мешая ориентироваться. Где– то тут должен быть зал

– стражники, прислонив к стене гизармы, негромко переговаривались, передавая друг другу флягу и потирая озябшие руки.

Он ушел выше, во мрак, стараясь проскользнуть незаметно. Из зала доносились мужские голоса – низкий, приятный, но странно лишенный интонаций и другой – визгливый, истеричный. Эилис молчала, но была здесь.

В огромном, бархатном от копоти портале камина из когда-то белоснежного далоросского мрамора горело целое бревно, и красные блики плясали на подлокотниках и изголовье трона черного полированного дерева – причудливая резьба, но фигур не разглядеть. Над тронem висел щит, и свет пламени иногда выхватывал из темноты детали герба хозяина замка – черная виселица на желтом поле. Над виселицей ворон, смотрящий направо, разверзший клюв в крике, предвкусает поживу. Треск в камине, бревно сдвинулось, рассыпая сноп искр – новый блик осветил правое поле герба – золотой серп, острием вверх, и над ним второй ворон, держащий что-то в когтях, смотрит налево, на своего собрата.

На троне черноволосый мужчина с острыми и хищными чертами лица, впрочем, породистого и по-своему красивого, издевательски улыбался, глядя на волосатого верзилу в одних коротких исподних штанах, который, несмотря на далеко не жидкую комплекцию, кричал истерическим фальцетом, сопровождая свои жалобы бурной жестикуляцией, которая так же не вязалась с его обликом. На каменном полу на

коленях перед ними стояла перепуганная девочка лет десяти-двенадцати, а чуть в стороне, напряженно всматриваясь в лица мужчин, кусая губы, застыла исхудавшая Эилис.

Сердце птицы не замирает и не бьется быстрее. Птицы не плачут. Они спокойно садятся на верхнюю балку и равнодушно наблюдают за людьми...

– Ты еще смеешься?! И это лучший друг, с которым мы сражались плечом к плечу. Она же специально плеснула кипятком! Искалечила меня! У меня уже волдыри! А если останутся шрамы?! На ногах?! Ну, позволь хотя бы выпороть, если нельзя ... душу отвести...

– Как ей удалось? Смышленая малышка.

– Я велел вымыть мне ноги, опустил их в таз, а она прямо крутым кипятком, мелкая стерва! Плеснула хладнокровно, дрянь! Я теперь ходить не могу!

– Да не верещи, Дирк. Ходить можешь, если притащился с ней сюда. Тебя, вроде, не на носилках несли.

– Чо ты распустил своих сучек?! Пальцем не тронь. Я всего – то хотел пощупать, может там... что уже выросло, а она вырвалась. И толкнула меня, паршивка! Я ее за ухо покрутил и вот – затаила злобу, как собачонка.

– Кажется, у тебя ноги обварены, а не мозги. Я же не велел трогать ребенка.

– Да я почти что и не трогал... А ты детей любишь, чего нельзя – то ее?

– Не твое дело.

– Знаю я... Колдун ты, Сиверт.

– А знаешь ли ты, мой дорогой, чем отличается лучший друг с языком от лучшего друга, с которым бок о бок и плечом к плечу... но без языка? Второй не может голосить, так что у колдуна уж голова разболелась. Нет, визжать, пожалуй, может. Но не болтать, чего не следует.

Ладно, не ори. Можешь ее высечь. Но приятеля своего держи в штанах. Эти девки – мои.

– Я большую-то и вообще не... Она сама за нами увязалась со двора: «Отпусти ее, отпусти!» И за руки хватать! Наглая тварь. Умеет улаживать лерда, раз волю такую взяла?

– И опять же дело не твое. Проваливай, Дирк, забирай девчонку. Розгами можешь, плетью – нет. Эилис. Давно тебя не видел. Пряталась? Ведь знаешь, это бесполезно, ты умная крошка. Сейчас они уберутся, а ты напомнишь мне, за что же я тебя ценю...

Дирк! Исчезни.

Дирк – внешне вылитый тролль – схватил девочку за плечо и, продолжая возмущенно разглагольствовать, но уже невнятно, сам с собой, потащил к дверям. Эилис сделала движение к ним, но опомнилась и умоляюще посмотрела на лерда.

– Милорд Гелевин, пожалуйста, пусть он отпустит Анну-Ми. Я сделаю все, что пожелаете, она ведь только ребенок, верно случайно ошпарила... прошу вас, пожалуйста, не позволяйте ему...

– Да ты и так сделаешь, Эилис, что я пожелаю, куда денешься. Ничего, от розги ни один ребенок еще не умер. Ее жизни и непорочности, которые мне потребуются ...через некоторое время, ничто не угрожает.

– Что ты собираешься сотворить с ней, ответь, Сиверт Гелевин! Христос и Матерь Божья не допустят... Говорят, ты убиваешь? Это правда?! Ты ведь тоже крещен, неужели не страшишься ада?! Ты и впрямь черно книжник?!

– О... – Сиверт поморщился и потер виски – Вы что, сговорились? Ты решила проповедовать, как святая Перепетуя? А знаешь, милочка, что с ней произошло? Или ты думаешь, моя головная боль избавит тебя от повседневных приятных обязанностей? Ты и впрямь что-то осмелела. Но не беда – сейчас я займу твой ротик так, что станет немного неудобно задавать вопросы. Совет: ведь ты знаешь, к тебе одной я питаю слабость, рыжая кошечка, избавься от любопытства – дурная черта. Ну, разве ты претендуешь на мученический венец, подобно святой Фелиции или, к примеру, святой Агате? Очень полезно для христианки почитать, как закончили эти украшенные всяческими добродетелями, пламенно верующие, но наделенные беспокойным нравом девы. Пока заткнись и сядь сюда! Я расскажу тебе. Такое странное настроение... А ты уверена, что хочешь услышать мой рассказ, Эилис?

Видишь этот щит? На правом поле – герб моего прадеда Вортигерна Галевина. Но все, кто хоть сколько-нибудь

близко сталкивался с ним – его несчастные крестьяне, солдаты-наемники у него на службе, товарищи по оружию или побежденные на поле боя – считали, что его прозвище – Ворон – подходит ему много лучше. Он, в начале карьеры не имея большого количества людей, предпочитал нанимать отчаянных и безжалостных мерзавцев, каких только можно было сыскать, и во главе этой банды сам нанимался биться в жестоких войнах. Если они проигрывали сражение – прытко бежали, не беспокоясь о чести и оставляя раненых товарищей врагу на расправу. Но такое редко случалось. Вортигерн Ворон был сильным и умелым воином и людей себе подбирал под стать.

Когда сражение было выиграно и люди короля уже прошли, собирая трофеи, на поле боя оставался только Вортигерн со своей командой мародеров. Они словно стая воронья кружили над убитыми и ранеными подбирая то, что проглядели, или чем побрезговали прочие. Иногда «вороны» затевали драки, не поделив какую-нибудь не слишком ценную вещь, и на трупы снова лилась кровь. Молодчики Вортигерна не смущались отрезать раненым пальцы ради перстней, отрубать руки, чтобы ловчее содрать доспех, словом, всячески глумились над мертвыми и мучили еще живых.

Они ловко и быстро сооружали на поле виселицу, на которую Ворон вздергивал тех, кто пытался утаить найденное золото, которое, как он считал, безраздельно принадлежало ему и раненым, бывших в сознании. Просто для развлечения.

Любимого развлечения. Не то, что я, правда? Ты ведь знаешь, какие забавы мне больше по нраву и уже пообвыкла, хоть по-прежнему заливаешься слезами. Впрочем, я люблю твои слезы, Эилис...

Нет ничего удивительного, что Ворона проклинали множество раз. Ведь он себя не стеснял манерами и со своими сервами. Разорял крестьянские дворы дочиста, а когда причитавшейся ему платы все же взять не удавалось, неплательщиков порол, а злостных должников вешал, избы их горели ярко – прочим в назидание. Ну, а если мужик пребывал в лучшем мире, мог наказать и вдовицу и девицу. Порядок превыше всего, не так ли?

Видно проклятия подействовали – род Вортигерна Гелевина после его смерти нишал, скудел и хирел поколение от поколения. За свои победы Ворон получил достаточно земли и несколько замков, но наследники умудрились спустить все имущество, кроме этого самого – где мы сейчас с тобой и предаемся беседе, крошка. Родовое гнездо Ворона. А в старом гнезде не бывает чисто.

Хуже всего проклятия сказались на самих потомках Гелевина. Сыновья и внуки рождались хилыми, хворыми и полностью лишенными воинственности. Не было больше среди них славных бойцов или хотя бы авантюристов. Жалуясь на слабое здоровье, словно уксуса напившись, просидели век свой дома мой дед и отец. Они, подобно жидам, пытались прирастить капитал, хоть христианам это и запрещено,

да молились. Тщетно. Доблесть, удача и достаток покинули нашу семью.

Я же появился на свет и вовсе уродом. Да, не удивляйся. До пяти лет не мог ходить, был весь перекошен, руки и ноги скрючены, голова сплюснута и вытянута, зубы росли вкривь и вкось и торчали наружу. Я был страшно худ, а изо рта у меня так дурно пахло, что даже родная матушка отворачивала от меня лицо. Моя единственная сестрица прогоняла и жестоко щипала меня, если я приставал к ней с просьбами поиграть, отец не скрывал разочарования и досады – ведь он, хоть и сам был мужчиной щуплым и никчемным, все же надеялся на появление нормального наследника. Хвалил меня только учитель, жалея, однако, что успехи я делаю лишь в грамматике и философии, со страстью проглатывая фолиант за фолиантом и на греческом, и на языке франков. Он бы желал, чтобы я овладел и другими благородными искусствами. Но, ни ездить сколько-нибудь прилично верхом, ни, тем более, охотиться и сражаться, или принимать участие в турнирах я, конечно, не мог. Лютию тоже быстро возненавидел – сведенные слабые пальцы не слушались. Да я и не понимал музыки. Она, вроде, должна вызывать какие-то чувства, о чем-то рассказывать, рождать настроение?

Вот с этим – то и была главная сложность. Настроение у меня почти всегда было скверное, то, что называется «раздражительная слабость» и переменить его к лучшему могла только новая упоительная история – сказка или баллада. Я

жадно слушал, когда на праздник в замок являлись барды. Признаюсь я и сейчас питаю слабость к подобному времяпрепровождению. Только вот что-то никто больше не решается заходить... Ну, на худой конец, полкувшина молодого game. От него тянуло в сон и наступало подобие умиротворения.

Из всех человеческих чувств во мне в то время преобладала обида – на судьбу и родителей, сестру, учителя. Сестру я потом выдал замуж за... неважно, не о ней речь, просто подвернулся отличный случай отомстить... Ну, и зависть к сильным и красивым молодым людям, яростная, бессильная злоба и вожделение к женщинам, которое я не надеялся удовлетворить. Мне было тошно от себя самого. Какая уж тут музыка и стихосложение...

Мои родители были набожны. Но мне Христос казался таким жедохлым, пресным, скучным, бесполом, немощным уродом, как и я. На исповеди я, обыкновенно, лгал и передразнивал духовника, притворяясь совершенным святошей.

Я с утра до вечера без дела слонялся по замку, жевал сладости, чесался, покрываясь от них мокнущей золотухой, расковыривал прыщи, грыз до мяса ногти, дробил в темных углах и мечтал о подвигах, сражениях, славе и любви. И завидовал, бесконечно, безумно завидовал героям саг и баллад, всех этих битв, плаваний и путешествий. Я понимал, что этого не будет в моей жизни никогда, и такого скверного ни одна женщина не полюбит.

В жестокости я тоже не нашел удовольствия. В детстве из любопытства, конечно, мучил щенка и убил нескольких птиц и кроликов. Но мне не понравилось. Они были слишком глупы. Не могли понимать и чувствовать как люди. Другое дело кони и большие собаки. Но эти существа не так безответны.

Однажды, конюх слабо затянул подпругу на брюхе моей лошади, и я упал. Отец предложил мне самому назначить наказание слуге. И я, наконец, понял, что мне нравится. Власть. С равным успехом отец мог предложить мне кого-нибудь наградить. Это все равно, понимаешь? И не важно, как ты выглядишь и насколько силен физически.

Вот я теперь красив, а все же ты не любишь и боишься меня. Но все равно сделаешь своими пухлыми, такими невинными на вид губками, то, что у тебя ловко стало получаться. Давай, кошечка, на колени. Прямо сейчас.

Сиверт дернул Эилис на пол и резко надавил на плечи. Впившись в ее лицо потемневшим давящим взглядом, он дернул завязку штанов. Внезапно откуда-то сверху на его голову обрушился с хриплым криком крупный ворон и, вцепившись когтями в роскошный бархат на груди, ударил крепким клювом в лицо. Мужчина закричал и попытался отодрать птицу, но это было непросто – ворон держался крепко и наносил точно рассчитанные удары – в глаз, в переносицу, в лоб. Ловко вывернувшись из рук впавшего в панику Сиверта, ворон взмыл в темноту, царящую под потолком зала, и растворился в ней.

Лерд Сиверт Гелевин корчился на полу, держась за вытекающий глаз у ног Эилис. Она смотрела на него, молча, не двигаясь. И вдруг засмеялась.

– Знаешь, Сиверт, я вспомнила одну пословицу. Может она некстати – я ведь девушка необразованная. У нас говорят: «Выкорми ворона и он выклюет тебе глаза». С вашего разрешения лерд, мне кажется, сегодня вы более не нуждаетесь в услугах...

Бренна

Бер пропал где-то вторые сутки. Асмунд отправился на охоту в темнеющий лес, со мной остался Ренар. Я обрадовалась, когда он присел у костра напротив, и в руках у него была арфа.

– Ты знаешь, как появилась ирландская арфа, Бренна? Одна женщина уснула на берегу моря и услышала во сне странные чарующие звуки, словно сотканые из летнего неба и бликов в кроне ясеня, плеска соленых волн и скользящих теней чаек... Это ветер пел в костях мертвого серого кита, исторгая звуки там, где сухожилия натянулись между ребрами. Она рассказала мужу, и он создал по подобию первую на свете арфу.

Этот инструмент столь необходим, что по Старому закону за долги можно отобрать любую вещь, кроме арфы, именно поэтому ее часто украшают золотом и камнями.

– У тебя тоже прекрасная – необычная, хоть на ней нет

драгоценных украшений. Выгнутая передняя колонна похожа на ствол и переплетенные корни одного из Великих Деревьев Эйрин. Гладкое отполированное дерево так красиво само по себе. Ты сыграешь для меня, Лис?

– Конечно, наша радость. И не только... не все же одному Асмунду тешить тебя ... историями. Кстати, есть другая версия: первая арфа – конечно волшебная, принадлежала самому богу Дагде. Ее похитили фоморы, но она не издала в их руках ни звука. Им ничего не оставалось, как только повесить ее на стену в роскошном дворце своего короля как немой и бесполезный трофей, но достаточно Дагде со своими друзьями было позвать ее – она запела и прилетела прямо к нему в руки, убив по дороге девятерых врагов.

Ренар, с лукавой улыбкой поймав мой взгляд, нежно провел рукой по отполированному дереву и опустил руки на струны. Сыграл сперва рил, наверняка подслушанный и подсмотренный им у своих друзей фейри – это сразу показало уровень его мастерства, ведь рил – не самый простой для исполнения на арфе танец, учитывая его бешеный темп, а затем заиграл начало баллады о жестокой сестре.

– Спой мне, девочка, – попросил он, взглянув на меня как-то хитро и немного... хищно, совсем по-лисьи. Это ведь для женского голоса.

– Прости, Ренар, но я не могу...

– Не можешь спеть?

– Понимаешь...у меня не получается...больше. И я не

люблю эту балладу. Она про жестокость, горе и смерть. В детстве я не понимала и мне нравилось. Я тогда еще могла петь, смеяться.

– Да?.. Почему ж теперь не получается?

– Ну...я не знаю...не хочется и нет голоса.

– Ты знаешь, почему, Бренна.

– Да, Ренар. Но тут уж ничего не исправишь. Я теперь другая, на мне словно...панцирь.

– Словно панцирь? Как доспехи?

– Нет, скорее как у кожистой морской черепахи...или грубая кора старого дерева. Я не могла даже крикнуть...

– И не можешь петь и громко крикнуть до сих пор?

– Да... У меня такое чувство, что где-то там в горле очень глубоко...серый плотный комок. Словно я проглотила морского ежа. Ну это уже давно, я привыкла. Сыграй лучше что-нибудь другое...

Ренар кивнул, подумал и начал красивую сложную мелодию. Музыка вызывала образы колеблющихся зеленоватых болотных огней, движения прозрачных, бледных в жемчужном свете луны женских силуэтов. Это мог быть хоровод русалок, ведущих плавный танец в высокой сочной траве, под холодными звездами, сияющими над россыпью островов посреди широкой медленной реки... Мне стало зябко и немного закружилась голова, я вдруг почувствовала тревогу, словно моя душа могла заблудиться среди этих островных луговин, и быть захвачена, унесена медленным кружением, блес-

кучим коварным изгибом течения. Но, к счастью, Ренар перестал играть. Он отложил арфу и, подсев совсем близко ко мне, взял за руки.

– Бренна. Исправить можно, если ты, конечно, не испугаешься.

Я попыталась отодвинуться и отобрать у него руки, но Лис уже отпустил меня сам.

– Ты не доверяешь мне? И правильно делаешь, детка. Из нас троих доверять разумно только Беру. Он абсолютно безопасен, надежен... Но вот помочь тебе, поделиться энергией, не сможет. Просто не умеет.

Асмунд... Вы сильно нуждаетесь друг в друге. Но он относится к тебе слишком... лично и тоже стремится исцелить свои раны. Беда в том, что... когда у человека образовалась в душе пустота, он хочет прижаться этим местом к кому-то другому, чтобы заткнуть... дыру навывлет. Но бывает так, что у другого – тоже прореха именно на этом месте... Поэтому трудно. Но не безнадежно.

– Мы с Асмундом... ох, я не знаю, Лис. Он... Я никогда... ни с кем теперь не буду.

– Просто не надо торопиться. И, хотя вы с Асмундом еще причините друг другу достаточно боли, я уверен, вместе вы найдете подходящее убежище от ваших кошмаров. Так что, рискнешь попробовать?

– А что... ты собираешься делать?

– Точно ничего такого, о чем ты не смогла бы ему расска-

зять. Ну вот, покраснела... Зато могу поспорить, тебе больше не холодно. Хлебни немного – два-три глотка.

Лис протянул небольшую круглую флягу, темную кожу которой украшал тисненый узор – сплетенный в непрерывный замысловатый узел клубок змей.

– А мне разве можно сейчас? Какой-то наркотик?

– Не бойся. Напиток волшебный, но совершенно безвреден. Это диарсах... «сияние».

Я понюхала. Травяной свежий запах, отдающий ароматом пиона... Зажмурилась и сделала храбрый большой глоток. В меня словно пролился полуденный солнечный свет, жаром залил щеки, мягко толкнул в затылок. Я тут же слегка поплыла, но была немедленно поймана крепкими руками Лиса, и у моих губ снова оказалось горлышко.

– Еще глоток, малыш и довольно.

Второй... словно лицом в букет пахучих ярких одуванчиков.

Я послушно проглотила солнечное вино – так мне хотелось назвать этот напиток, и сердце застучало быстрее, кровь прилила к лицу и груди, кожа горела. Напиток не обжигал рот, но мне показалось, что я выпила сам огонь. Все ощущения необычайно обострились, а вот ноги совершенно отказывались меня держать, и я стала медленно опускаться на траву. Ренар подхватил меня и понес к реке.

– Бренна.– Мы с Лисом опустились на откуда-то появившийся плед. И когда он успел его прихватить? – Девочка, ты

готова довериться мне? Я смогла только молча кивнуть.

– Тогда лежи спокойно, постарайся полностью расслабить лицо – все мышцы, веки, губы. Дыши глубоко, животом. Закрой глаза и представь себе безоблачное голубое небо. Теперь яркую белую точку – это птица. Она будет парить и кружить перед твоим взором. Следи за ней, не отрываясь.

Я почувствовала его пальцы на своем лице – Лис осторожно водил по лбу, вискам, векам, скользил по щекам к подбородку – помогая расслабить, словно снимая маску, затем начал легонько массировать нижнюю челюсть, спустился к горлу и остановился.

– Ты как? – я кивнула, не открывая глаз. Лис легонько погладил меня по щеке.

– Сейчас будет немного неприятно. Вспомни самое большое разочарование, обиду в своей жизни. Вспомни страх и боль, которые ты там собрала в клубок... этот самый комок. Где он, покажи мне. – И горло действительно сдавило, начало саднить и я поняла, что не могу произнести ни звука. Предсмертные нечеловеческие вопли, кто-то сипит. Мне ничего не видно, темно, звуки ударов клинков, лязг и женский истошный крик, грохот переворачиваемых совсем рядом скамей. Драгоценный гребень – голубиная кровь, злое лицо Хауга, его жесткие руки, ненавидящий шепот, беспомощность, тяжесть, паника, не хватает воздуха...

– Меня тошнит – с трудом выдавила я.

– Спокойно, Бренна. Теперь садись, смотри вдаль, на тот

остров, дыши носом, глубоко... Я почувствовала, что он поднимает меня за плечи и устраивается за спиной...Его руки разминают и поглаживают мою шею, затылок...Приятно. Мелькает мысль, не слишком ли это все интимно, можно ли позволять вот так касаться... Но она мгновенно пропадает, когда Лис, помассировав нижнюю челюсть, уже заставив меня расслабиться, вдруг буквально впивается сильными тонкими пальцами мне в горло, нажимает – как раз в средоточие напряжения, тот самый серый комок. Желудок скручивают рвотные позывы, я стараюсь вырваться, но Ренар крепко прижимает меня, его голос спокоен, мягок.

– Потерпи, дыши носом. Расслабь шею и горло. Немного больно, я знаю. Не закрывай глаза, будет хуже тошнить. Дыши. Еще...нет, только не зажимайся. Все...все...– Он снова сильно, но осторожно массирует шею, плечи, поглаживает горло и ключицы. Я жадно глотаю дуновение ветерка с реки – Бренна, посмотри на меня! Никакого ежа больше нет. Вставай. Мы еще не закончили.

Лис поднимает меня, озабоченно вглядывается в лицо, пытаюсь поймать мой блуждающий взгляд. Такое чувство, что из меня ... вынули все. Он снова протягивает флягу.

– Один глоток. Ты наша стойкая малышка. Только вот стоишь...не очень.

Глоток диарсаха прогоняет слабость и морок. Я могу стоять ровно и смотреть на Ренара. Но он вдруг оказывается не рядом, а на другом берегу реки. Его фигурка – красный рас-

шитый плащ виден в сумерках, шляпа с ярким пером... нелепая мысль – я теперь знаю, каково приходится курицам в его руках. Интересно, он их тоже уговаривает расслабиться и ободряет, когда душит... Да как он туда попал?!

– Ренар, Лис! – кричу я громко и машу ему рукой. Лис! Зачем ты меня здесь бросил!

Мой голос звенит над рекой, уже укрытой ночным туманом. Сладкий воздух вливается в легкие так свободно. Что он сделал? Боже, я и не замечала, что все это время с той ужасной ночи не дышала нормально, привыкла к полузадушенному состоянию. Сдавленные, слипшиеся связки не давали свободно говорить, не то, что петь.

– Ренар! Эй! – Кричать так приятно. – Лис!!!

Кто-то обнимает меня за плечи, горячее дыхание обжигает шею.

– Все же ты безумно вкусная, соблазнительная малышка.

И он вдруг лизнул необыкновенно длинным тонким языком какое-то чувствительное место у меня за ухом, от чего все тело пробило сладкой молнией.

– Придурок, Лис. – Я изо всех сил толкнула его в грудь. – Как ты напугал меня! Что за фокусы, кто там на том берегу?

– Да никого там нет, детка. Это простейшая иллюзия. А курочек не уговариваю, если тебе любопытно. Это конечно пугает, но наслаждение острее, если за секунду... до момента истины чуть крепче придушить. Хочешь, попробуем? Давно раздумываю, может надурить Асмунда и забрать тебя се-

бе, что скажешь? Он такой зануда, тебе с ним будет скучно.

– Я люблю скуку.

– Тогда давай спать. Ведь нет ничего скучнее, наша верная малышка.

Он протянул мне плед и подбросил сучьев в костер. Потянулся за арфой. И запел колыбельную на странном нежном, словно шепчущем языке.

– Что это за язык, Лис? Какой красивый... Никогда не слышала...

– Это польский, девочка. Мне ее пела мама. Очень, очень давно....

– Так ты поляк?

Ответа я не услышала, потому что Лис долго молчал, и я уснула прежде, чем он ответил.

Глава 12.

Сиверт Гелевин сын Колума Гелевина и единственный наследник Каэр Бадх Бран ковылял, приволакивая ногу вдоль самого края моря. Был отлив, вода ушла далеко, и по плотному влажному песку идти было легче, чем по сухому, в котором вязли его тонкие слабые ноги. Он брел, преодолевая боль в левом тазобедренном суставе и колене, прихрамывал, стараясь сгибать его как можно меньше, и разглядывал песок, покрытый комками водорослей, мелкими ракушками мидий, кусочками выбеленного волнами плавника. Он не искал ничего конкретного – просто привык смотреть себе

под ноги – так легче было сведенным мышцам шеи и узких сутулых плеч. Поднять взгляд его заставил храп, фырканье лошадей и шорох колес по мокрому песку – с ним поравнялся удивительный, невиданный в этих краях экипаж. Круглый закрытый кузов на высоких колесах, изящный, покрытый красным лаком, со ступеньками для крохотных ножек под дверцей, мягко покачивался на ремнях. Его легко катила четверка коней светло-серой масти, красноухих и красноглазых. Такой породы лошадей он тоже не встречал. Сиверт застыл в изумлении, и экипаж немедленно остановился рядом с ним. Из маленького окошка выглянула белокурая головка прехорошенькой юной девушки, которая с любопытством посмотрела на него, не понимая причины остановки. Но она тут же исчезла в глубине кузова, будто ее неожиданно и грубо дернули, а в окне показалось совсем другое лицо, круглое, морщинистое, словно обтянутое сухим желтым пергаментом, с приплюснутым коротким носом и маленькими карими глазками, выдающими скрытую злобу за приторно сладким выражением лица. Большая лысоватая голова старухи вертелась на непомерно длинной тонкой шее, как тыква на колу.

– Молодой Гелевин? – проскрипела голова – ты медленно ходишь, не поспеешь за нами, а надобно торопиться, солнце садится и благоприятный день закончится, несчастный ты калека. Лови яблоко, подкрепи силы. И она уронила к ногам Сиверта золотое яблоко. Он не ожидал и, конечно, не пой-

мал его. Яблоко словно мячик пружинисто подскочило, едва коснувшись песка, и быстро покатилося от Сиверта вдоль кромки прибоя. Юноша бросился его догонять. Яблоко убежало от него как живое – катилось все быстрее, и все быстрее и легче бежал за ним Сиверт. Он не смотрел по сторонам, не осознавал, что больше не чувствует боли, суставы стали подвижными, оставила его и всегдашняя одышка, и даже сердце не ныло, а в боку не ломило от мучительного колотья, как всегда, когда ему приходилось пробежать хоть немного.

Яблочко вдруг закрутилось и покатилося от побережья по дюнам и дальше – в лощину, сквозь высокую траву, прямо через заросли орешника и на дорогу... Он бежал необыкновенно быстро, и уже почти настиг беглый манящий плод, как взметнувшийся ниоткуда столб пыли закрыл от него весь мир, запорошил глаза. Когда Сиверт протер их и, наконец, смог открыть, яблоко исчезло, а он находился в совершенно незнакомом месте.

Он стоял в кольце невысоких холмов, поросших белым, плотным как ковер вереском. Дорога здесь заканчивалась, обрываясь прямо в бескрайнее болото. Видно, когда-то она продолжалась деревянной гатью, которая теперь прогнила, затонула и совершенно скрылась под зловонной зеленью.

– Ну, наконец! Долго же ты ковылял сюда, жалкий хромоножка.

У подножия холма стоял тот самый красный экипаж, а рядом с ним его поджидала старуха, крепко придерживав-

шая за локоток златокудрую барышню. Девушка с изумлением озиралась и теперь выглядела сбитой с толку и перепуганной. Сиверт, наконец, смог их полностью разглядеть. Ведьма – высокая и жилистая, закутанная в плащ из дорогого тонкого сукна в черно-белую полоску, обильно расшитого непонятными знаками, стояла, кренясь на один бок. Сиверт догадался, что одна нога у нее короче другой. Голову старухи плотно охватывал красный парчовый платок, полностью скрывая волосы и уши, но на секунду юноше показалось, что под платком что-то шевелится.

Платье девушки было новым и нарядным, подол вымаран в грязи, а в кудрях застряли сухие листья, веточки и налипла паутина, словно она долго блуждала по бурелому.

– Сегодня замечательный день для вас двоих, молодой лерд Гелевин. Тебе исполнилось двадцать, а ей сровнялось семнадцать – время весны для мужчины и женщины. Ты ведь мечтал о том, чтобы прекрасная дева отдала тебе свое сердце, не так ли, Сиверт? Ты готов принять дар? Что, язык от радости проглотил, мальчик? Отвечай!

– Да... готов... э... леди.

– Ну и славно. Эта дурочка тоже высказала в недобрый час желание отдать свое сердце благородному лерду. Правда, подозреваю, что вы оба имели в виду не совсем то... – губы ведьмы изогнулись в мерзкой ухмылке.

– Ты хотел, чтобы тебя любили, Сиверт? Но, когда понял, что ни одно живое существо не питает к тебе искрен-

них чувств, кроме гадливости и жалости, а ты ведь и сам не любишь никого, кроме самого себя, – то немного изменил свои предпочтения. Убогий мальчик узнал, какова власть – намного более яркий и манящий вкус, забыть его и отказаться... нет, конечно, нет.

Но, формально, я обязана предложить тебе выбор: любовь девушки, и все останется как прежде. Ты – слабосильный калека, которому вряд ли удастся произвести потомство. Да и к чему оно – наследовать-то почти и нечего. Род Ворона обесславлен и разорен. Будешь век сидеть с ней в холодном обветшавшем замке на хлебе и воде. Она быстро утратит юность и красоту. И какой из тебя сейчас любовник? Смех.

Последнее слово старуха произнесла, сопроводив его для пущей убедительности скрипучими резкими звуками и обильно обрызгав Сиверта слюной.

– Ты все равно заберешь ее силы и жизнь. Так выбирай, что ты хочешь вызывать в людях: отвращение или почтение, презрение или трепет, жалость или преклонение и страх. Ну!

– Страх и уважение, леди.

– Так дать ей любовный напиток, или ты выбираешь иной дар? Любовь или власть, сила, богатство? Я обязана трижды спросить тебя, Гелевин.

– Сила и здоровье. Власть и богатство – мой выбор леди.

– Я не сомневалась в твоём уме, Вороненок. Женщины и так будут липнуть к тебе как дурные осенние мухи. Возьми.

И ведьма рукой, похожей на желтую птичью лапу, поша-

рила в складках своего плаща и вытащила пузырек из толстого красного стекла.

– Что это?

– Дай девушке несколько капель, я придержу ей голову. Это не любовный напиток, ты ведь выбрал иное. Береги его для других... подобных случаев. Ты ведь не в восторге, кажется, от возни, криков и сопротивления? Пока что тебе и с такой малышкой не справиться, а, Гелевин? Но скоро все изменится... если ты не трус. Вот так, умница. Скоро все закончится, девица. Идемте, милые дети, здесь совсем недалеко.

Старуха подтолкнула девушку к Сиверту, и та спокойно и доверчиво оперлась о его руку. Они, действительно, прошли лишь несколько шагов, огибая поросшие мхом огромные валуны, и их взору предстала гладкая гранитная плита, темная поверхность которой в закатных лучах отливала кроваво-красным.

– Распусти завязки на ее платье и уложи. Следующий раз все будешь делать сам. Освободи грудь. Какая красивая... нравится, Сиверт? Ты, надеюсь, знаешь, где у человека сердце? Быстрый удар острием сюда, – ведьма ткнула костлявым пальцем между молочно-белыми маленькими, но округлыми грудками. Чуть левее и ниже. Серп держи крепко в этой плоскости, иначе лезвие упрется в ребра или застрянет. Надрез делай аккуратно, но резко и сильно. Она теперь почти не почувствует боли.

Ведьма вложила в руку Сиверта золотой серп и сделала его рукой нужное движение.

– Давай. Ты должен сделать это сам. Докажи, что ты – не трус.

Все произошло на удивление быстро и легко. Девушка коротко вскрикнула, ее глаза широко распахнулись и закрылись, а тело распласталась на холодном камне.

– Ты действительно достоин силы, юный Гелевин – похвалила ведьма. Теперь приложи ее сердце к своему. Оно еще трепещет? Просто прижми к коже.

– Как? Куда оно... делось?

– Оно теперь бьется в твоей груди. Завтра ты проснешься в постели и не сразу вспомнишь произошедшее здесь – словно это был сон. Но тебе будет радостно, как в детстве в первый день длинного жаркого лета. Захочется вскочить и бежать босиком на двор. И еще кое-что будет в новинку... – Ведьма снова мерзко хихикнула. – Так бывает у всех здоровых молодых мужчин.

Можешь снять со стены зала меч Ворона и начать тренировки с лучшими бойцами края. Меч прославит тебя и сделает богатым. Тем, чье имя внушает трепет. Тем, кого не сразит рука мужчины. Да-да. Тебя не убить оружием, оно рассыплется в прах. Ни один воин не сумеет одолеть тебя в бою. Но помни – источник твоей силы – этот серп и сердце девы. Через три, шесть и девять лет ровно в этот день обряд необходимо повторить. Серп спрячь, а тело брось в болото.

Никто и не удивится – тут полно волков, заблудившиеся девочки редко благополучно возвращаются домой. Однако, ты достаточно умен, чтобы не охотиться в собственных владениях. И, конечно, знаешь, что за все нужно платить, не так ли, молодой лерд Гелевин?

Ведьма вдруг оказалась совсем рядом и дунула ему прямо в лицо. словно холодный смрадный вихрь закрутил Сиверта, и все исчезло.

* * *

Бер, устроившись в тени лещины, тесал деревянную острогу для охоты на жирных сомов, водившихся в здешней медлительной заросшей речушке. Из их сладкого мяса получалась наваристая уха– все ели так, что за ушами пищало. Когда он увидел медленно бредущую к нему Бренну в совершенно в мокром, облепившем ее платье, чуть скармасакс на ногу не уронил. Лицо бледное, губы дрожат. Остановилась, не дойдя, скрючилась, руками поддерживая тяжелый живот. Бер бросился к ней.

– Бренна! Ты что, упала в реку?!

– Когда вернется Асмунд? Они ведь очень скоро должны, ты говорил, может сегодня...

Бер. Ты принимал когда-нибудь роды?

– Один раз помогал. У домашней лосихи, когда был мальцом... Ты что?! Тебе плохо?!

– У меня ужасно ломит поясницу и временами охватыва-

ет боль, опоясывает... сильная снизу. Наверное, это схватки и есть... Из меня вдруг хлынуло что-то, мне показалось, вылилось целое ведро. Хотела вымыться, но оступилась. Все равно уже намочила блию, а в воде почти проходит...

– Так. Пойдем в шатер, переоденешься. Как же...вроде же не должна еще. Давай, помогу, подними руки...

– Я умру.

– Боги! Что ты, конечно нет, малышка наша! Часто хватывает?

– Пока не очень. И еще ведь рано. Слишком рано – должно быть после Ламмаса. Может еще пройдет само? Может просто так... Пройдет, конечно.

– Ложись в шатре и просто спокойно полежи. Хорошо? Я отлучусь ненадолго. Здесь рядом живет знающая женщина. Только не пугайся, она выглядит...ну, дико, в общем. Она шаман.

– Я однажды слышала, как у нас в доме женщина рожала. Ей помогали повитуха и Уна. Она так кричала... словно ей ногу отпиливали. Но мне не так уж больно. Только приходи поскорей, Бер. Я боюсь. Вот если бы Уна была здесь... А ты не можешь... сам? Может не надо никого звать?

– Бренна, я очень быстро вернусь. Делга хорошая. Вот так, удобно тебе? Просто лежи. Только не надо плакать, ну ты что?! Я мигом.

Сенешаль Каэр Бадх Бран Седерик, а по тайному прозвищу, данному слугами – Бородавочник, грузный мужчина, одетый так тепло, роскошно и неудобно, что даже в прохладных покоях замка ему приходилось пыхтеть и потеть, был с утра смурен и недоволен.

Беспокойное это счастье – быть правой рукой такого сильного лерда. Ведь под началом у тебя не только люди замка, но и мелкие безземельные рыцарьки, принесшие твоему господину оммаж за дополнительный клочок земли – никому ведь не улыбается с голоду подохнуть, верно, господа нищebroды?

Деньги есть у него, власть и уважение подчиненных – все есть. Покоя только нету на старости лет. Хотя какая старость – пятьдесят пять? Женился на двадцатилетней – второе пузо носит довольная дама, взятая за красоту из такой нищеты, что в приданое дали кувшин и тазик для умывания. Но, раньше бывало по коридорам, по лестницам стремительно летал, все успевал, совал нос туда, куда бы и не нужно. Говорил ему констебль, что был постарше и давно уж при должности: «Не чеши там, где не чешется. А где чешется – не расчесывай – само пройдет». Но он во все до мелочей вникал. Интересно потому что, кураж такой... А теперь с утра все тело немеет, суставы ноют, поясница разваливается. Ни нагнуться, ни вздохнуть, ни пернуть, пока не расходишься.

Так еще и расстройство желудка. Сидя на теплом деревянном сиденье в отхожем месте, он думал, что при его должности только тут и можно спокойно отдохнуть. Если бы секре-

тарь записывал его сортирные размышления в книге «Уединенное», почтительные потомки прочли бы примерно следующее:

«Не эта бы чертова пошава с животом, так хорошо б выпить нового вина, закусить не торопясь, в компании коннетабля Эйлиля, побеседовать о его хозяйстве – о лошадях и прочих делах – с умным человеком всегда поговорить приятно. И отведать привезенные для гостыи лерда эти... смоквы с орехами в меду – полюбил теперь сладкое больше баб.

Так ведь не дадут и позавтракать в спокойствии душевном. Идут и идут, как глаза продрали! Ничего не могут сами, дети что ли малые?! Да еще принес вчера дьявол филида этого рыжего в компании здорового отигнира. А что, скажите не отигнир? Одет по-датски, а меч его вы видели? Вот и я такого до сей поры не видел. Такого и у лерда Гелевина в оружейной нет. Это очень дорогое оружие, ясно вам, деревянщина. И что им надобно? Хочет филид исполнять перед лердом саги? Ну, хорошо, понятно, хоть для пира не время и повода нет, лерд наш до судорог любит это все по детской памяти – стихи и брэнчание на ирландской лире. А зачем пускать викинга? И оружие ему оставьте, скажи, пожалуйста... Никогда не видел барда с личным телохранителем. Ну, бард, положим, надеется на хороший дар или кошель монет и пожрать-выпить задарма. Ну и послушай его, да и пусть проваливают откуль пришли. Но нет, лерду втемяшилось – собирай малый пир, приглашай людей, вели там, на кухне...

Он-то, говорят, потому никого не боится, что чародейством согрешил. Не убить его, дескать, смертному мужу... А я вот, добрый христианин, опасаясь чужаков с таким мечом на поясе.

Бродят внаглую сейчас по замку, вроде пьют и девок щиплют, а может чего вынюхивают? Дан уже и с охраной поприятельски, приемы с мечом им показывает, а эти водят их везде, без опаски, простаки. Надо сержанту сказать, пусть присмотрят. Нехорошее предчувствие. А лерд, что уж вовсе неслыханное дело – пригласил этого рыжего прямо в личные свои покои, вот прям с утра, в ночном колпаке с ним беседует. Лерд Сиверт Гелевин с голодранцем – арфистом. Веселый, видно, будет пир.

* * *

– Что такое? – шаманка нагнулась к свернувшейся на земле Бренне и заглянула в лицо. -

Ты ползаешь? Делга будет звать тебя серая ящерка? Или маленький желтоухий уж?

– Я просто лежу.

– Надо ходить, не лежать. Почему слезы? Кричать надо, не плакать.

– Я не могу кричать, у меня нет сил.

– Посмотрим. Делга – я. Тебя буду звать надутый бурундук. Смотришь так. Сердишься почему? Ложись на спину. Медведь, вода где? Лей на руки мне. И уходи. Где твой

муж, бурундучок? Что ты жмешься. Тебе ребенка сделал карлик-цверг? Нет? И Делга только пальцами входит в тебя. Два пальца. Так. Будешь лежать, и плакать, и грызть губы. Не родишь сегодня, нет. Разгрызешь губу, Делга будет зашивать костяной иглой. Придет муж, как будет целовать? Дитя маленькое. Когда ты понесла?

– После Йоля, я думаю.

– Тогда ничего. Девочка придет к нам. Делга видит раньше. Хорошо. Девочки лучше живут. Будет злая, как мать. Красивая тоже. Ты плачешь, думаешь, смерть? Нет. Смерть не так.

– У тебя есть что-нибудь от боли? Мне очень...

– Ничего не дам. Боль хорошо. Эту быстро забудешь. Завтра будешь улыбаться мужу. Если перестанешь кусать губу. Но, смотря, какая боль. Много узнаешь сегодня, бурундук. Медведь! Бери ее, води. До реки и сюда, опять до реки. Долго. Я заварю лимонник, клещевину, чистец. Слабые схватки.

– У меня есть калина и тысячелистник, Делга. И сухая гвоздика.

– Хорошо, давай котелок. Гвоздику не надо. После родов будешь поить, чтобы меньше текла кровь. Буду учить тебя, ты годишься, медведь. Плохо рожает бурундук. Нет сил кричать... Когда будет хорошо рожать, в Таре королю заложит уши.

Бер подхватил Бренну под коленки и вынес из палатки. Глядя, как Делга, продолжая ворчать, принялась заваривать

травы и деловито обустроить место для родов, он успокоился. Старая шаманка, конечно, не даст умереть их девочке. Они побрели к реке. Бренна почти висела на нем, временами останавливалась и стонала сквозь стиснутые зубы, а потом тихо бормотала «Богородице». За это время боль отпускала, и им удавалось пройти еще немного. Хождение действительно усилило схватки. Через два часа Бренна уже не молилась, а тихо выла, уткнувшись Беру в грудь. Холодная речная вода, которой он умывал ее красное, заплаканное лицо приносила облегчение, а вот прикосновения, попытки растереть поясницу, только раздражали. Даже когда, страдая от жалости, он хотел обнять ее и погладить по голове, Брена оттолкнула его и зашипела.

– Не трогай меня, Бер, ради Иисуса! Мне так только хуже!

– Зачем ты терпишь? Никто же не слышит, малышка. Кричи.

– Я потом не смогу перестать, лучше не надо. Только бы было все в порядке с ребенком. Делга спасет дитя? Оно же не дозрело.

– Все будет хорошо. Делга зовет, пойдём, солнышко. Она приготовила тебе еще отвара.

* * *

Свет дня, проходя через цветные стекла узких стрельчатых окон, придавал спальне лерда Гелевина необычный вид. Из обстановки в обширном покое был лишь массивный стол

черного дерева, весь заваленный манускриптами и огромная кровать под тяжелым балдахином из вишневого бархата, созданная тем же мастером – мотивы резьбы явно повторяла одна искусная рука. И очень узкий, скользкий, жесткий стул – настоящие пыточные козлы.

Но юноша, одетый в легкую зеленую тунику, так идущую к его глазам, сидел изящно и непринужденно, не слишком почтительно закинув длинную ногу на ногу, покачивая явно дорогой туфель из отлично выделанной золотистой кожи и покручивая в тонких пальцах конец серебряного пояска, так ладно обнимавшего его стройный стан.

Он молчал и ждал, безо всякого напряжения, что скажет хозяин замка, который полулежа на кровати в арабском атласном халате, тянул из стеклянного кубка вино, разглядывал своего гостя и не торопился прервать молчание. Наконец он потянулся к блюду с абрикосами и процедил сквозь зубы.

– Что ж, расскажи, что ты знаешь, но учти, что угодить нам не просто. Мы сами выберем сагу или историю, которую хотим послушать.

– Желаете ли, чтобы я исполнил вам стихи о началах: о волнах завоеваний Эйрин – от Парталона, Немед и Фир Болг, о воинственных девах, ведомых Кессар, о потопе и болезнях, истребивших первых поселенцев, о битвах при Маг Туиред, о том, как были заселены Аранские острова, Мэн и Ратлин? Или вы желаете послушать о великом камне Фал, что издавал вопль, когда на него наступал будущий король,

копье Луга, мече Нуаду и котле Дагды, насыщавшем всех, кто садился вокруг него и оживлявшем воинов, павших накануне в бою?

– Правда, они были после воскресения не очень... Не могли говорить, ничего не соображали, а только убивали. Жуть какая. Нет, слишком длинные повествования. Они всем известны и в них ничего веселого нет.

– Тогда не пожелают ли ваши гости выслушать рассказ о прибытии Туата Де Дананн – не на кораблях, как прочие, явились они на земли Эрин, а на черных тучах по воздуху так, что на три дня покрыли тьмой лик солнца, о войне с форморами, их жестоком и скупом короле Бресе, который стал жертвой первой песни – поношения, исполненной в Ирландии.

«Ничего, кроме пагубы, не будешь ты знать с этого часа» – предложил филид, и посмотрел на лерда в упор. Внезапно взгляд его изумрудных чуть раскосых глазах стал темным, тяжелым. Сиверт вдруг вновь почувствовал эту тяжесть в своей груди, почти удушье. Лишь на миг. Показалось. Симпатичный такой юноша, приятный, вежливый, хоть и видно, что смутить и испугать его непросто. Бойкий. Внешне почителен, но что-то с ним не так.

Лерд промолчал, но хмурился все больше. Он уже почти жалел, что принял этого чем-то неуловимо раздражающего молодого человека. С сердитым стуком поставил пустой кубок и не сделал жеста, разрешающего отроку приблизиться и

наполнить кубки вновь. Но рыжий филид и бровью не повел.

– Или вам интересно услышать о союзе Луга с Морриган, Бадб и Махой, чья магия обрекла великанов-фоморов гибели? Могу спеть о страшном оке Балора, которое лишало вражеское войско силы, и было столь смертоносно, что лишь на поле битвы, рискуя жизнями, приоткрывали его четыре воина, поднимая огромное веко?

– Нет, это рассказ не для мирного пира. Не пристало слушать нам о выколотых глазах и отрубленных головах. И он непроизвольно потерял левый глаз – как будто немного опухший. Давай что-нибудь другое.

– Ну, может тогда о явлении людей – сыновей Миля и битве с Туата при Аморген – о населении сидов, островов и волшебных мест под землей племенами богини Дану, так как потерпели они от прибывших на остров людей поражение?

– Ты действительно наизусть рассказываешь «Книгу захватов Ирландии»? Целиком? Но это не годится. Это все равно, что библию начиная от Авраама пересказывать. Надо что-то увлекательное и не слишком длинное. И не предлагай изложить нам от доски до доски «Старины мест» и «Книгу Бурой Коровы». Хотя «Похищение Быка...», конечно, поживее... Где тебя обучали? Как твое имя, филид? И твоего наставника?

Молодой человек помолчал, облизнул длинным острым языком тонкие губы, совсем по-лисьи, откинул назад голову, потряхнув огненной шевелюрой, и продекламировал:

– Множество форм я сменил, пока не обрел свободу;
Я был острием меча – поистине это было;
Я был дождевою каплей, и был я звездным лучом;
Я был книгой и буквой заглавную в этой книге;
Я фонарем светил, разгоняя ночную темень;
Я простирался мостом над течением рек могучих;
Орлом я летел в небесах, плыл лодкою в бурном море;
Был пузырьком в бочке пива, был водою ручья;
Был в сраженье мечом и щитом, тот меч отражавшим;
Девять лет был струною арфы, год был морскою пеной;
Я был языком огня и бревном, в том огне горевшим.
С детства я создавал созвучия песен дивных;
Было же лучшим из них сказанье о Битве деревьев,
Где ранил я быстрых коней и с армиями сражался,
Где встретил страшную тварь, разверзшую сотни пастей,
На шее которой могло укрыться целое войско;
Видел я черную жабу с сотней когтей острейших;
Видел и змея, в котором сотня душ заключалась.
Я видел в Каэр-Невенхир, как бились за власть деревья,
Как барды слагали песни, как воины шли в сраженье,
Как Гвидион вверх поднял свой тонкий волшебный
жезл...

(перевод В.В. Эрлихмана)

Голос его звучал глуховато, но четко, ритм завораживал, словно затягивал под сень тенистого влажного леса, приглашал прилечь на бархатный темный мох, посмотреть на пере-

ливы бликов листвы, закрыть глаза под мерный шум ветра в кронах и шелест темного ручья... Внезапно лерд Сиверт осознал, что его гость продолжает чтение на языке Дивного народа и поспешил стряхнуть странное оцепенение.

– Кад Годдо – Битва деревьев из сборника песней Талиесина? Это много лучше. Но ты не ответил, бард. Я не привык к такому отношению.

– Светлейший лерд. Поверьте, я не хотел бы проявить неуважение и сознаю, что мой отказ назвать себя – непозволительно дерзкая выходка. Но вы же понимаете, что святая церковь, верным сыном которой вы являетесь, жестоко карает друидов, не отказавшихся от своей веры и занятий и не одобряет выступлений филидов и бардов, признавая произнесение стихов, саг и исполнение музыки формой магии. В замке есть капеллан...

Но если вам нравятся валлийские тексты, то из стихов Талиесина мне особенно приятно будет рассказать историю Керидвен и ее уродливого сына Афагдды, самого омерзительного монстра на свете. Она решила сделать его хотя бы мудрым, сварив в котле волшебный напиток, предоставляющий вселенское знание и поэтическое вдохновение. Смесь должна была вариться в течение года и дня. Следить за котлом Керидвен поручила своему второму сыну Гвиону Баху. Первые три капли жидкости из этого котла могли дать мудрость; остальная часть варева была смертельным ядом. Гвион Бах помешивал зелье, дабы оно не пригорело, и случайно обва-

рил большой палец как раз тремя каплями этого напитка. Гвион Бах от боли сунул палец в рот и сразу получил всю мудрость и знание, предназначенные чудовищному братцу. Мамаша Керидвен рассвирепела и начала преследовать его. Спасаясь, Гвион превратил себя в зайца, а Керидвен стала борзой. Затем он стал рыбой и нырнул в реку, она превратилась в выдру. Он превратился в птицу, она стала ястребом. Наконец, он обернулся малым зёрнышком, а она – курицей и съела его. Однако он пророс в ней и Керидвен забеременела. Плодом в ее чреве стал Талиесин. Хорошая матушка избавилась от него, бросив в океан, но он спасся на уэльском берегу, и с тех пор он стал величайшим из валлийских бардов всех времён.

Особенно мне нравится в этой истории то, что мерзкий урод-то все же остался таковым и никакой мудрости и волшебной силы не получил.

А не позволено и мне спросить, господин? Я вижу на стене, среди драгоценного и явно славного оружия золотой серп... Семейная вещица? Немного странно, что орудие сельского труда, более сподручное женщинам ... Это его изображение я видел на вашем щите? Не благоволит ли лерд удовлетворить мое любопытство?

– Даже не подумает. «Любопытство сгубило кошку» – говорят в Британии. От души надеюсь, неподобающий вопрос ты задал просто по глупости. Ладно, говори, что знаешь еще.

– Могу поведать о состязаниях Луга и трех волшебных

мелодиях, сыгранных им при дворе Нуаду в Таре: первая погружала в сон, вторая заставляла смеяться, а третья – плакать и ...

– Да, давай-ка сыграй, раз к слову пришлось, на арфе, покажи свое искусство. Арфа у тебя чудесная. Где приобрел, а бард? Ты сам полон загадок. Посмотрим, сумеешь ли исполнить такой джиг или рил, чтобы мои подвыпившие молодцы, наплясавшись, остались на полу.

Юноша поклонился, благоговейно высвободил из обширного холщевго кошельа удивительной красоты арфу-айне и легко, едва касаясь, пробежался пальцами по струнам. Улыбнулся и чуть подвернул колки.

– Желаете романтическую балладу или энергичную песню, которую ваши люди подтянут, а может быть красивый быстрый танец?

– Давай, что хочешь, много вопросов, певец. У меня сегодня есть и другие дела.

Юноша начал наигрывать «скользящую» джигу – его длинные пальца легко и стремительно перебирали струны, удивительное звучание драгоценного инструмента как нельзя лучше раскрывалось в этом просторном, почти лишенном мебели покое. Но не хуже эта джига звучала бы на росистом лугу, ведь подслушана она была у арфистов Доброго народа в самую короткую и светлую ночь года. Затем юноша без перерыва сыграл песню Ога О' Туама и известную народную бретонскую – о молодом принце, а затем – печальную бал-

ладу о безответной любви, которая заставляет людей совершать в отчаянии нелепые и бессмысленные вещи.

Лерд Гелевин никак не прокомментировал его игру, но подумал, что этот юноша, возможно, сам и есть Луг. И он не сможет отказаться от наслаждения слушать его всю ночь. К дьяволу тревогу и непонятное муторное ощущение в желудке. К дьяволу сердцебиение и давление в груди. Со вчерашнего дня. Когда видит его. Наверное, просто приболел. Ну, может же он заболеть, как все люди? Нет, Сиверт Гелевин болеть не может. И умереть, как все люди не может. А о чем тогда беспокоиться?

Бард, дождавшись удовлетворенного кивка, спрятал инструмент и продолжил перечислять свой репертуар, поразительно широкий для такого юнца.

– Быть может, тогда о шутовстве Дагды? Когда он угощался кашей из чудовищной ямы?

– А сам ты, певец, отдашь ли должное доброй еде на этом пиру и сможешь ли осилить настоящее угощение? А потешить нас веселыми историями немного э... вне традиции и показать ... как бы небольшие магические фокусы?

– Если только мой друг поможет мне. Ведь ему будет позволено сесть со мной и присоединиться к праздничной трапезе? Тогда хорошо подойдет рассказ о волшебном острове Эмайн Аблах, на котором правил верховный король сидов Мананнан, где нет старости и смерти, и его чудесных свиньях, которые могут быть убиты, приготовлены, чтобы по-

служить для воинов доброй пищей, а на другой день снова ожить и вновь быть зажаренными к вечернему пиру?

– Это можно к третьей перемене, когда вынесут свинину. А что, этот мрачный викинг твой ассистент при исполнении фокусов? Забавно.

– Нет, мой лерд. Только в поедании свинины и заливании в глотку доброго бреинбиира или любого хмельного напитка, которым вы благоволите нас угостить, – улыбнулся бард.

– Пойми, юный друг, я не капризничаю. Просто ты появился кстати. У меня важная гостья. Ты – мой сюрприз, тоже своего рода угощение. При помощи этого пира я хотел бы выразить ей мою искреннюю приязнь и благодарность.

– Я постараюсь не ударить лицом в грязь, светлейший лерд. И фокусы тоже можно. Немного огня? Как на счет небольшого фейерверка?

– Вот-вот давай. Прикажу поставить кадку с песком.

– Возможно, даме придется по вкусу сага «Приключение Кондлы» – о чудесном ином мире, населенном лишь девушками и женщинами?

– Ну... В общем подумай сам, бард. Что-то с увлекательным сюжетом, но покороче.

– Конечно. Приятного дня, милорд.

Ренар Лис.

Не переносу грубых, невоспитанных людей. Не могу удержаться, чтоб не преподать им небольшой урок, даже ес-

ли меня и не касается – такая вот слабость. Правда, не все сразу видят связь между своим гадким поведением и реакцией организма, но некоторые, наиболее сообразительные, смекают. Сенешаль-то уж лекаря вызывал, с горшка не слезает. Конкретно мне нахамил два раза и дважды сделал вид, что в упор не замечает. Невежливо, я считаю. Но он все не может сложить два и два. А эта тетка просто противная. Видно, драла ребенка за ухо или за волосы. Слышал, как девочка взвизгнула, а потом эта лахудра орала на малышку, как припадочная. Рысью побежала. Ну, ничего, посиди над ямой, подумай. Так теперь всякий раз будет, как вздумаешь ее колотить. Свободно, Ренар, она одна там, на кухне.

Девочка, стоя на коленях, чистила песком пригоревшую утятницу. Точно попало ей, всхлипывает, при моем появлении вздрогнула и сжалась вся, голову в плечики втянула. Я тут же нацепил самую милую свою улыбку, приветливо ей кивнул и направился к бочке с бреинбииром. Наварят же гадости такой, как Асмунд пьет, да еще селедкой закусывает, а потом сверху луком или чесноком с солью и ломтем кислого хлеба. Хоть и образованный он человек, а все же дикий – викинг, одним словом. Я цапнул самую большую кружку пинты на полторы и стал цедить тоненькой струйкой, поглядывая на девочку. Она вроде расслабилась и снова заскребла своей тряпкой.

– Детка, – девчонка вскинулась и затряслась, но я уже стоял рядом с ней так, что перекрывал ей путь к бегству. – Не

пугайся, я только хочу сказать тебе пару слов. Послушай внимательно и получишь подарок.

Асмунд.

Пир вроде собирали для своих, если кто-то из домочадцев и приятелей лерда Гелевина может претендовать на это звание, а вышел все же богатый. Одних свечей зажгли штук сто. А ведь еще не вечер, хоть в зале и темновато. Зато прохладно тут – на дворе просто страшно печет. Вообще в зале драться удобно – не слепит солнце, скамьи, столы, а на них опять же много всяческих предметов – элем плеснуть или прямо так, кувшин швырнуть в рожу – только руку протяни.

На пир являться при боевом оружии неприлично – но я эту норму этикета, пожалуй, проигнорирую. Готовились к этой пышной пьянке чуть не неделю, я уже все жданки съел, начал злиться на Ренара. Он что-то замышляет, однако, не делится своими соображениями. Ну, поиграл бы лерду этому в личных покоях, поговорил, как он умеет. Ведь так-то Лис кому угодно без масла в зад влезет. И попросил бы Эилис продать, мол другу приглянулась, или в хнефатафл бы ее выиграл, мне его учить что ли плутовать? Давно бы уехали. Бренна там переживает. Так нет: что-то затеял на пиру. А лерд этот скользкий, чем –то напрягает он меня – мутный какой-то... Вообще тревожно, и что оставил малышку мою, хоть и с Бером, и Эилис как бы не подвела, не выдала ничем, что знает нас – пока держится, но я бы брал ее поскорее и

ходу отсюда ... Она неглупая на самом деле, но нервничает очень. Не знает, что страшнее – у Гелевина остаться или Бэру в глаза посмотреть.

Слуги еще носят на столы первые блюда – густую похлебку из полбы с курицей и пастернаком, гороховую кашу, печеные бобы с чесноком, расставляют закуски: холодную вареную телятину на толстых ломтях однодневного хлеба, соленую треску и кувшины с гипокрасом. Вот что за ерунда – разбавлять вино, добавлять мед, анис, корицу и прочую дрянь. Мы с Ренаром такого не пьем. Подождем, пока нормальное вынесут.

Надеюсь, Лис знает, что делает и не придется все же драться. Начнется не скоро, хоть и поливают уже нетерпеливым гостям на руки из кувшинов, а хозяин с почетной гостьей еще не явились.

Зато у главного входа и дверей в помещения меж залом и кухней давно стоят здоровые молодчики с алебардами. А перед алебардистом прыгать с полуторником, знаете ли... плохая идея. Клайдеб тонковат и легковат по сравнению с этой массивной железякой, которой неслабые и рослые эти ребята будут бить просто, безо всяких финтов сверху вниз по головушке дурной. Один раз попадут и достаточно. Или по руке. Или плечо рубяют. Закрываться полуторником от прямого удара алебарды бессмысленно – сломается. Можно применять только «слив». Слить замах алебарды, уйти в диагональ, зайти во фланг и рубануть в висок или шею. А им

всякие там приемы без надобности. Ну, если только алебардой за ногу подцепить. Поэтому единственное, что можно сделать – это броситься под замах алебарды. Просто повалить его и постараться прирезать кинжалом или хотя бы головой о каменный пол хорошенько приложить. Можно ударить или резануть по шее, лезвие у меня всегда на совесть заточено. Или звездануть эфесом в лицо.

Да что за мысли... Я даже прикоснулся к серебряному молоту на шее. Не буду я драться с алебардистом, Тор меня охраняет, ну его. Он на службе, а я тут гость, кушать буду, барда вот слушать, фокусы смотреть. Изумительные фокусы, кои продемонстрирует нам великолепный мессир Ренар Лис, в данный момент с великим тщанием полощущий свои музыкальные персты, брезгливо оглядывая блюда с тушеными овощами: тыквой, морковью, брюквой, шпинатом и модными теперь солеными каперсами. Но вот взгляд его падает на прочие приносимые закуски: целиком зажаренную на вертеле дичь – голубей, фазанов, зайчатину с гарниром из жареного корневища лопуха, гусей и уток, томленных в медных гусятницах, приправленных розмарином, печеную в золе мелкую птицу – жаворонков и перепелок с перцем, коих подали с весьма дорогими соусами на основе виноградного сока с травами и чесноком. И вспыхивает веселием насытый глаз моего рыжего друга, и кивает он виночерпию, требуя этой светлой кислятины, и впивается острыми зубами в румяную гусиную ногу. Все уже жуют и галдят. И сосут эль кувшина-

ми, вовсе хозяйина не дожидаясь. И я поем. А вы, здоровяки с алебардами, стойте.

Много у этого господина, видно, денег. Оладьи на меду, угри, варенные в смеси эля и морской воды, копченая, соленая и жареная рыба: лосось, сельдь и треска. И на десерт наверняка подадут сладкую пшеничную кашу с медом и изюмом, вафли, фрукты и сыры. А может булочки с кремом. Бренне бы понравилось. Скучаю, ужас как. Я-то больше по рыбке и кислятины этой не надо. Налей мне лучше пинту пива, любезный, и отойди, не терплю, когда за спиной стоят.

Тут ударили в гонг и, наконец, мы смогли лицезреть лерда Сиверта Гелевина, который явился под руку с худой высокой дамой в красном бархатном платье, отороченном блестящим мехом ласки. Ее длинную шею украшало ожерелье из горного хрусталя, а меж сильно выпирающих ключиц переливался превосходный кабошон опала. Ренар вдруг перестал уплетать перепелок и уставился на кабошон. Ну да, красивый камушек. Гелевин усадил подле себя свою гостью, приветливо кивнул в зал, пригубил из кубка и что-то бросил в рот.

Все, кто еще не были так пьяны, что сочли нужным сделать вид, будто чинно ждали лерда, не притрагиваясь к блюдам, с удвоенной силой начали чавкать, хрустеть, рыгать, оживленно общаться, брызжа через щербины, гоготать, обливаясь элем, сморкаться на пол, наступать псам на лапы и хвосты, с удовольствием их браня и дополнительно пиная, перекидываясь со знакомыми на другом конце стола,

пихаться, хвастаться и затевать свары, мириться, в приливе приятни разрывая пополам жирные куски из-за которых только что вздорили, опустошая кубки и здоровенные кружки – словом веселиться.

А дама, положив на край их отдельного с Гелевином, стоящего на высоком настиле стола, симпатичный мешочек из меха куницы, плавным неторопливым движением откинула вуаль. И тут Лис захлебнулся вином, так, что оно пошло у него носом. Он кашлял и торащился на даму, даже не замечая, что я со всей дури колочу его по спине.

Наконец, к моему огромному облегчению он задышал, порозовел, с видимым усилием натянул подобие улыбки и, мучительно сглотнув, приветствовал красную леди.

– Прекраснейшая Гвента...

– Милейший Ренар – улыбнулась в ответ дама, тоже как-то кривовато. Удивлена, не скрою...

– Надеюсь, приятно, блистательная?

– Признаться, не очень...

– Взаимно.

– Твоя прославленная вежливость?

– Моя знаменитая откровенность...

– Так это ты нам сегодня поиграешь и потешишь нас историями? – теперь леди улыбалась более натурально, но взгляд небольших темных глаз оставался пристально-колючим.

– Приложу максимум усилий, дабы развлечь столь изысканное и взыскательное общество.

– Тогда надеюсь на приятный вечер. Ты, кажется, в прекрасной форме, Лю-Ллоу Гифес? Ах, нет, Рейневан, прости, Ренар...

– Надеюсь, моя прекрасная форма хотя бы отчасти соответствует содержанию, в отличие от некоторых э... воплощенных сущностей, премудрая Керидвен. Ах, нет, прошу прощения, леди Гвента...

– Хотя я и не поняла, кого ты тут решил изображать, барда или все-таки филида, на арфе бренчать ты умеешь. Этим советую тебе и ограничиться.

– Выбор был и вправду сложен, дорогая Гвента. Ведь филиды не играют на пирах рилы, а бардам не позволено исполнять саги. Все у них сложно, такая запутанная система... Вода – стихия филидов, принимает форму сосуда, но нечего и думать придать форму огню.

Дама, видно решившая пропустить ход, молча поглаживала свой кабашон длинными бледными пальцами.

Но Лиса похоже понесло и он, с притворным оживлением, обычно сопутствующим общим приятным воспоминаниям, продолжал во внезапно повисшей тишине.

– Ты тоже отлично выглядишь. Совершенно не изменилась с нашей последней встречи. Напомни, когда это было? Давненько, а если точнее – очень, очень давно... Кажется, Рим тогда еще не успел убраться восвояси, и на стене... Хотя, постой: сменила прическу? Каштановые блестящие волосы... Тебе идет...к этому лицу. Мне не нравится, когда у да-

мы на голове шевелится и шипит...

К счастью, сидящий в непосредственной близости к лерду и даме сенешал вдруг оглушительно пернул и жалобно произнес: «Прошу прощения». Все взгляды обратились на то, как он задержался в попытках вылезти, а затем на нетвердых ногах, но весьма поспешно бросился к выходу. Зал грохнул хохотом, а леди погрозила Ренару пальцем.

– Ну, его-то за что, проказник. Оставим прошлые недоразумения, поиграй нам кейли, Ренар. Пора людям поплясать, размяться.

Ренар без возражений достал арфу из торбы, прошел на предназначенное для него возвышение, устроенное напротив кресла лерда, и один за другим сыграл несколько простеньких, но приятных и заводных хорнпайпов, под которые с удовольствием подрыгали ногами и покружились разогретые элем парочки.

В это время господа, более серьезно подготовившие себя при помощи бранвина, начали выкрикивать требования барду устроить шиан-нос. Ренар скинул куртку, тоже опрокинул чарку, хоть, обычно Лис не употребляет столь крепких напитков, и вышел с арфой на середину зала. Он заиграл и запел совершенно отвязную песню о пьянице Малыше Конале, который, возвращаясь поздно ночью сильно навеселе, заблудился и решил, что его морочат фейри. Он свалился в реку с мостика, поскольку спьяну его шатало, и в ужасе, что будет утащен на дно кельпи, стал громко молиться и звать

на помощь. Желушка, которая отправилаcь забирать cвоего выпивоху из паба c фонарем в руках, уcлышала его вопли, вытащила из тины, поколотила и была принята за прекрасную, но злую фею... И все в таком духе. На грани, в общем, поcкольку припев cостоял целиком из брани женки, которая больше приcтала бы старому золотарю.

Ренар играл в центре круга, образованного танцорами, cлегка поддерживая и задавая тон движениям, а они отплясывали так, что даже cмотреть на них было жарко. В подтверждение этого факта они избавлялись от одежды выше пояса и, сбросив ее под ноги, от души оттаптывались на ней, не жалея. Как и предполагал лерд Гелевин, особо ретивые молодцы остались на полу, прочие выражали удовольствие громкими криками.

У Ренара тоже выступила испарина на лбу. Он присел на cвое прежнее место и сразу оказался окружен людьми, которые желали cвести c ним знакомство и выпить. Готовилась перемена блюд, слуги освобождали cтолы от объедков, прибирали и c пола, в частности помогая тем, кто решил прилечь, покинуть зал и освежиться.

Лорд Гелевин негромко разговаривал c Гвентой. Ренар же, уступив просьбам cвоих новых почитателей, рассказывал известную сказку в не вполне традиционном варианте. Я сначала не слушал, но конец был таков « Медвежата и просят лиса рассудить их по cправедливости. Ну как им разделить меж собой девицу, не пополам же разодрать? Лис подивился,

конечно, какая проблема, девице все равно – они же близнецы. В чем вопрос, кто первый, что ли? Так она не головка сыра – цела останется. Зачем ссориться, ведь можно и вдвоем. (Слушатели восторженно гогочут). Но они только надулись и решили все же подраться. И пока два жадных медвежонка кусались и тузили друг друга, лис с девицей переглянулись и от них улизнули...»

По– моему, не смешно, но слушателям понравилось. Ренара хлопали по плечам и жали руки, некоторые порывались даже обниматься. К моему удивлению, он все это терпел и изображал своего в доску парня. Очень странно.

Мне стало ужасно тоскливо, так уже надоело, да и душно от факелов и свечей. Но тут с оловянным блюдом, на котором высилась гора свиных ребер в пивной глазури, вошла Эилис. Когда она дошла до нас, я дернул ее за руку, потянул к себе на колени и со вкусом начал нацеловать в шею, глядя на Гелевина. Он продолжил беседовать с Гвентой, словно не видит, хотя все вокруг просто обалдели от такой вызывающей наглости. Тут ведь не трактир. Я сдавил Эилис еще крепче, так, что она даже пискнула и затрепыхалась, и прошептал ей на ухо: «Теперь от нас не отходи далеко, если что-то начнется, держись за моей спиной. Не знаю, что Лис задумал, но чувствую, вечер скоро перестанет быть томным». Гвента, наконец, заметила и посмотрела на нас с интересом, а лерд, выглядевший утомленным и недовольным, отвернулся и что-то ей вяло бубнил, держась то ли за желудок, то ли

за сердце.

Я еще немного потискал девчонку, усадил рядом с собой и тихо продолжил: «Ничего не бойся, Эилис. Ты обидела моего друга и будешь доставлена ему в целости. Надеюсь, он накажет тебя хорошенько».

Тут снова ударили в гонг, внесли фаршированную косулю, и лерд встал. Все заволновались и загалдели, поскольку приближался важный момент: лерд разделит главное блюдо в соответствии со статусом и заслугами гостей. Нас он довольно быстро наделил вполне приличными кусками, а Ренару, дабы подкрепил силы перед выступлением, поднесли кубок от красной леди. Ренар с мягкой укоризненной улыбкой покачал головой, расстегнул рубашку и, продемонстрировав такой же как у леди опал, возможно, немного поменьше, поднес кубок ко рту. Опал вспыхнул алыми и багровыми красками. Лис поставил кубок на стол и сказал, обращаясь к Гвенте

– Госпожа, благодарю за честь. Совсем забыл передать вам привет от нашего общего знакомого мессира Морголта. Надеюсь, вы оценили содержимое шкатулки, ведь за него я заплатился целостностью своей рыжей шкуры. Это был ценный жизненный опыт, за который я обязан прежде всего благодарить вашу милость. Впрочем, в злополучной шкатулке попадались преполезнейшие штучки, и особенно они пригождаются на таком веселом пиру, не правда ли? И он, будто случайно, задел рукавом кубок, который щедро залив ви-

ном стол, покатился и упал с приятным музыкальным звоном. Лис извинился и, опустившись на свое место подле нас с Эилис, невозмутимо принялся за косулю.

Я совсем уже утратил всяческое представление о смысле происходящего, хоть почти физически чувствовал нависшую над нашими головами грозовую тучу. Пришлось делать вид, что сосредоточенно жую довольно жесткое мясо, демонстративно не выпуская из похотливых лап свою рыжекудрую жертву, что, как я заметил, привлекало осуждающие взгляды гостей напротив. Вдруг Эилис пихнула меня локтем, глазами указывая на хозяйский стол.

К столу с серебряной вазой в руках робко приблизилась худенькая девочка. Трудно сказать, сколько такому недокормышу может быть лет. Может десять, а может и тринадцать. Гвента усадила испуганную неожиданном вниманием крошку за стол и потчевала чем-то сладким из той самой вазы. С моего места сложно было различить, что она ей там скармливала, но зато ясно было видно, что от ее расспросов ребенок зарделся, как луговой мак, а Гвента, вроде удовлетворена ответом. Она принялась наглаживать девочку по голове и налила вина, в которое Гелевин добавил несколько капель из красного флакона. С каждым часом наш хозяин выглядел все хуже: сгорбился, скособочился, словно спину прихватило. Он явно испытывал страдания, над переносицей и в углах рта обозначились резкие морщины, лицо посерело,

– А теперь просим гостей этого дома отставить кружки и

кушанья – возвысил голос констебль, поскольку сенешал так и не вернулся к столу. Наш гость э... мессир Рейневан исполнит сагу. Мой же долг напомнить людям, что когда пред лицом мирного домашнего огня исполняется старинная история, никто не должен пить, есть и разговаривать.

– Постой, бард, – произнес лерд, пытаясь придать странно надтреснутому, дрожащему голосу твердость и громкость – прежде чем ты начнешь, мне хотелось бы, чтобы ты выбрал себе, помимо платы, дар нашей приязни.

– Благодарю за щедрость, мой лерд. Я бы хотел получить в услужение на ночь эту рыжеволосую девушку, что сидит рядом с моим другом.

– Ну... – Сиверт был не удивлен, но недоволен. Ты и так, как мне говорили, перепробовал всех сколько-нибудь смазливых девиц в замке. И, потом, она вроде понравилась твоему приятелю.

– О, не стоит об этом беспокоиться, мой добрый лерд. Мы с другом умеем делить любые блага.

Гелевин нахмурился и неопределенно кивнул.

– Хорошо, на одну ночь. Эта девушка вообще-то стирает и штопает одежду, бард.

– К тому же у нас для вашей милости – продолжил Лис – есть ответный дар. Столь же скромный, как красота этой бедной девушки. И он извлек из кармана куртки черный бархатный футлярчик.

– И что это? – скривился Сиверт.

– Всего лишь серебряная булавка для закалывания плаща, мой господин, но весьма старой и искусной работы. Внутри она имеет твердый стержень, выкованный из камня, упавшего с неба, поэтому ее сложно сломать. Надеюсь, вы не оскорбите гостей отказом принять их дар. Вы окажите мне неслыханную честь, если заколете ею плащ прямо сейчас. Ведь кажется, вам зябко? Красавица – обратился он к Эилис – помоги его милости.

Эилис послушно встала и, провожаемая взглядами пришедших гостей, направилась к Сиверту Гелевину, которого действительно была крупная дрожь. Гвента наблюдала за ней с плохо скрываемой ненавистью, но ничего не сказала и даже отступила от Гелевина на шаг. Только девочка за их столом совсем освоилась и с наслаждением ела из вазочки смоквы с орехами в меду.

– Твой друг, Ренар, не тот ли знаменитый олдермен Бриан О' Браен? – спросила Гвента голосом, ставшим внезапно резким и каким-то скрипучим.

– Я как раз искала встречи с ним, чтобы предложить помощь в предстоящем ему важном деле. Ты ведь хочешь победить в главном поединке твоей жизни, не так ли, достойный лерд Бриан?

Ренар слегка наступил мне на носок сапога, я спохватился и встал.

– Благодарю за честь, которую мне оказывает столь знатная дама личным знакомством. Возможно, некий шутник

ввел леди в заблуждение, бесстыдно воспользовавшись ее благородством и добротой. Я не припомню, чтобы собирался вступить в поединок с кем либо, миледи.

– Подумай хорошенько. Мое участие на твоей стороне – залог успеха. Ты думаешь, Хауг не заручился ничьей поддержкой? Даже не сомневайся. Дорого я не прошу – можешь прямо сейчас просто пообещать мне такую безделицу. Ты и не знаешь даже о ее существовании, стало быть, она тебе ни к чему. Помощь сразу, плата – потом. Подумай, как сладка мечь и прекрасна жизнь. А то, чего ты в своем доме и увидеть не ожидаешь – поверь, вовсе тебе не нужно.

Ее темные блестящие глаза словно держали, не позволяя отвести взгляд, колючий голос впивался в мозг, мешая собраться с мыслями и дать разумный ответ. Тут Лис под столом со страшной силой врезал мне по голени. Больно, стервец, аж пот прошиб, но, Бездна, спасибо.

– Еще раз благодарю, блистательная леди за любезное предложение помощи. К сожалению, не представляю о чем речь, поскольку не женат, не имею дома и имущества, кроме доброго меча и нескольких личных вещей. Что мое – хорошо мне известно и со мной, а все прочее – пока мне не принадлежит.

– Мы еще поговорим, достойный Асмунд. Полагаю, совсем скоро ты изменишь свое решение. Но смотри, чтобы не было поздно.

Ну, что ж, премудрый филид, покажи свое искусство и

...возможности, – обратилась она теперь к Ренару и хищно оскалилась мелкими, острыми и какими– то не человеческими зубами. Мне показалось даже, что она зашипела как ласка, хоть этого, конечно, не было. Действительно, что – то в ее повадках напоминало мне юркого, гибкого и такого сладострастно-кровожадного зверька. Странно, ведь дама, высокая и статная, с ее сдержанными манерами не должна бы производить такого впечатления.

Лис медленно поднялся. Выйдя из-за стола, он слегка поклонился гостям, губы чуть тронула лукавая улыбка, и Ренар незаметно подмигнул нам с Эилис. Затем лицо его стало сосредоточенным, неподвижно-серьезным и строгим, он прошел на отведенное для исполнения саги место, и стоял некоторое время, опустив голову и прикрыв глаза, тихо перебирая струны, словно прислушиваясь к словам, приходившим к нему откуда-то издалека. Наконец Ренар поднял голову, посмотрел странно потемневшими глазами на замерших гостей, перевел тяжелый, давящий взгляд на Гелевина и начал глубоким звучным голосом.

– Будет исполнена в этом покое сага о Нейде сыне Адны, что произнес глам дицин на короля Коннахта, брата отца своего. О деле неправом, что жажда власти заставила совершить Нейде и трех язвах Ущерба, Гибели и Позора, что наложил он на лик короля.

Будет история эта в добрый час для честных ирландцев, что слушают здесь, вкусивши и пищи, и эля. Благо тем, кто

на пиру саге внимают: пребудут в чести и мире, не оскудеют у них сундуки, закрома не опустошатся, мор обойдет стороной, и огонь не охватит их кровлю. На поле боя врага одолеют с богатой добычей, и волны не поглотят ступивших на борт, что услышали слово о Нейде. Будет победа в суде и в торговле прибыток. Будет удача в потомстве с доброй женою на ложе и умноженье в стадах.

В зале было так тихо, что отчетливо слышался треск факелов. Голос Ренара все креп, становился более низким и звучным, аккомпанемент арфы словно связывал слова между собой вязью затейливых узоров в нечто большее, чем традиционный зачин к древней истории о проклятии, позоре и искуплении. Филид произнес благословения на одном дыхании, помедлил, не спуская глаз с Гелевина, который съежился за своим столом, и, собрав все силы, произнес, словно обрушил лавину:

– Но, горе, если найдется меж нас человек недостойный: трус, что товарищей предал, брани бежавши, изменник, кто злонамеренно клятву нарушил, присягу; или за род свой не воздал отмщенья как должно, не расплатился, как обещал, за товар иль честное служенье, либо себя опозорил мужеложеством, кровосмешеньем, иль сына женил и возлег со снохою нечестно – продолжал филид – пусть тот покинет покой и саге меж нас не внимает. Ядом слова разольются в жилах убийцы иль вора, члены охватят огнем колдуна, осквернителя и нечестивца. Кости его сокрушат и суставы заставят распух-

нуть, высушат кишки, все члены расслабят у мужа, что прибегает к волшбе двора неблагого. Будет разрушен от кровли до первого камня дом господина и проклят: кровлю охватит огонь, ветер стены развеет, бурный поток поглотит и размочит дома сего основанье, земля погребет и укроет руины приюта презлого. Сам господин, что творит преступленья нечестья, убийства, ради черной волшбы невинную кровь проливая, будет запятнан печатью Ущерб – красной, позора – Белой, Гибели – черной и проклят вовеки, как и король, что Коннахтом правил всеильно.

Гелевина вдруг словно переломило пополам – он неестественно согнулся, сложился от невыносимой боли, достав лицом до колен, и, издав протяжный вой, заскреб ногтями по полу. Гвента вскинула руку со скрюченными пальцами в сторону Лиса, но было поздно: вой Гелевина перешел в хрип и он, скорчившись, рухнул на пол. Сиверт катался по полу, раздирая лицо, и потрясенные гости увидели, что на лобу у него расцветали, зловеще наливались крупные и отвратительные волдыри – красный, как засохший струп, белый, наполненный гноем и черный, источающий ужасное зловоние мертвой гниющей плоти.

Тогда Гвента, вероятно решив, что виновнику все равно не уйти далеко, а время дорого, взвалила лерда на плечо, а девочку схватила за руку и, демонстрируя совершенно немислимую для леди силу, потащила их к выходу, ведущему на кухню. Гробовую тишину разорвал пронзительный

женский визг, и народ, включая стражу, наконец, в панике бросился давиться у главных дверей зала, стремясь поскорее его покинуть. Стало очень шумно и тесно, но я бросился за Лисом против движения толпы, расталкивая гостей весьма неделикатно.

Умница Эилис не отставала, но держалась, как ей было велено, за моей спиной. И правильно, поскольку сразу за дверью мы сначала споткнулись о грузную тушу повара, впрочем, возможно просто лишившегося чувств, а затем нам пришлось перепрыгнуть два уже без сомнения мертвых тела воинов, которые умерли, даже не успев обнажить мечи и лежали странно вытянувшись, полностью преграждая нам путь.

На кухне было темно, она без окон, а факелы кто-то вынул и унес – горела только большая жаровня. В ее свете боковым зрением я уловил в движение, успел отшвырнуть Эилис в некое подобие ниши, и, мгновенно развернувшись, отклонить клинок нападавшего, при этом смачно врезав ему ногой по самому дорогому. Удивительно, но точнехонько попал. Того, что бросился на меня слева, я перехватил за руку, резко рванул на себя, разворачивая спиной и нанес удар острием в бок. Но первый противник уже совладал с болью и вновь атаковал меня простым нисходящим ударом. В ответ на мою контратаку он довольно сноровисто воспользовался приемом полумеча, перехватив собственный клинок посередине и, таким образом его усилив, отклонил мой в сторону. Своим же острием этот ловкий малый попытался ткнуть ме-

ня в шею, но я перехватил его меч голой рукой за плоскость у начала заточки, увел вниз и вбок и быстро уколол противника в глаз. Это хорошая, быстрая смерть, коротко вскрикнув, он рухнул мне под ноги. Из темного угла неожиданно раздались аплодисменты и голос Лиса язвительно произнес:

– Ну, и сноровка! Все, пойдете, больше никого не будет. Я оставил тебе этих, чтобы ты чуть размялся и сбросил напряжение. Потому, что вы увидите финал представления, но поучаствовать в нем не сможете. Только, умоляю, ни звука, Элиис. Время для истерики я предоставлю чуть позже.

И он скользнул в полукруглую дверь, такую маленькую, что я едва протиснулся. Коридор, впрочем, оказался довольно просторным и освещенным масляными светильниками. Мы шли недолго, но несколько раз свернули, так что я сосредоточился на запоминании пути – мало ли...

И вдруг оказались у открытых высоких и широких резных дверей опочивальни Гелевина. Лис сделал предупреждающий жест, мы приблизились так тихо, как могли и замерли. Нам с Элиис отсюда ничего не было видно, только тени людей, двигавшихся в глубине покоя и полосы закатного солнца на полу – желтые и алые. Да, я же видел с улицы – у него высокие узкие окна с цветными стеклами...

– Пожалуйста, Ренар, – прошептала в отчаянии Элиис. – Он ведь убьет Анну-Ми!

– Сиверт Гелевин – раздался скрипучий и надтреснутый, но требовательный голос Гвенты. – Времени нет, не медли.

Соберись, преодолей боль и слабость. Да будь же мужчиной! Девчонка не совсем готова, но все уже возможно, она недавно в первый раз уронила кровь. Силы много ты не получишь, слишком мала и слаба, но не умрешь и сможешь продержаться до Самайна. Сиверт! Я даже приблизиться не могу к этой дряни у тебя на плаще. Гаденыш Рейневан! Давай! Вытащи его и раздень девочку, скорее!

Раздался протяжный стон, словно исторгнутый из самой глубины воспаленной утробы, и странная бесформенная тень пришла в движение. Я увидел Гелевина, который согнувшись и одной рукой держась за живот, двинулся к маленькой фигурке. В другой его руке блестнул золотой серп. Девочка стояла спокойно, ровно. Лерд Гелевин приблизился к ребенку и, собрав последние силы, рванул рубашку, обнажая едва набухшие грудки.

К счастью, Лис успел накрыть ладонью рот Эилис и что-то ей зашипел на ухо.

Но, расстегнуть булавку одной рукой и снять собственный плащ у Гелевина так легко не получалось. Вдруг в тишине раздался звонкий голос ребенка

– Мой лерд! Вы опасаетесь, что девичья кровь бьет сильной струей и запачкает ваш роскошный плащ? Позвольте в последний раз послужить и помочь вам.

Гелевин кивнул и наклонился, чтобы девочке было удобнее... вытащить из ворота острие булавки длиной с ладонь и резко вонзить его до самого замочка прямо ему в сердце.

Мы слышали скрежет металла, царапающего камень, и тело Сиверта Гелевина лерда Каэр Бадх Бран, словно тряпичное, сползло на пол, освещенный густо-малиновым, дарованным последним лучом, цветом, таким красивым – глаз не оторвать.

Глава 13.

Асмунд стоял, не решаясь заглянуть в шатер. Как он ни прислушивался, ничего не выходило разобрать. Старуха говорила что-то тихо и невнятно. Голоса Бренны он не слышал, и это пугало. Ладонь непроизвольно сжимала гарду бесполезного сейчас клинка. Он злился на то, что опоздал, на старую ведьму, что прогнала его, не позволив войти к его девочке. На беспечного, как всегда Лиса. На виноватую Эилис, которая не страдает, а больно ей, его чистой, неповинной ни в чем малышке. На Бера, что там, помогает ей, а он стоит тут, как дурак, и не в силах ничем помочь. На это бесконечное ожидание. Почему она молчит? Женщины же должны кричать, наверняка что-то происходит неправильно, плохо.

Вышел Бер, Асмунд бросился к нему.

– Как? Можно мне...

– Нет, Асмунд. – Бер отмахнул скармасаксом средней толщины веточку и обрубил концы. Подожди, сейчас никак нельзя... Мы позовем тебя, когда все закончится. Уже скоро.

– Там Эилис тебя... Может ты пойдешь, а я... помогу...

– Скажи Эилис, что я занят. Ренар, уведи его подальше.

Все хорошо, но не надо ему тут стоять.

* * *

Делга склонилась к серому лицу Бренны и говорила теперь иначе – озабоченно, без насмешки.

– Смотри, медведь. Вот так – худо совсем. Схватки хорошие, а толку нет. Не размыкается никак. Устала от боли, сил мало. Дите может умереть. Ты тоже устал. Рожаеть вместе с ней. Сейчас рычать будешь вместе с ней. Нельзя больше ждать. Делга сделает сама. Ты прокалил нож? Что это за нож? Делга таким будет валить березу или пуповину обрезать? Ты совсем дурной, медведь? Ладно. Иди, срежь ветку – палочку сделай нам. Вот такую.

Делга показала, какой длины и толщины нужна палочка. Бер вымотался и соображал, действительно, плохо.

Когда он вышел, старая женщина склонилась еще ниже и заговорила медленно и ласково, глядя Бренне в глаза.

– Теперь не буду звать тебя бурундук. Ты храбрая. И зачем плакала? Твой мужчина стоит там, теперь тоже плачет. Он не отец? Верно, Делга поняла. Хороший будет тебе муж. Старая Делга много видит. Хочешь быстро родить? Делга сделает очень больно. Но сразу – все. Позовем его. Мы все уйдем. Будет только он с тобой и дитя. Хорошо будет. Потом спать. Хочешь так?

Бренна молча кивнула. И снова скорчилась, замычала сквозь сжатые зубы, подавляя рвущийся крик. Но, услышав,

что все, возможно, скоро закончится, собралась и даже приободрилась.

– Куда это ты, медведь? А кто будет помогать? Бери ее на колени себе. Нужна крепкая опора ей для спины и ног. Подставляй свои лапищи – согни колени, девочка, и пятками упрись ему в ладони. Ты, медведь, крепко ее за ступни держи. Ветку в зубах зажми, а то прикусишь щеку или язык. Делга руками будет открывать твое чрево. Сама родишь ты не в этот раз. Подождем схватку. Тужиться будешь на боль. Не в голову, а на боль, слышишь? Три схватки, четыре и все.

Бренна даже сначала не поняла, что происходит. Она могла переносить страдания, за сутки почти смирилась с ними. Но то, что делала с ней Делга, принесло не боль, как она обещала. Это было так оглушительно, запредельно, что мозг отказывался воспринимать это как просто боль. Бренна вонзилась Беру ногтями в предплечья, оставляя кровоточащие лунки и, выронив изо рта ветку, издала вопль безумный, нечеловеческий. Она совершенно забыла, что минуту назад даже дышала с трудом. Наверное, Делга, когда пошутила, что ее крик и в Таре услышат, была недалеко от истины. Асмунд, во всяком случае услышал от реки, куда его увел Ренар и ворвался в шатер как раз тогда, когда Делга, что-то приговаривая нараспев, уже обрезала пуповину новорожденной крошечной девочки. Бер грозно зарычал, чтобы он убирался, потому что Бренна снова закричала, освобождаясь от последа, и сил терпеть у нее больше не было.

* * *

Асмунд осторожно держал на руке и разглядывал удивительное существо: оно шевелило морщинистыми ручками, и у него была какая-то своя таинственная мимика: хмурились почти невидимые бровки, темные глаза странно плавали, смотрели в разные стороны и иногда закатывались под голубоватые припухшие веки. Личико, еще недавно красное, даже слегка синюшное, уже побелело и разгладилось, но было некрасивым и каким-то еще не совсем человеческим... Асмунд даже подумал, успела ли войти в ребенка душа, не обманули ли их коварные сиды? Может все-таки решили забрать? Почему она так рано родилась? Но крохотный рот был точно как у Бренны. Довольной, оживленной Бренны, которая с наслаждением ела кашу из горячего чугунка, обжигаясь, не в силах ждать, пока остынет.

– Я никогда еще не видел такого маленького ребенка. Она почти полностью помещается в мою ладонь... Как мы... ты ее назовешь?

– А я никогда еще не была такой голодной. Когда он успел сварить? Ужасно, невероятно вкусно. Верно Делга сказала, что я многое сегодня узнаю. Как дитя сосет грудь. Странные ощущения. Я думала, будет приятно, это же так мило выглядит. А она мне чуть сосок не оторвала, маленькая пиявка. Бер обещал дать мазь...

– Я хочу посмотреть, как ты кормишь. Наверное, это са-

мое прекрасное зрелище на свете. Зачем ты меня выгнала, птаха?

– Я не собираюсь кормить при тебе. Дай мне, пожалуйста, зеркало. Дева пресвятая! У меня красные глаза!

– Наверное, сосуды полопались от натуги. Пройдет.

– Я ужасно выгляжу, почему ты мне не сказал?

– А надо было так и сказать? Гребешок?

– Да, спасибо. Ну, ты расскажешь, что дальше-то было, или будешь томить меня.

– А потом из покоя выскочила зверушка – длиненькая такая, прыткая ласка. А Лис сделал какой-то невероятный кульбит через голову и бросился за ней в обличьи лисы. Но не догнал. Может и хорошо. Ласка хоть и маленький, но очень злобный и опасный зверек. Знаешь, почему он так называется?

– Нееет. Что ты делаешь?

– Ласка лижет коров за ушком, чтобы они разнежались и упустили молоко... Вот так...

– Перестань! Ты совсем с ума... Я что тебе, корова?!

– Я соскучился, малыш ... Очень сильно...

– Сейчас Бер вернется. Уходи, мне надо привести себя в порядок.

– Почему ты не стесняешься Бера? Я ужасно тебя ревную.

– Ну и глупо. Бер мне как брат. Сегодня ему досталось. Я расцарапала ему все руки и орала прямо в ухо, упершись головой в плечо. Наверное, на левое он теперь глуховат. А

куда ушла Делга? Мы ее не успели даже поблагодарить...

– Она сказала, что вернется. Забыла что-то в своей землянке. Так как ты назовешь ребенка, птаха?

– Может быть, Бранвен?

– Это очень красивое имя. Но... не знаю, как тебе объяснить... Понимаешь, мне приснился сон, в котором один мудрый сид посоветовал назвать девочку... необычно. Не по-ирландски.

– Тебе тоже снилось, что мы в гостях у Дивного народа?

– Ну... да. Снилось.

– Постой... Ты обманываешь меня? Это ведь был не сон, верно? Ты проводил меня через мост. Мы прошли сквозь плотный туман. И мы... О, Господи! Конечно, не сон...

– Бренна. Я хочу сказать тебе важную вещь. Пожалуйста, выслушай серьезно...

У шатра раздался предупреждающий кашель и внутрь протиснулся Бер.

– Прости, Асмунд, но тебе придется сказать эту вещь завтра. Пей, малыш. Надо до дна.

– Фреки тебя задери, Бер! Да что ты поговорить нам не даешь...

– Подожди-ка, я решила! Пусть имя для девочки придумает Бер. Как нам... мне назвать ее, Бер, милый?

– Мелисандра.

– Ты очумел, медведь? Какая еще...

– Ты сам сказал, надо необычное имя. О, Бренна, у тебя

же есть серебряное зеркало! Оно нам здорово поможет.

– Так ты тут давно стоишь! – возмутился Асмунд – Вот бессовестный! Возомнил о себе ...

– Извини, но пока вы не начали вести непростые речи или целоваться, я вынужден был вас побеспокоить.

– Мелисандра, Мели. А что... – Бренна улыбнулась – Спасибо, Бер. Так чем нам поможет зеркало?

– Направим свет. Асмунд, бери ребенка, заверни ее и прогуляйтесь-ка... подальше. А потом отдашь мне. Бренна будет отдыхать.

– Зачем это? Что ты все время тут распоряжаешься...

– Не так, надо ножки и ручки выпрямить и заворачивать ее как полешко. Дай сюда! Не испытывай мое терпение, сказали тебе – выметайся из шатра, пока Делга руки моет. У нас тут тоже ... важная вещь.

– Что ты мне дал? Горько невыносимо. Меня сразу в сон потянуло.

– Богульник, свежие стебли омелы, золотой корень и семена черного тополя.

– А что, похоже, я нуждаюсь в успокоительных средствах? И болеутоляющее мне ни к чему. Я хорошо себя чувствую, Бер.

– Детка. Надо наложить пару швов. Делга забыла в землянке подходящую иглу. Это я ее торопил, не дал нормально собраться.

– Нет! – Бренна аж задохнулась. Она так устала от боли

и была уверена, что все страдания закончились. Это было чудовищно, несправедливо. Глаза сразу наполнились слезами. – Нет, Бер, не надо. Я не хочу!

– Зайчонок, но иначе будет долго болеть, а потом сростется кое-как рубцами, узлами... Не сможешь нормально рожать.

– Да я не собираюсь больше рожать никогда в жизни! Нет, ни за что!

– Разрывы не глубоко. Конечно, не будешь, моя девочка. Никогда больше ... Но внутренние надо. Всего пара стежков. Скорее покончим с этим и спать. Ты же страшно устала... Ну, давай, ложись головой ко мне на колени. Теперь я тебя за руки подержу, ладно?

– Но это ведь быстро, правда? Ты не будешь смотреть.

– Конечно. Только на твое прекрасное лицо. Кричи от души, но постарайся не дергаться. Лучше бранись страшными словами. Не пробовала? Напрасно... Ну, ты и не знаешь плохих слов, наше ласковое солнышко...

Делга, удивленная представшей ей картиной, только головой покачала.

– Делга не шутила с тобой, медведь. Учись у меня. Старая Делга уйдет к родичам на небо. Совсем скоро. Делга идет сюда, думает, надо ругать. Упрямый, плаксивый бурундук. Но нет. Медведь любую уболтает раздвинуть ноги.

– Делга! Что ты говоришь-то, как не стыдно. Спасибо, но не могу. У меня пасека. Поеду домой. Прости. Хочу жить

Один.

– Не нитки – жилы. Смотри. Очень тонкие. Не надо потом выдергивать. Зарастают и все. Умеешь так делать, медведь? Нет. Не хочешь у Делги остаться. Зря. Так. Делга хочет в уплату зеркало. Серебряное? Очень видно хорошо. Тебе ни к чему. Твой викинг будет говорить тебе «красивая» каждый день. И когда станешь старая. Зачем смотреться? Готова? Вдыхай глубоко – Делга колет.

* * *

– Бер, пожалуйста, не молчи. Лучше выскажи мне все, что хочешь, только...

– Нет, Эилис. Ты хотела поговорить. Я был занят, помогал друзьям. Теперь тебя слушаю.

– Друзьям? Ты третий день нянчишься с Бренной, словно она твоя жена, а меня даже кивком головы не удостоил.

– Ты мне тоже не жена. Жену правильнее бы всего в этом случае удостоить ремешком по мягкому месту. Потом оти-
меть так, чтобы крепко усвоила, кто в доме хозяин, а после простить и приголубить. Потому, что от жены куда уж денешься – даже если она дура и, увы, тебе совсем не друг. Бренна, вот она – друг. И отлично знает кто я, и как могу убивать. С удовольствием отрывать конечности и откусывать головы тем, кто намеревается причинить вред близким мне людям. Топором у меня получается тоже неплохо. Асмунд делает это аккуратнее – при помощи меча или кинжала. Уве-

рен, и Лис способен при необходимости с десятков противников изничтожить, но вот он – деликатно, с приятной улыбкой. Такой мир вокруг.

Ну, на мир ты посмотрела. Сбежала подло, слова не сказав. Не удостоила. Теперь решила? Давай, просто объясни, почему. Не боишься, что ли, меня больше? Вот и правильно. Я тебя больше ничем не испугаю, потому как мы поговорим сейчас и отправимся отсюда в разные стороны. Я еще немного Асмунда с Бренной провожу, а тебя Ренар отвезет, глаз с тебя не спустит и передаст лично матушке твоей. Его блохи тут тоже есть.

– Раньше ты не говорил так много. Я думала и не умеешь, ты ведь со мной никогда долго не разговаривал, сразу переходил к делу. А, оказывается, можешь вести длинные складные речи.

– Ты лучше меня не дразни, Эилис.

– А то что?! Откусишь мне голову?! Ты спросил меня хоть раз вообще о чем-то? Ну, теперь спросил. Так выслушай ответ. Они убили дядю и разгромили трактир, надругались над тетушкой и Кэтлин. Кэтлин-то за что?! Из-за меня. Я виновата в этом и должна была явиться домой с мужчиной, ради которого такую беду сотворила, собираться, как ни в чем не бывало под венец, скрыть все от матери, обманывать ее и священника относительно тебя...

– Подожди-ка! Я язычник и оборотень, зверь. Любой христианин считает меня порождением ада. Так мне эти завы-

вания на латыни были нужны? Я согласился венчаться ради тебя. Теперь к списку того, чем порадуешь матушку, можешь добавить рассказ, как болталась по ближним городишкам в компании попрошаек, грабителей и непотребных девиц. Бродяги не успели к ремеслу тебя приспособить, хоть выбор тут невелик и очевиден. Воровать-то уметь надо, руки лишиться можно, знаешь ли. На паперти такой здоровой молодухе подавать не станут, прогонят, так что...

Но ты недолго с ними погуляла, не попалась ни на краже, ни с клиентом, и взяли тебя к лерду на правеж просто за компанию. А он быстро определился с подходящим для тебя необременительным занятием.

– Бер! Я же не виновата! Эти люди ко мне хорошо отнеслись и не заставляли ничем таким промышлять. Я собиралась наняться прислугой в Демне.

– Значит, побоялась матери на глаза явиться. Спрятавшись, можно что-то исправить? Как ребенок глупый. Да кто с улицы возьмет прислугу? Но может напрасно Асмунд с Ренаром рисковали, вытаскивая тебя из замка прекрасного лерда? Ты и пристроилась прислугой, чего ж еще искать. Обязанности не тяжелые, кормили хорошо. Резал-то он только девиц, к тебе это не относится.

– Бер! Не надо... пожалуйста. Я очень боялась его, он ...

– Что, пострашнее зверь, чем я? В замке или в лесу с чудовищем жить... Не повезло тебе, девочка. Переходишь из одних когтистых лап в другие. Может, сглазил кто? И в чем

ты провинилась только? Да почему, кто тебе внушил, что ты ни в чем не виновата?! В том, что творили эти убийцы и Сиверт Гелевин не виновата, Эилис. Не виновата. Но...

Думал, нужен тебе... А ты обманула меня и ушла. И это было твое решение. Ладно. Сказала, что хотела?

– Бер... Я ушла потихоньку, потому, что ты бы меня не отпустил...

– Ну, разумеется. Но сбежала тайком не поэтому. Не смогла мне сказать в глаза, что не хочешь быть со мной, потому, что я не человек? Оборотень, урод, опасный зверь? Да мне не в новинку. Язычники таких, как я, тоже не привечают. Но мне было очень плохо, Эилис. Я тебя каждую ночь видел во сне. Переболею, ничего. Поеду домой. Мне не нужна женщина, с которой хорошо только в постели. Мне нужен человек, который всегда на моей стороне, ничего не таит от меня, не думает там себе... И это не ты, Эилис.

Девушка молча кивнула и отвернулась, потому что Бер, говоря все эти горькие слова, смотрел в землю. А теперь поднял на нее глаза. Он постоял еще немного и ушел, а Эилис села на повалившуюся гнилую ракиту, крона которой доставала до другого берега речушки и стала смотреть на воду. Мелкая какая, одна тина. Ей в самом глубоком месте по грудь будет. Как сказал тот человек, который тогда на озере приставил ей нож: «Утопиться ты после успеешь, цветочек...». Ну, нет, позора и так довольно. Чтобы еще смеялись все.

Он вернулся очень быстро. Эилис с трудом отвела взгляд

от цветущей поверхности реки и вздрогнула. Потому что Бер вдруг встал на колени, уткнулся лицом ей в живот и обнял, притягивая, прижимая одной рукой, потому что вторую он почему-то держал за спиной.

– Виноват– то я, Эилис. Все время об этом думал. Должен был тебе рассказать. Ты, конечно, ужасно перепугалась. Любая бы на твоём месте... Надо было взять тебя с нами. Я не объяснил ничего, не спросил ни о чем, что ты думаешь... Просто любил тебя так... так хотел... Простишь? Выйдешь за меня? Сейчас. Без латинских попов. Поедешь со мной домой?

И развернул тряпицу, в которую были завернуты два тонких серебряных браслета, соединенных цепочкой.

Давным– давно такие браслеты надели друг другу на руки бог любви Энгус мак Ог и прекрасная Каэр Иброейт – Тисовая Ягода. Серебряная цепочка соединила их руки, перед тем как обернулись они парой белых лебедей и улетели от жестокого отца девушки – сильного мага, владельца обширного сйда. Поднялись над озером белыми птицами в день Самайна, трижды произнесли заклинание, насылающее сон, и удалось им уйти от погони, чтобы жить вместе так долго, как могут лишь боги и волшебники.

* * *

– Ренар, я хочу спросить совета, как мне быть. Я не уверена, что должна ... могу... Асмунд готов сделать все, что-

бы иметь возможность защитить нас с Мели, дать дом, свое имя, положение... Но брак это серьезный поступок, который трудно изменить.

– Бренна, дорогая. Асмунд похож на человека, которого легко заставить сделать то, чего он не хочет? Ты применяла колдовство? пытки? Не бери на себя ответственность за чужие поступки и решения. Все, что ты можешь – быть благодарной. Это чувство как-то унижено в наши дни, словно необходимо и достаточно отдариться, отплатить услугой за услугу. Но, поверь, благодарность одно из самых сильных и светлых переживаний. Дай Асмунду немного тепла, его он точно заслужил.

– Меня пугает то, что он сказал. Что он может быть убит, и тогда я буду иметь права и положение его вдовы. Он собирается признать Мели своей дочерью, дать родовое имя. Кто ему угрожает, Ренар? Ты, наверняка...

– Нет. Бренна, я не лезу в голову друзьям. Мало ли, что узнаешь. Но вряд ли речь идет о конкретной опасности. В молодые годы смерть всегда стоит за плечами мужчины.

Полно малышка, не думай о дурном. У меня для тебя свадебный подарок. Пламя Муспельхейма! Как жаль ...

– Подарка?

– Да нет... Я рассчитывал за тобой ухаживать. Вообще собирался соблазнять, пушистая моя курочка. Научить плохому такую светлую девочку...

– Ты самоуверен, Лис.

– А разве я тебе совсем не нравлюсь? Да ладно. Что я мог бы предложить тебе, детка. Тебе ведь понадобилась бы моя душа, а ее-то у меня как раз нет. Протяни ладонь. Это тебе. – Лис положил мне на раскрытую ладонь большую идеально круглую жемчужину. -

Правда, красивая?

– Она из южных морей – такая ровная и крупная? Наверное, очень дорогая?

– Да, с далеких-предалеких островов. Но не это важно, Бренна. Важна суть жемчужины сама по себе. Ведь она рождается мучительно и долго, когда в раковину попадает колючая грубая песчинка. Молюску больно, это несчастье его жизни. И он старается как-то защитить себя, годами обволакивает ее, острую, своим перламутром.

Так и любовь – чтобы она возникла, нужна какая-то помеха, препятствие... Ну, понятно, безответная-то сама прет как сныть в мае – сорняк цепкий. Не так со взаимной. Лучше всего – роковая невозможность ее осуществить: неважно что – главное трудности. Неплохо подойдет война, разлука, неравенство. Сойдут и «дела чести»: запреты, клятвы, обеты и прочие глупости. Но лучше – вражда между кланами: месть, предательство, коварные советы – все эти блестящие сюжетобразующие штуки, чтоб вышла леденящая душу история, а в итоге – все умерли. Так же хорошо работает ревность, помноженная на дурацкие обстоятельства, чтобы все было неправильно понято и хорошенько запуталось,

плюс вздорный характер влюбленных – общем, пусть все будет сложно. Еще сильные варианты: инцест – брат с сестрой ну, или хотя бы сводные, и, конечно, адюльтер. Наличие супругов – это уж насмерть.

Словом, чем больше препятствий – тем сильнее страсть. И вот представь, что их, препятствий, вдруг больше нет. А жемчужина еще... не доросла. Как-то становится тревожно за них, да?

– Не знаю. Ты считаешь, сложности стоит придумать самостоятельно?

– Ну, люди это обычно и делают... все по-разному. Или ищут острых ощущений в других отношениях.

– Все, что нам надо – это спокойная жизнь в своем доме. Тебе, наверное, не понять, но мы оба очень устали. Покой и душевное равновесие, вот к чему стремится Асмунд. И я.

– Что ж. Тогда еще раз поздравляю. Ну, хоть поцелуй на прощанье, солнце наше. Ведь мне пора...

Глава 14.

Асмунд

Утро нашего первого дня было солнечным и очень ветреным. Я не люблю такую погоду, когда солнце слепит и хаотичные порывы сильного ветра искажают звуки, а в лесу шум и движение листвы слегка дезориентируют. Вообще не терплю, когда в уши дует – голова от этого болит, что особенно скверно учитывая предстоящее дело.

Бренна спала тихо и сладко. Моя законная жена – леди О’Брайен аэп Мумман, госпожа большого замка. Когда ей скажут, что я уехал по делам, множество хлопот отвлечет ее от тревоги. Она с прислугой уже месяц наводит тут порядок, женщинам необходимо чистить гнездо и таскать туда мох и перышки. Птаха.

Я не стал валяться, хоть мне хотелось еще посмотреть на нее, спящую. Не следует предаваться воспоминаниям этой ночи. Не годится перед боем. Надо размяться, прогнать все мечты и сладкое послевкусие. Я поскорее оделся и прошел на кухню, хлебнуть вина и что-нибудь сожрать перед дорогой. Налил во флягу бранвина. Вышел на двор, отправился посмотреть готов ли Зверь, не дрыхнет ли конюх. Слуги вчера тоже прилично наугощались.

Но все было в порядке, я перекинулся с Финлеем парой слов и сам вывел Зверика. У ворот меня уже ждал тот самый господин в сером плаще, приехавший накануне и весь свадебный пир просидевший в темном углу с надвинутым на глаза капюшоном.

Солнце почти поднялось в зенит, когда приехали в Асприн. Там на каменном мосту, украшенном высокими масляными фонарями и статуями святых, нас встретили еще два всадника в таких же плащах и Хауг. Мы молча кивнули друг другу и поехали рядом, а наши провожатые – на корпус впереди. От реки свернули на север, покинули городские стены, перешли на рысь и вскоре въехали в Свартвельд – лес, на-

званный так за множество вековых елей и ольшанника с темно-серой корой. Здесь даже в солнечный день было мрачно-вато.

Все спешили, мы отдали проводникам коней и плащи, и вдвоем отправились по тропе вглубь леса. Я заметил, что Хауг сильно исхудал, глаза ввалились и словно стали больше и темнее. И, кажется, не спал эту ночь.

– Итак, тебя можно поздравить, названный братец? Ты снова женился? И снова на моей женщине. Постоянство – похвальная черта. И вежливость по–прежнему не твоя добродетель. За поздравления следует благодарить, тем более короля.

– Вот нормальное ровное место. Почему не здесь?

– Да нет, пойдем еще пройдемся. Тут солнце будет бить в глаза кому-то из нас. Когда я убью тебя, оно еще не опустится достаточно низко. Я успею в твой замок до темноты, чтобы забрать своих девочек. Как там моя дочь, моя Бранвен?

– Ее зовут Мелисандра.

– Как?! Какая еще Мелисента? Она не сказочная принцесса, а настоящая. Бранвен. Я так и собирался назвать, а мальчика Хелгерд. И он не замедлит явиться, нечего моей женщине ходить праздной.

– Ты полагаешь, будет так просто?

– А в чем ты предвидишь сложности? У тебя там много людей? Да они сами за косы выведут мне свою леди, и, если я прикажу, голой. Надо же ее наказать. Чтоб вспомнила, как

следует вести себя со своим господином. Впрочем, она и не забывала. Ждет и во снах видит.

– Кошмарных.

– И ты ей веришь, что в кошмарных? Как ты заблуждаешься, мой наивный, чистый сердцем друг. Ей нравилось, хоть она никогда не признается. Пойми, немного боли и страха это ... ну как добавить в сладости перца и пряностей. Не любишь? А мне нравятся такие вкусы. Маменька баловала орешками в меду, но с солью и специями. Немного острых ощущений для тела, немного слез и терзаний для душеньки моей малышки... Иначе будет пресно и быстро приестся и мне и ей. Немного насилия дает девочке единственный шанс по-настоящему расслабиться. Уязвимость и беспомощность, когда от нее ничего не зависит и, следовательно, не требуется. Это привязывает очень крепко. А не глупости твои... Разговоры с ней разговаривать.

– Я не понял, мы идем в какое-то конкретное место или ты просто хочешь как можно дольше полоскать мои уши в этом своем жидком дерьме? Оно уже весь ацетон мне закапало.

– Прорезалось остроумие, дружище? Вот не ожидал. У тебя такая рожа, будто ты не после брачной ночи, а с похорон. С собственных, причем. Хотя, могу поспорить, она тебе не дала. Так ведь, я же угадал?

– Мы не могли бы сменить тему, Хауг? В противном случае поиск подходящего места закончится здесь и сейчас.

– Тогда нам либо придется молчать, либо предаться об-

щим воспоминаниям, словно мы два встретившихся после долгой разлуки друга детства и товарища по оружию. Ну, это так и есть, за исключением того факта, что в наши намерения входит поиск не трактира, а места для взаимных попыток убийства.

– Вот, по-моему, здесь отлично.

– Кстати, еще можно поговорить о снах. Представь, мне сегодня во сне явился Одноглазый Предатель Воинов с Хугином и Мунином на плечах. Он напомнил мне с отеческой заботой, что утром следует надеть гривну с молотом Тора, а крест оставить матушке. А что у тебя на шее?

– Руна Райдо.

– О... И каким же путем ты следуешь и куда?

– Срединным, Хауг. И он требует болтать поменьше.

– Вот не знаю, возьмут ли тебя в Вальхалу. Нет, ты не трус, конечно. Но посмотрит на тебя валькирия, скажет... «тяжелый какой зануда» – и не понесет.

Помнишь, матушка с детства насильовала наш разум поносными Откровениями и их блевотными толкованиями... Я, конечно, очень старался забыть все как можно скорее по выходе из ее покоев, однако, кое-что застряло: «Поелику не холоден ты и не горяч, изблюю тебя из уст своих». Но это Белый бог просто капризничал. На самом деле ему как раз по душе протухшая рыба.

Правда, в раю полно молоденьких монашек. Но ты ведь ими, помнится, брезговал. Помнишь, в Клонмакнойсе мы

разграбили монастырь, как предупреждение, прежде чем по-настоящему наказать зарвавшихся Уи Нейлов. Монахини еще сидели и пердели от страха в круглой башне так, что искру выбей – будет факел до небес, а мы спокойно очищали собор от ценных блестящих вещичек. А после ты бранился, дрался, не давал людям нормально веселиться и, если бы я не пришел тебе на помощь, того и гляди прирезали бы тебя свои же хирдманы, уж так ты надоел. Только такому придурку как ты придет в голову запрещать пьяным после заварушки и посещения прекрасного погребца молодцам трахать послушниц и жечь, что там ты искал?

– Гимн святого Камелака. И Гесперийские речения. Я не мешал трахать монашек, мне не было до этого дела.

– Переживал больше за книги... А зачем там был такой обширный погреб? Многовато и слишком разнообразно для нужд причастия, не находишь? Весело быть молодым, здоровым... Правда, брат?

У тебя в замке хороший выбор вин? Проверим... И, конечно, имеются книги. Наверное, не слишком много, но Бренна любит читать. Разглядывать заставки, миниатюры. Смотреть картинки – она же такой ребенок на самом деле... И вы с ней по вечерам сидите вдвоем при свечах и читаете. Да? Ну, признайся! Она еще рисовала, я знаю. И она, наверняка, рисует при тебе, а ты смотришь...

Так вы проводите вечера?

– Да, так и проводим! Примени уже, наконец, свою рев-

ность и злость к делу.

– Сейчас, будет тебе дело, не спеши так, брат. Книги здорово горят: мне нравится, как пламя коробит страницы, запах тлеющей тонкой кожи переплета, а когда вспыхнут дощечки, пойдет уж ярко и горячо – до пепла. Красные буквы и человечки на миниатюрах корчатся в муках... Как настоящие. Я сожгу твою библиотеку и заставлю Бренну смотреть. Ни к чему женщинам читать. Вечерами я предложу ей совсем другие развлечения.

– Ты меня еще не убил. Еще не молочено, а ты уж мелешь. Мелешь языком, как старик.

Если хочешь ответа по существу твоей аполгии насилия, то ты сам понимаешь, что лжешь. Ты никогда не добьешься настоящей близости с ней, потому что близость предполагает взаимное принятие слабости и несовершенства друг друга. Разве ты примешь жалость любимой женщины и сможешь сам открыто пожалеть ее? Сможешь показать ей свою собственную зависимость, слабость, уязвимость? Когда ты чувствуешь глубокую человеческую боль, ты ее игнорируешь и надеваешь личину, чтобы разыгрывать балаганное представление «Я в тебе не нуждаюсь». Это фальшивая игра. Ты заменяешь боль ненавистью. Боишься побыть с ней наедине – со своей болью, Хауг. Тобой владеет желание наказывать и для этого тебе нужно отрицание ценности человека, который рядом, пренебрежение к нему. Это не мужественность, не путь, если хочешь. Это простая трусость, Хауг.

– Самое смешное, что она равно будет плакать и по тебе, и по мне.

– Хауг! Ну, хватит. Мы оба не хотим драться. Бренна не единственная причина...

– Да.

И вдруг Хауг замолчал. Его лицо позеленело и исказилось гримасой боли, хоть он изо всех сил старался дышать ровно и скрыть от меня приступ. Я остановился, давая ему отдышаться.

– Что с тобой? Ты ранен, что ли?

Хауг не ответил. Мне не нравилось, что он явно меня куда-то вел. В нужное ему и неизвестное мне место. И уже тем, что навязывал время начала поединка и место, он брал на себя инициативу, захватывал преимущество. Но на этом оно и закончится. Сегодня я намерен поменяться с тобой стилем, Хауг. Бешено атаковать нахрапом, применяя подлые приемы, буду я.

Излюбленный стиль Хауга – непрерывное наступление. Он любит силовое давление, мощные удары в основном из верхних позиций. Бесстрашные, хищные атаки, не дающее противнику хоть что-то сообразить, вынуждающее только парировать, сосредоточиться на обороне. Он привык наскакивать и рубить так, словно никакого меча противника перед ним нет. Сокрушительная серия ударов, наносимых с холодной яростью и такой скоростью, что все отбить, работая только на защиту – совершенно невозможно. Только защи-

щаться, парируя, это смерть. Потому, что ты скоро устанешь и пропустишь. И вообще не успеешь за ним – такое я много раз видел. Один-два, ну, три удара отобьешь и все – на четвертый он пробьет твою защиту.

Я же люблю начинать из нижних позиций, предназначенных для парирования с последующим переходом в контратаку, перехватом инициативы. Но такая работа требует идеальной точности и глазомера, скорости реакции и полного хладнокровия. Потому, что ошибка обойдется очень дорого. И если ты не знаешь противника, в условиях боя насмерть, лучше все же « буря и натиск », как выражался один неслабый боец с берегов прекрасного Рейна. Или не прекрасного, не был, впрочем, не видел. Что-то мысли разбегаются, сосредоточиться надо.

Вдруг Хауг остановился и обернулся ко мне.

– Мы пришли. Давай здесь.

И чем это место так замечательно? Небольшая поляна, окруженная старыми ольхами, травы по пояс. Под ней не видно ничего – корни, камни, ямы – что угодно может там быть.

Прежде, чем остановиться, я сделал еще полшага к Хаугу, словно по инерции, придержав левой рукой ножны, резко вытянул неплотно сидящий в ножнах меч и наверху саданул ему в челюсть. Хауг непроизвольно отпрянул, а я развернул кисть, продолжая удар из этого замаха, уже направив острое ему в грудь – но Хауг успел резко уйти в бок, разорвал

дистанцию и, отступив подальше, усмехнулся, глядя мне в глаза и обнажая свой клинок.

– Ну, я ждал чего-то подобного, братец. Да, помнится, ты показывал. Что, мне все-таки удалось тебя разозлить? Давно чесались руки мне врезать по роже? Ну, попробуй еще, может, получится.

Не отвечая ни слова, я вскинул меч в позицию «День» и мгновенно атаковал его. Он отбил, принимая на ребро, но как-то криво, скорее отклонил в сторону и слил. А затем произошло то, чего я никак не ожидал. Мы всегда считали это запрещенным приемом и друг к другу не применяли. После слива его лезвие оказалось над моим плечом, он резко прижал его к коже и потянул на себя – порезал меня, гад, Фреки его раздери! Порез был не глубоким, но боль сильной, и кровь потекла ручьем – это отвлекало. Если он намерен работать вот так, не сильно открываясь, переводя любую непрошедшую атаку в рез, выматывать... Да есть такой некрасивый способ – противник слабеет от боли и потери крови. И можно достать артерию на руке или бедре. Ах, ты так! Ну, держись, зараза!

Я снова атаковал его быстрой серией верхних и боковых ударов, и Хауг был вынужден парировать. Приняв последний на лезвие, он надавил, но у меня все же больше силы в руке. Вообще, я его тяжелее и мощнее – упор моих ног и давление корпуса ему пока не проломить. Молодой. Я отскочил примерно на шесть шагов, разрывая дистанцию до безопасной,

с целью провести финт, потому, что он, очевидно, увлекся. Я вновь вскинул лезвие, намечая атаку, и когда он открылся, выставя защиту, быстро уколол в ногу и снова ушел прыжком назад. Рана сразу снизила его резвость, но больше он не поведется. При следующей попытке шагнет под фальшивый замах, перехватит мой меч за сильную часть рукой и зарубит. Шутки кончились.

– Стой, стой! погоди! Опустит меч! Пока мы внутри круга, они не видят нас и не слышат.

– Да кто?!

Тут я заметил, что мы действительно стоим внутри круга, образованного смятой травой диаметром примерно десять – двенадцать футов. Приглядевшись, я понял, что трава не вытоптана, но каждая травинка внутри круга сломана – ровно, словно ножом сбрили, и зелень более яркая, прямо изумрудная.

– Сиды, конечно. Они наблюдают за поединком скрытно, поставили один к десяти на меня, что ты падешь. Слушай внимательно, да опусти же меч! Не будь ты таким тупицей, я не обманываю сейчас! Это сиды хотят нас надурить. Убить тебя моей рукой очень удобно, никто ничего не заподозрит. Я заберу в Миде Бренну и ребенка, женюсь на ней, а не позднее Июля умру. Я уже сейчас тяжело болен, но они меня обещали излечить, если я с тобой справлюсь. Однако, мне теперь точно известно, Киану лжет – он же сам меня и отравил.

– Постой, откуда ты знаешь?

– В Миде есть астролог и алхимик, ученый аптекарь некто Морголт, который якшается с магами и сидами. Деньги любит, но свою шкуру – больше. Взяли и подкоптили его немного. Не важно. Я проверял – действительно может делать точные прогнозы, особенно когда наложит в штаны со страха. Он предсказал мне смерть или сегодня или на Йоль. Не будут маги меня лечить. Они хотят Бренну выдать замуж за сына ард-риага, которого посадят на трон в Миде, брак с Бренной легитимизирует его власть, затем подавят бунты ярлов, упразднят область датского права, приструнят, а потом вообще изгонят клириков, отберут их богатства и монастырские земли и установят теократию друидов открыто и повсеместно, как было испокон. Подавляющее большинство христиан сразу вспомнит родную веру. И да здравствует старая добрая Ирландия. Это план сидов, совместно с воинами Вереска, среди которых много ирландцев – язычников. А нашу дочь убьют или еще что-то похуже... Она стала объектом ненависти некоей Гвенты. Морголт предполагает, что магичке не хочется иметь соперницу, равную, а может превосходящую ее силой. На всякий случай не выдавай Бранвен замуж сколь возможно долго, даже если это будет грозить конфликтами, и строго следи – девицы не могут колдовать. Долго объяснять, да в основном все – предположения и вопросы, верим или нет – пустое. Одно точно – я хочу умереть сегодня от честного оружия. У меня в животе что-то шевелится, Асмунд – холодное и мерзкое. И причиняет нестерпимую боль. Не хо-

чу сдохнуть на соломе и отправиться в Хель. Ты всегда был мне хорошим другом. Следи внимательно, я сделаю ошибку, которая даст тебе возможность убить меня, не причиняя позора и страданий. Они ничего не должны заподозрить.

– Почему они не могут забрать Бренну с ребенком из Каэр Мумман?

– Не знаю. Наверное, есть причина. Может, и явятся туда, откуда я знаю. Не выпускай девочек за ворота, или, наоборот, сам бери их и бегите подальше. В Данию или хотя бы на Мэн. Все, давай, выходим.

– Ты бред какой-то несешь, Хауг! Все это плод твоего больного воображения.

– Думай как хочешь, мне насрать. Что это меняет в данный момент? Не станешь больше драться со мной? Придет-ся, Асмунд! Или ты убьешь меня, или я тебя заколю. И не отдам им Бренну и мою Бранвен. Девочки тоже умрут. В любом случае, обоим нам уйти отсюда не позволят, пойми, наконец!

Хауг сделал широкий шаг вправо, покидая круг. Вот куда он меня вел... Я шагнул за ним следом в замешательстве и отступил назад, сохраняя дистанцию. Если его целью было сбить меня с толку и повергнуть в смятение – она была достигнута вполне. И результатом стало направленное мне прямо в сердце острие меча. Он готовился колоть меня. Сделай Хауг это правильно, с оппозицией, он защитил бы себя, направив острие мне в лицо, закрывая от рубящего удара го-

лову и тело полосой собственного поднятого клинка. Но он метил в сердце и совершенно открылся. И промедлил.

Я вложил в верхний боковой удар всю силу, было сложно, потому, что он выше меня. Но, неожиданно, мой клинок отмахнул голову Хауга так быстро, ровно и чисто, что несколько мгновений она оставалась на его плечах, и упало тело не сразу. Словно мой меч был заточен как бритва. Словно ждал этого века и века жаждал слизнуть эти круглые темные капли, так похожие на обыкновенную бруснику во мху. Хауг выронил оружие. Я опустил на колени и вложил меч обратно в его ладонь. Сжал ее и не мог подняться. Так и стоял на коленях, не в силах справиться с сокрушительной душевной болью.

Не знаю, сколько прошло времени. Мыслей не было. Только пустота. Зачем?!

Я очнулся от того, что кто-то тряс меня за плечо.

Велунд заставил меня подняться и протянул плащ. Рядом вздыхал и фыркал Зверь.

– Асмунд, пойдем со мной, друг. Он взял Зверя за узду, и мы вместе шагнули во влажный непроницаемый туман. И куда, спрашивается, делись солнце и ветер?

Бренна.

Эту осень и зиму мы с малышкой привыкали к жизни в замке в качестве хозяек и ни в чем не нуждались. Крестьяне, несколько озадаченные возвращением ранее неведомого

им лерда, дали нам достаточно зерна и заполнили погреб капустой, луком, артишоками, репой и яблоками, Асмунд со своими людьми часто охотились, чтобы на столе всегда было свежее мясо.

Молока у меня было мало, а через пару месяцев оно совсем пропало, но к счастью, хоть и грешно так говорить, мы смогли получить кормилицу и няню в лице Вален – молодой уже женщины, поздний слабенький ребенок которой умер. Обзавелись скотиной и домашней птицей. Так и жили, поглощенные обустройством хозяйства и нашего нового дома, как хорошие супруги, не один десяток лет проведенные друг подле друга.

Я была благодарна Асмунду за его старания: замок постепенно превращался во вполне жилое место, однако, поскольку был очень велик, его восстановление и ремонт шли медленнее, чем хотелось бы. За зиму мужчины починили кровлю, лестницу, а в жилых комнатах мы повесили гобелены и отладили огромные каминные в зале и наших спальнях.

Асмунд водил меня по замку воодушевленный, рассказывая, как он поправит круговую наружную галерею, как восстановит купальню, выходящую на озеро, показывал рисунки. Даже собирался провести воду на кухню и в отхожее место, в Луме они изучали и такие хитрости. Я с удивлением наблюдала, сколько Асмунд умеет и знает всяких практических вещей, о которых большинство людей и понятия не имеют: искать воду под землей, прививать плодовые деревья.

Когда он работает, становится очень серьезным и немного забавным в своей ворчливой дотошности. Для него важно все контролировать, а еще лучше – сделать своими руками: «Если хочешь, чтобы было сделано хорошо, сделай сам, не доверяя этой бестолковщине». Так он старался доказать себе и мне, что мы – семья, а это наш дом, в котором мы останемся навсегда.

Сад был прекрасен в своей запущенности, хоть большую часть проведенного мною тут времени скрыт под снегом, но сейчас на проталинах поднимали головки белоцветники, и я нашла вокруг падуба прелестно разросшийся морозник. Желтели, источая тонкий манящий аромат кустики волчьего лыка, вспыхивала синевой печеночница, тянулись из-под сухого опада трогательные тоненькие пролески и черные звездочки копытня.

Я предвкушала, гуляя в саду с малышкой и Дрейдре, какие еще сокровища обнаружатся, когда сад совершенно оживет и как много тут лекарственных растений, которые можно будет заготовить в нужное время. Уже сейчас без листвы, по одним ветвям и прошлогодним ягодам я определила боярышник, барбарис, калину, черную бузину и жимолость, обнаружила непроходимые заросли терна, которые покроются облаком цвета весной и дадут нам обильный урожай для приготовления повидла. И великолепный вечнозеленый старый падуб. Ему, наверное, лет сто. Я мечтала наладить настоящее аптечное производство как в монастыре.

За всеми этими делами я старалась забытья, не предаваться горьким воспоминаниям, не тревожиться и гнать даже тень сомнения и неуверенности в завтрашнем дне. Да молодой матери и хозяйке замка некогда особо раздумываться. И плакать нельзя.

Через седмицу после нашей свадьбы до нас дошло известие о смерти короля в Миде. Хауг был убит неизвестным олдерменом. Люди короля нашли тело в лесу недалеко от Асприна, на самой границе.

Однако, весна была холодной – даже более неровной и снежной, чем год назад, когда Асмунд увез меня из Миде – испуганную, подавленную – и казался мне таким чужим.

Прохладным пасмурным днем мы с Дрейдре гуляли с ребенком в саду, обсуждали какие-то будничные вещи, про режущийся зубик и поездку на ближайшую ярмарку, когда я почувствовала на себе взгляд Асмунда – он смотрел на нас с галереи, крышу которой как раз покрывали свежей дранкой. В этом взгляде была тоска. Дрейдре тоже заметила и, быстро взглянув на меня, сказала:

– Леди Бренна, боюсь, что малышка замерзла, да и мы продрогли до костей...

– Да, Дрейдре. К тому же ее пора вернуть Вален – надо ей подкрепиться. И нам с тобой – тоже. Отнесем ребенка и идем на кухню. Мне хочется выпить, и я тебя тоже приглашаю.

– О, благодарю.

Мы славно устроились на кухне у очага, наполнив кружки

горячим бьером с пряностями, закусывая вяленым мясом и сушеными яблоками. Было так уютно, мы молча пили и думали каждая о своем. Дрейдре робко прикоснулась к моему рукаву.

– Леди Бренна, осмелюсь ли я вас спросить...

– Ну, попробуй, мы ведь подруги... К тому же меня уже развезло, дорогая, так, что если есть какая-то нужда...

– Нет, это просто личный вопрос. Почему вы с лердом не спите вместе? Ведь после родов прошло уже больше полугода. Если вы нездоровы, у меня есть хороший лекарь, помогающий женщинам восстановить желание к мужу, или если что-то болит...

– Почему, ты уверена, что мы не...

– Дорогая леди... Я ведь ваша горничная. Кому же лучше знать, что происходит в вашей спальне. Точнее, чего там никогда не происходит.

– Надеюсь, другим слугам это не так очевидно?

– Что вы, конечно нет. Вы с лердом такая хорошая пара... Никогда не ругаетесь. Он беседует с вами, советуется. Только он очень грустный. И вы. На ваших лицах словно нет света счастья. Женщина, которой было хорошо ночью с мужем, светится... как бы отраженным светом этой любви на самом дне глаз, в улыбке. Она спокойна, как море. Да, бывает, так море светится, из глубины. Может быть волнение, даже буря, а потом успокоится, вспомнит и снова – мерцает свет.

– Дрейдре! Да ты никак училась у придворных бардов!

– Не смейтесь, леди. Тут нет ничего смешного. Это серьезное дело.

– Хорошо. Серьезно. Да, мы только друзья. Я не хотела давать согласие на брак, и мы так договорились. Асмунд совершенно свободен спать с кем хочет.

– Но, почему, Бренна? Леди Бренна... разве ... А как же, когда родственники лерда в первую ночь... простите, наверное это слишком...

– Иисус и Мария! У него нет здесь родственников, так... очень дальняя родня. Хорошо, я расскажу тебе. Да, первую ночь мы провели в одной постели. У меня горит лицо при одном воспоминании об этом. И, правда, от бьера. Налей мне еще. Тогда, перед свадьбой некая дама, доверенное лицо ард-риага, спросила, когда были роды и есть ли еще кровь. Тогда друиды откажутся сочетать нас. Потому, что кровь может осквернить их алтарь. Пойми, я все же переживала, что мы сочетаемся не по христианскому обряду и это в общем-то не настоящий брак. Я ответила, что прошло сорок дней и крови уже нет, но я не готова... принять мужчину. Она сказала, что мое состояние меня извиняет и достаточно будет, если мы просто проведем ночь после пира в одной постели, обнаженные. Они заглянут и все. Брак будет консумирован и я стану леди О'Браен аэп Мумман и мой ребенок будет законным, поскольку Асмунд признает ее своей и наречет родовым именем там же, перед алтарем.

Давай еще выпьем. Тогда я кормила Мели грудью и даже

напиться не могла.

– Леди, да что с вами, вы так разволновались. Чудно это. Да что в этом такого-то? Дело житейское. К тому же...ведь вы уже были с мужчиной.

– Мне трудно это объяснить, но я попробую. Нет. Сначала я расскажу тебе, что натворила.

Асмунд тоже не пил ничего, кроме воды. Надев брачный браслет, он меня поцеловал. Так, словно я последний глоток воды для того, чью лодку уносит в открытое море.

Ближе к концу пира нас отвели в спальню. Я попросила его не смотреть на меня – боялась не понравиться. У меня еще не до конца после родов убрался живот и грудь...ну ты представляешь, как выглядит грудь кормящей. И еще эти темные пятна... Он понял мою просьбу, наверное, по-своему. Не смотрел. Мы разделись и легли на холодные простыни, укрылись. Меня колотило, хоть я знала, что ничего не будет.

Он взял мою руку – так, как делал раньше, когда хотел меня успокоить, но меня прямо подбросило – я вся прижалась к нему – кожа к коже. Он попробовал слегка отстраниться, но я не дала, обняла его и заплакала. При этом я умом понимала, что творю какое-то безобразие, сама нарушаю договор. И тогда он вздохнул, сам покрепче меня прижал и сказал: «У алтаря мне стало ясно одно, птаха. Ты совершенно не умеешь целоваться. Даже этому тебя придется учить, бестолковая моя женушка». Он старался как-то пошутить, снять это

мое безумное напряжение. Асмунд был нежен – утер слезы и покрыл мое лицо поцелуями, осторожно гладил по волосам, но я не могла успокоиться. Я чувствовала дикое возбуждение и страх одновременно.

Хауг никогда не целовал – он просто брал меня, даже безо всякого желания и волнения. Это не было изнасилованием в полном смысле. Я ведь и не сопротивлялась. Это было ... привычно и ужасно унижительно, потому что в этом не было ничего от любви. Это было лишь доказательством, что я больше не человек, а трофей и принадлежу ему. Ну, а как еще подобный приз использовать. Хотели наследника от дома О'Нейл аэп Лагин – сделаем. Развернем эту племенную кобылицу лицом к стене... Когда беременность стала заметна, он прекратил свои визиты. И больше не собирался вернуть меня родным за выкуп. Вообще, видимо, не желал обо мне думать.

Я ведь, пока сидела в заточении, сочинила себе другого Хауга. По крупичкам собирала воспоминания, каким он был со мной до этого проклятого пира. Я думала о нем неотступно, убеждала себя, что люблю его. О том, какой он красивый, остроумный, сильный. Простила ему смерть моих родных. Правда, умоляла отпустить Уну, и он, действительно, отпустил... Придумывала ему тысячу оправданий, фантазировала о том, как он все же одумается, узнает правду и полюбит меня. Хоть и понимала, что после вот этого всего – невозможно. Потому, что я для него всегда буду воплощени-

ем проявленной им несправедливости и жестокости. И никогда мы не сможем друг другу доверять...

Понимаешь, любовь и постель стали в моем сознании как бы не связанными, а, напротив, враждебными друг другу вещами. После этих... визитов Хауга я чувствовала себя грязной, жалкой, покинутой всеми. Мне было еще более одиноко, чем когда сутками никто не приходил.

Я боялась, что мои чувства к Асмунду умрут, не выдержат испытания этим отвращением к подлости человеческой природы. Я чувствовала панику при одной мысли, о том, как он возьмет меня. Он мне так близок и дорог. И сделает со мной то же самое, что Хауг? Я была уверена, что это запачкает, убьет наши отношения.

Поэтому я взяла с Асмунда обещание, что мы не будем вместе спать.

Я думала, что мне нужны только его надежность, привязанность, поддержка, те теплые дружеские объятия. И он так считал, и не хотел, чтобы я покупала необходимую мне душевную близость тем, что мне противно и страшно. Поэтому он принял мои условия, считая, что я, как та его первая жена, Сольви, с ним только потому, что мне некуда деваться. А повторение истории было бы просто кошмаром.

Но все оказалось сложнее, Дрейдре. Все оказалось не так. Я совсем запуталась и напилась. Спустись, пожалуйста, в погреб, принеси еще.

– Сначала расскажите мне, что же такого натворили ужас-

ного, хорошо?

– Хорошо. Он просто хотел меня утешить, потому, что считал, что я переволновалась. Но я не отпускала его из объятий. Он поцеловал меня, с тем же безумным чувством, сладко и глубоко, и я жадно, хоть и неумело ответила на поцелуй. Его руки легли на мою грудь, погладили, сжали соски. По его пальцам и моему животу потекло молоко. Мне было страшно, но остро, невыносимо хорошо. Я закрыла глаза. Асмунд слизывал капли молока с моих сосков, ласкал и целовал уже иначе – требовательно, нетерпеливо. Мы совершенно обезумели. Он взял меня за бедра, его член уперся в мой живот... и он попытался погладить меня...там...просто пальцами. Тогда я опомнилась и испугалась. У меня ведь после родов еще не совсем зажило – внутри словно все было содрано. Я снова ощутила панику, рванулась из его рук. Он сразу отпустил меня, смутился, не зная, что теперь делать, растерянно шепнул мне: « Не бойся, птаха, я не буду» и отодвинулся. Волной накатил такой стыд...

– Ну, леди... И все?

– Если бы... Будто этого мало? Но нет, не все.

– Хватит, леди Бренна. Довольно с вас хмельного. Лерд Асмунд вроде жив остался, проведя с женой время в постели. Что вас грызет?

– Мне стало его так жалко. Он был растерян и имел виноватый вид, а его ...ну, ты понимаешь, я ведь сама раздразила, а потом стала вырываться, вела себя все время как ду-

ра. И я, вдруг поддавшись какому-то импульсу, помрачению ума, сделала то, чего никогда не делают порядочные женщины.

– М...?

– Я раньше слышала о таком, но не могла представить, чтобы я...

– Руками или ртом?

– Да. Ртом. Сначала у меня не очень получалось, но он мне помог... и мне даже понравилось. Потому, что я сама управляла ситуацией, контролировала его. И я успокоилась. Мое возбуждение превратилось в глубокое, теплое чувство. Мужчина становится так беспомощен и открыт, и от тебя зависит, испытает ли он наслаждение или боль.

– Ну, ты краской залилась! Да с чего ты решила, что так не делают порядочные женщины? Делают, леди Бренна.

– О, Дрейдре. Не смейся. Он тоже немного удивился. Не ожидал от меня такого.

– Ему понравилось?

– Да... он держался за спинку кровати и ...застонал так, что родственнички, наверное, услышали, не сунулись к нам...заглядывать. Ну, представь, что он после этого думает обо мне!

– Да, ничего, леди, особенного не думает. И вы много не думайте. Стыд это едкое, ядовитое чувство. Хорошо, что вы больше не стыдитесь мне рассказать о глубоко личных вещах. Теперь они вас перестанут так сильно беспокоить. Но

у меня к вам вопрос, леди. Почему вы это сделали, ответьте себе. Ответьте правду, ну же...

– Дрейдре, потому, что я с ним испытала что-то совсем другое, это были очень острые, сильные ...не знаю чувства или просто ощущения в теле. Он словно стянул с меня...что-то жесткое, стягивающее. Словно раздел, и я оказалась как земля – мягкая и влажная, жаждущая. Я хотела поймать это, почувствовать до конца, как это – хотеть мужчину. Я никогда не понимала, как можно забыть честь, долг, вообще пожертвовать важными вещами ради плотской любви. Что за глупость вот из-за этого – жизнью рисковать, развязывать войны, бежать на край земли...Но я поняла, что дело не только в самом наслаждении – хоть теперь я и могу представить себе, что если так сладко только от одних его прикосновений...не важно...просто я почувствовала, что плотская и духовная любовь – это не противоположные вещи и не разные...

А потом мы уснули, как раньше, когда ночевали в шалаше и звезды светили сквозь ветки, когда Асмунд обнимал меня просто, чтобы согреть и дать чувство защищенности. Утром он уехал по делу в Асприн и вернулся только на следующий день.

Я не находила себе места все это время. Мне было так грустно и тревожно, я испытывала необъяснимую тоску и смятение. Сердце болело, сама не знаю почему.

Асмунд вернулся вечером следующего дня в очень странном, даже подавленном настроении. Меня это сильно рас-

строило, я подумала, что из-за меня, может он подумал... что я испорченная или что-то такое... И еще две странные вещи – он был ранен, хоть и легко. Глубокий длинный порез на плече. Он отказался со мной объясняться на эту тему и даже толком не показал рану. Наверное, ввязался в какую-то драку, потому, что был зол. Кого-то задирали, чтобы дать выход гневу.

И еще – он был без меча. Достал свой старый, Клайдеб, который был у него, когда мы только познакомились. И привез мне утренний дар. Вот это кольцо. Правда, очень красивое и необычное. Может он за ним и ездил? Неужели обменял меч на кольцо? Это совершенно невыносимо, отдать такой меч. Или пришлось, потому, что потерпел поражение в поединке? Но этого тоже никак не могло бы быть. Такой меч он ни за что не позволил бы взять противнику, пока жив. Я мучилась, гадала, но не решилась спросить.

– Почему же не решились, леди?

– Да вот как-то... побоялась. Вечером у нас был короткий разговор, о котором я, наверное, жалею. Мы ужинали. Потом настало время отправляться в постель. Асмунд спросил меня, нравится ли мне та комната, в которой мы были после свадьбы и будем ли ее отделять как нашу спальню. Или у меня другие предложения. А я сказала, что предпочитаю спать в комнате рядом с детской, ну где сейчас. И что наш прежний договор остается в силе. Мы пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись. Почему я так поступила?

Дрейдре, сама не знаю. Это было как-то слишком... буднично, просто. Не соответствовало моему внутреннему смятению. И я подумала, что все вот это... желание, страсть – что это не надо. Лучше не надо. Лучше ему встретить нормальную, чистую девушку без такого прошлого.

Асмунд хороший, он ни на чем не настаивал. Женился на мне, чтобы обезопасить нас с Миле от любых интриг и планов сильных мира сего. Наверняка у него теперь есть женщина. Просто он не хочет, чтобы мне было неприятно, и поэтому я никогда о ней не узнаю. Ну, он же часто ездит по делам.

– А мне так не кажется, уж простите, госпожа. Вот уж выдумки. И что, лерд совсем-совсем ну ни разу не попытался

...

– Нет, больше и пальцем меня не тронул. Но что-то в наших отношениях сломалось. Мы не ссорились, но появился холодок... Мы держимся на расстоянии, нам тяжело и неловко стало быть наедине. И называет он меня только по имени. Девочка и малышка теперь только Мели.

Я ведь совсем не умею просить – внимания или чего-то другого, что мне необходимо для себя. Для других – пожалуйста. Мне в детстве говорили: «Обойдешься», и я научилась худо-бедно обходиться. Я очень сильно всегда боюсь, что мне откажут. Я все могла сама. Но не могла сама себя обнять и пожалеть. А потом появился Асмунд и делал это – жалел меня, утешал, объяснял важные вещи. Быть его девочкой так прекрасно. Завидую Мели. Ее он прижимает к

себе и целует. Хорошо, что родилась дочка.

– Да, лерд обожает Мели. Часто берет на руки, что-то ей говорит и напевает. Приятно видеть такого сильного мужчину с крохотным дитем. Ему необходим наследник.

Может быть, вам сделать первый шаг?

– Ну, Дрейдре, причем тут дети. Детей пока с меня до-вольно. Я не желаю навязываться. Все мои подобные выходы только все портили.

* * *

Да, портили... И рассказала я Дрейдре не все. Я совершенно не понимаю, что тогда между нами произошло. У нас была еще одна ночь.

Это случилось вечером Самайна, когда добрые люди не гасят огня в очаге, на котором непременно кипит рагу из потрохов и поздних овощей. Во дворе мрак разгоняли жертвенные и очистительные костры, доносилось мычание и визг скота, слабого, что может не пережить зиму и, потому забиваемого в этот день, или того, что проводили меж двух костров для очищения от порчи и болезни. В этот день не следует покидать дом, и мы с женщинами с самого утра занимались уборкой, отдавали или сжигали более не нужное, ветхое, обменивались дарами и рассыпали по углам зерно, что, умирая, возродится. Хоть я и христианка, но мне этот праздник не кажется мрачным или чуждым: идеи прощения зла, поминовения усопших добрым словом и символической жерт-

вой, размышления о смерти и вечности – ничто не вызывает у меня неприязни и чувства греха.

Вечером слуги накрыли стол на кухне, зажгли все огни – жаровни и очаг, и мы присоединились к ним. Асмунд и я с Мели на руках сели рядом во главе стола, по мою правую руку уселись женщины, а по левую руку Асмунда расположились мужчины. Мы пили горячий сбитень и красное вино, руками ломали пироги, теплый овсяный хлеб и мирно беседовали. Следовало припомнить и обсудить все важные события года и сиюминутные новости, сплетни и слухи тоже приветствовались, и уж нас ими вдоволь попотчевали... Так следует поступать, чтобы души умерших, бродящие в этот вечер среди живых, послушали, как поживают их родичи. Могут присниться, помочь советом, предупредить о чем-то...

Хоть было и тесновато, нашлось место для нескольких свободных сидений. Их поставили те, кто хотел «пригласить» своего покойного родственника или друга провести с нами вечер. Ведь в эту ночь мертвые свободны и могут явиться во плоти, как и сиды, любящие покидать свои холмы и присоединяться к пирующим под видом путника или даже знакомого, но неожиданного гостя. О таких внезапных явлениях к столу в ночь Самайна как раз рассказывала нам в тот вечер Вален, которая поставила стул для своего покойного мужа. Я слышала подобные истории множество раз. Они похожи и разнятся лишь некоторыми подробностями, но суть их в том, что к столу является далеко живущий родствен-

ник, с которым не виделись много лет. Гость делит трапезу с хозяевами, расспрашивает их обо всем, что произошло, и сам что-то рассказывает – обычно историю, которую потом толкуют как предсказание, просит у хозяев прощения, благословляет их дом, потомство и скот и наутро бесследно исчезает. Затем либо оказывается, что гостивший родственник в этом году умер, либо происходит нечто чудесное. Находится давно потерянная ценная вещь, хозяину возвращают старый долг или поправляется безнадежный больной – это благодарность Доброго народа.

Когда женщины убрали со стола, мы с Асмундом отправились в зал, чтобы еще немного посидеть у камина, выпить. Говорить ни о чем не хотелось, но было так спокойно, уютно... Перед тем, как разойтись по своим комнатам и лечь спать, Асмунд подвинул к камину кресло и наполнил серебряный кубок вином, а я положила на блюдо кусок пирога и пару румяных яблок.

Мы не говорили о том, для кого делаем это... Но оба знали.

Ночью я проснулась, словно от толчка и почувствовала смутную тревогу. Я лежала, пытаюсь понять ее причину, унять беспокойство, чтобы снова заснуть. Потом встала и подошла к окну. Костры давно потушили, но двор был залит светом полной луны. Я накинула на рубашку плащ и сверху теплый платок, затем тихо спустилась по лестнице, словно повинувшись беззвучному зову. В этот предутренний час все

в замке крепко спали, но мне не было страшно, потому что знала – галерею обходит стража, ворота закрыты... Я плохо соображала, но мысль о том, что я просто прогуляюсь и вернусь в постель, утешала какую-то часть дневного сознания.

Я пересекла двор и с удивлением поняла, что внутренние ворота приоткрыты. Они такие большие, мне самой не затворить их... И уже хотела отправиться искать незадачливую охрану, как вдруг увидела большую белую кошку. Ее длинная пушистая шерсть словно светилась в лунном свете. Да чья же это? Никогда ее не видела... Я шепотом позвала: «Кис– кис– кис». Кошка сверкнула на меня глазами и выскользнула в щель. Я всем телом навалилась на тяжелую створку и вышла за ней следом. Главные врата были распахнуты, мост опущен. У ворот и на стене не было ни души, никто меня не окликнул, и я ступила на белеющие тесаные бревна. И вспомнила, что уже переживала это – мост, укрытый непроницаемым густым туманом... Но тогда я была не одна – Асмунд вел меня за руку.

Я бывала вне стен замка нечасто, но все же бывала. Пейзаж, который предстал мне, не имел ничего общего с местностью, где мы жили: меж бескрайних черных болот, дышащих влажным смертельным холодом, покрытых кочками и островками, на которых изредка загорались и мерцали синеватые огоньки, шла ровная широкая дорога, созданная в этом диком краю трудами давно покинувших его солдат Рима. Она огибала кольцо невысоких холмов, казавшихся из-

дали седыми из-за цветущего белого вереска.

Я пошла по дороге, не замечая, что даже не обута. Мне совсем не было холодно или страшно, напротив, тревога совершенно исчезла.

Я поднялась на первый же из холмов и поняла, что это – курган, и все холмы вокруг – дома-бруге павших знатных воинов и королей. На вершине каждого горел небольшой костер.

Он меня давно ждал. С надеждой, словно я могла не прийти. Словно могла отказаться посмотреть последний раз в глаза моего короля – холодные, как датское море, коварное, злое море. Зеленое пастбище коней Ран, омывающее берега, населенные инеистыми великанами, о которых рассказывал мне Асмунд. Море алчное, редко милующее: швыряющее драконов на гранитные скалы в крошечной тьме, крошащее в щепы их крепкие ясеневого тела, жадно слизывающее теплых человечков со скамей шершавым черным языком. Я люблю море.

– Хауг.

– Здравствуй, Бренна. А где наша дочь?

– Мели? Она спит... с няней.

– Хорошо. Если ты хотела что-то мне сказать, то говори.

– Я любила тебя.

– Я знаю. Подойди ближе. Ты ведь не боишься меня. Почему?

– Нам... Мне... очень жаль. Это сделал Асмунд? Тебе...

было очень больно?

– Он отрубил мне голову. Боль ни с чем не сравнимая, но только на мгновение. Ты же знаешь, все, даже самое ужасное, когда-то заканчивается, а это закончилось быстро. Сиды нас обманули. Никогда не верь им – они коварные и безжалостные существа. Льесальвы ничем не лучше слуа, Добрым народом их величают совершенно напрасно. Но неблагой двор хотя бы веселее. Хочешь о чем-то спросить? Обычно люди хотят.

– А ты любил меня?

– Ты мне жестоко отомстила – отогрела, заставила открыться и ушла, оставив без защиты на морозе, во тьме, полной яростных клинков. Не думай об этом, теперь все ясно и хорошо.

– Ты не ответил.

– Да, очень сильно. Но ты выбрала безопасность. Хочешь знать будущее – свое, Асмунда, Бранвен?

– Ее зовут Мелисандра.

– Ты назвала ее Бранвен. Изменить предначертанное не получится.

– Постой, я не хочу. Не хочу знать.

– Вот и умница. Ничего не бойся, это бессмысленно. И не грусти, Бренна. Я тебя не целовал так, как хотелось. Жалею только об этом. Когда проснешься в своей постели, иди к Асмунду и займись с ним любовью.

– Я... Хауг, мы...

– Я знаю. Это просьба. Если можешь, выполни ее. Мы с ним посидели в зале, сыграли в хнефатафл, как в юности. Спасибо за яблоки. Ты знала, что я люблю такие, красные?

– Нет, это просто символ вечной жизни...

* * *

Асмунд все еще сидел в зале на табурете рядом с пустующим креслом и смотрел на красные угли, над которыми плясали крохотные язычки пламени. Я подошла сзади и обняла его, прижалась щекой к затылку, вдыхая знакомый запах волос и кожаной куртки. Он накрыл мои руки своими, потом, обнаружив, что я в плаще, обернулся и усадил на колени к себе лицом.

– Где ты бродила? Почему на тебе плащ и волосы влажные?

– Я потеряла платок. Там густой туман.

Только сейчас я поняла, как сильно замерзла, меня начал бить озноб, я силилась, но не могла унять дрожь.

– Ты ходила на двор? Босиком? – он поймал мои ступни горячими ладонями, сжал, согревая.

– Но ты не ходила на улицу. Асмунд внимательно взгляделся в мое лицо. – Ты плакала?

– Асмунд. Можешь побыть со мной? Я не усну одна.

Асмунд молча кивнул. Так мы сидели долго, он обнимал меня и укачивал на коленях как ребенка, а я уткнулась носом ему в шею и почти задремала, когда он прошептал мне на

ухо: «Все, птаха, надо ложиться». И за руку повел меня в мою спальню.

Я разделась в темноте, а он стоял в нерешительности – Посидеть с тобой, пока не уснешь?

Я подошла и положила ему руки на плечи, потянулась губами. Это было так... глупо. Я боялась, что он скажет что-то обыденное, от чего мне станет неловко, и уйдет. Может, пожелает мне спокойной ночи. Но Асмунд ничего не сказал, а накрыл мои губы своими.

В ласковом летнем море, на мелководье, особенно, где песчаные косы, да, на нежном тонком песочке, бывает страшная вещь – рип. Вот ты стоишь, казалось бы, твердо на дне, воды лишь по пояс и вдруг тебя сбивает с ног странная волна и тащит в открытое море. Дно уходит, ты теряешь опору и ориентацию, не можешь встать или плыть... Это не омут, не водоворот, но тебя несет все дальше, вырваться невозможно, сил все меньше... Ты то выныриваешь, то снова уходишь с головой, задыхаешься, захлебываешься и, в конце концов, тонешь... Тебя держат крепкие руки, но не понять – спасают они или топят, вы хватаетесь друг за друга, вас несет вместе и, хотя он сильный и умеет плавать, это ничего не значит по сравнению с мощью стихии. Ты цепляешься за его плечи, закрыв глаза, и понимаешь, что он тоже в плену у потока и не спасется, не выплывет, не оторвется теперь от тебя, и только доверившись, вы можете продержаться, может еще вынесет на спокойную воду, отпустит...

Я осознала, что мы в постели, и Асмунд, наконец, перестал целовать меня и что-то мне говорит.

– Я знаю, что завтра мы пожалеем об этом. Но мне очень нужно сейчас. Прости, прости, пожалуйста, птаха.

Я ничего не отвечаю, потому, что ведь он и не спрашивает, а просто разворачивает к себе спиной, мы снова сплетаем пальцы и нас тащит дальше. Я прижимаюсь к нему еще крепче, волны то сильно бьют, то томительно медленно качают, он шепчет, зарываясь лицом в мои волосы какие-то невероятные нежности, потом срывается и нас стремительно несет в середину водоворота, меня прошивает предчувствие мучительно-сладкой судороги, я успеваю глубоко вдохнуть, и меня накрывает волна...

Асмунд закрывает мне рот рукой, шепчет: « Тише, разбудим Вален, тише, малыш...», и я вдруг осознаю, что это я сейчас кричала и от стыда и растерянности кусаю его руку до крови. Он шипит от боли, хрипло говорит что-то по-датски и догоняет меня, тоже падая в оглушительно ревущую бездну.

Я люблю море.

* * *

Всякий скажет, что в таком скверном настроении не следует выезжать на серьезного зверя. Но уж подготовились, все справили, четверо ловчих проследили вепря до самого места дневки. Отсюда неблизко, зато погода хороша. После Самайна и такое солнышко с утра: хоть ночью изрядно примом-

розило, а быстро почва оттаяла, грибами даже пахнет. Лучи в ветвях играют, подсвечивают притихший лес – красной медью с прозеленью горит палая листва под копытами. Почему так все, почему, моя радость, солнышко ласковое? Как же быть нам с тобой, как жить дальше будем?

Ангус, выполняющий практически обязанности сенешала, настоял – свиньи расплодились страшно, пожрали и перерыли нашу репу, а крестьянам испортили овес, и сильно – весь стоптали. Стоит только в лес зайти, особенно в дубняк, что против северной башни, или вот к болотцу – что ни яма с грязью пожирнее, то вся в следах раздвоенных острых копытец, а лесная подстилка исчерчена короткими, шириной с ладонь полосами – следами поиска кабаном желудей и орехов.

Его вчера видели в камышовых зарослях у болота, отдышал – огромный секач, мощный, но чуткий и осторожный. На вид от рыла до хвоста в длину локтя четыре. Тяжеленный, пудов пятнадцать, если не все двадцать, и башка огромная. Клыки нижние чуть не фут. Ну, может со страху им показалось, сам-то я не ездил. Период гона еще не начался, так он один гуляет, а свинки с поросятами прошлогодними – отдельно, но близится время любви, и кабаны становятся злыми. С вечера еще раз направил клинок, которым возьму его. Кабаний меч – отличная штука: можно и колоть и рубить расширенной частью, а ограничительный диск, что вставляется ближе к острию, мешает раненому зверю тебя достать.

Этот, Фергус сказал, уже полностью оброс к зиме – жесткая щетина загустела плотным подшерстком. Верно, уж на шее и боках нагулял калкан – плотный щит, образуемый жиром, толстой кожей и грубой щетиной. Попадешь туда – соскользнет твой клинок, а если острием и поцарапаешь, только разозлишь. Но ты уже слишком близко – второй раз ударить не успеешь, а он точно изловчиться тебе куда-нибудь присунуть, и радуйся, если не в брюхо. Что ж, прекрасный, яростный противник в броне, хитрый и неустрашимый. То, что мне сейчас надо. Почему же так не хочется?

Вот и Колум с Фергусом поглядывают и перешептываются. Обсуждают, тролли дети, лерд хмурый и мрачный как обычно или хуже. Может хворь приключилось с их господином, благородным Брианом О'Брайеном аэп Мумман? Может несварение? Чрево заперло, иль, наоборот, лерда слабит? За собаками смотрите, лучше, лочки шептуны! Вон Белый ухо сейчас Медведке отгрызет. Спускайте уже со сворки, видите, терпения у них нет. Бежать, лаять, рыть задними ногами опад и грязь, рычать, наскакивать... Люблю собак, но вот эти, конкретно, тупые. Не понимают, что их ждет. Не хотят понимать.

А ты хочешь понимать, Асмунд? Жена тебе изменяет, и убить соперника не сможешь, потому, что убил уже пару месяцев назад. Ну как изменяет... Она с тобой вовсе не хочет иметь никаких дел, кроме хозяйственных вопросов. Все прилично и изящно: милые светские беседы о погоде или воспи-

тании детей и прислуги. Деликатные просьбы. Советы. Обеды. Распоряжения. «Что бы ты хотел ...»... Я бы хотел, моя леди, голову разбить о стену. Не знаю только, чью.

Пришла вчера, потому, что Хауг ее попросил. Откуда знаю? Потому, что он меня попросил тоже. Всю изласкал ее с макушки до кончиков пальцев, девочку мою желанную, ненаглядную, надеялся, что забудется, отпустит себя. И боялся услышать его имя. Напрасно. У тебя не жена, а стойкий боевой товарищ. И под пытками контроля не теряет: кричит, но имен не называет. Что ж ты злишься? В чем она провинилась-то? Пришла и приласкалась. Все остальное сделал ты сам.

Фергюс показывает мне на разрытые участки земли и следы копыт. Да, туда шел, точно, калину объедал. Я тоже спешиваюсь, и мы быстро находим теплую еще кабанью лежку. Вепрь услышал собак и прячется в овраге – неглубоком, делящимся на три распадка и плотно заросшим терновником и ольшаником.

Другой это или тот, которого они вчера у болота видели, поменял местечко? Псы до блевоты заходятся, но броситься в овраг не решаются. Колум их натравливает, поощряет, трое кидаются и еще две идут – но не слишком – то торопятся, видно поумнее. Их дело держать животное, пока охотник не подойдет, чтобы ударить копьем или мечом в сердце по левой лопатке.

Звучит просто. Будет он стоять и ждать, как же. Вот, когда

прет на тебя, собираясь пропороть клыками, то опускает голову и открывает спину – бей сверху и успевай сам от клыков убраться. Кстати, у него по башке на спину спускается гребень из щетины, встающий во время атаки дыбом, может соскользнуть оружие... Благодаря клыкам вебрь прицеливается перед нападением, сбивает с ног, топчет и грызет. Поэтому главное – увернуться от удара головой и удержаться на ногах. Можно дожидаться, пока он разгонится, отскочить в сторону и ударить в позвоночник, либо в голову. Он быстр, но неповоротлив и долго тормозит. Еще колоть можно в морду, в брюхо или подмышки за передними ногами.

Мощный и хитрый зверь отважен, как любой из воинов Хеймдаля – не сдастся, или он в Вальхаллу или охотник...

Один пес уже визжит. Ну, где там мой Сехримнир – ничего не видно, что в овраге происходит. Ладно, иду. Сюда лучи не доставали, и дно было припорошено снежком. Ручеек бежал черный, быстрый, камыш выше головы. Тут секач и полеживал – сквозь камыш пробит длинный ход.

Заглянул в распадок слева и сразу его увидел. Темно-серая шерсть, с каштановым отливом на концах щетинок. Огромная туша и загнутые клыки, действительно, не меньше фута. В нос ударило знакомое зловоние и запах крови.

Собака скулила и корчилась, задние ноги уже отнялись, но пыталась ползти, бедолага. Я подошел, повернул ее и быстро ударил между ребер кабаньим мечом. Пес затих и вытянулся. Собакам деваться там было особо некуда, но и ему от со-

бак. Две висели у него на ушах и рычали страшно, отчаянно. Ничего, он их стряхнет.

Не в настроении, как и я. И так же загнан в угол. Да, не задалось у нас утро, брат.

Я ударил снизу в бок, лезвие вошло до упора, но кабан рванул, и с такой силой, что псы разлетелись по сторонам, а зверь вскочил и забился в терновник, колючий и буйный – не пробиться. Он тоже не смог влезть туда целиком, лежал на брюхе задом ко мне и отрывисто дышал. Вот плохо, что задом – можно было бы попробовать еще за ухо уколоть.

В этот момент секач, заведясь от боли и собравшись, видно, с силами, вдруг вскочил, развернулся и бросился на меня. Я вскинул меч, но не успел – он преодолел десять локтей между нами парой прыжков и сбил с ног. Я сильно ударился головой о камни, в глазах на несколько мгновений потемнело, но ничего – вижу глину и корни в стенке оврага, чувствую, как зверь грызет мой сапог. Бездна!

Пытаюсь отбить рыло ногами, хотя куда там. Клык пропарывает ногу под коленом, и горячая кровь сочится в сапог. Но не страшно, если бы порвал жилу, сапог наполнился бы кровью мгновенно. Вытягиваю заломленную под себя руку, все еще крепко сжимающую клинок, рывком сажусь, подтягиваюсь, хватаю его за бок, крепко удерживаю рукой за щетину и колю в шею. Неудачно. Острие входит как в масло, но это и правда – жир. Почувствовав короткий укол, кабан отскакивает и снова прет на меня с такой скоростью, что я

только успеваю отползти к кустам ольшаника. Руки теперь мокрые и грязные, в глине и крови, перехватываю клинок удобнее, чтоб не выскользнул. Слугам меня не видно, они понятия не имеют, каковы наши дела.

Тут, на мою удачу, кабан почувствовал, что ему тоже очень плохо, и засомневался. Попятился, потом снова решил напасть, но от потери крови его шатнуло, повело, он всей тушей врезался в ольшаник и там завяз.

Я сумел подняться, дотянулся до него, схватил одной рукой за ухо, другой за шкуру, и, закинув ногу на хребет, повалил. И мы лежали немного так, в обнимку, головы у нас кружились и во рту так сухо. И больно же, Бездна, как! Надеюсь, сухожилие не порвал мне, а то стану хромцом как Велунд. Тяжелое утро, брат. Он попытался вырваться, и я уколол его в глаз, хоть метил за ухо. Один! Вот тебе кабан, одноглазый как ты. Зверь дернулся и сделал еще одну попытку рвануть, которая почти удалась. Но я одной рукой вцепился в щетинистый гребень, зубами – в ухо, навалился сверху, и он смирился, уши прижал и только крупно вздрагивал. Крови под ним натекла огромная лужа. И он ничего не видел, прижатый единственным глазом к земле. Потерпи брат. Как бы мне слезть с тебя и закончить наше дело. Я осторожно приподнялся, оттянул ушко и, наконец, точно уколол. Туша подо мной содрогнулась, прижатые уши медленно встали, а ноги дернулись и вытянулись. Все.

Леди Бренна О'Брайен аэп Мумман сегодня будет занята

распоряжениями на кухне. Но сначала ей придется зашить прохудившегося муженька. Некогда будет помечтать о павших героях, детка. А утро не такое уж мерзкое. Зимой-то солнышка и вовсе не дождешься.

Глава 15.

Бренне хотелось занять себя каким-нибудь рукоделием, но прясть и ткать она не умела, а шить не любила. В монастыре она научилась варить мыло, настаивать притирания и масла на цветах, составлять сборы, которые годились для того, чтобы сделать кожу бархатистой, упругой и нежной.

Поскольку купальня, выходящая на озеро, не отапливалась, Асмунд установил на кухне за ширмой небольшую медную ванну для купания ребенка. И, хотя поплавать в озере в теплую летнюю ночь, конечно, здорово, Бренна и Дрейдре полюбили устраивать себе посиделки на кухне. Прохладными поздними вечерами, когда весь замок уже спал, при свете очага и свечей, они наполняли ванну то водой пополам с козьим молоком, то отваром трав. Женщины, прихватив легкие закуски и вино, ухаживали друг за другом и секретничали.

Бренна все больше привязывалась к Дрейдре, ведь у нее не было близкой подруги с детских лет.

Приближался Мидсаммир, ночи стали короткими и светлыми, поэтому полуночные купания на кухне не требовали иного освещения, чем пылающий очаг. Дрейдре уже напол-

нила ванну, а Бренна принялась раздеваться, когда из дальних комнат послышался плач малышки.

– Наверное, Вален крепко заснула. Ложитесь в ванну, госпожа, а то остынет. Я схожу, успокою дитя и разбужу няню.

– Спасибо, Дрейдре. Покажи только, куда ты убрала крем из мыльного корня, тот, который с семенами льна.

Дрейдре вышла, а Бренна, сев в теплую ароматную воду, прикрыла глаза. Солнце село, и комната, погруженная в летние сумерки, освещалась только дрожащим светом пламени.

Вдруг Бренна уловила в безмолвии чье-то присутствие – неуловимый шорох, холодное дуновение сквозняка, едва различимые шаги, шепоток. Ее объял ужас, чтобы открыть глаза, понадобилось нечеловеческое усилие.

Прямо перед Бренной стояла старуха с петлей на шее в полосатом плаще. У нее были длинные черные ноги, борода до колен и съехавший на бок рот, который вдруг распахнулся, словно отвалилась подвязанная челюсть покойника и оттуда, из беззубого зловонного провала, послышался тихий свистящий шепот: « Землю прошли и построили дом – белена, красавка и вех – меж пеной морской и зыбким песком, рыдания волн и чаек смех – не ведомо вам, что случится потом – огонь по стропилам новым бежит – лаконост, белладонна, дурман, аконит ...» Свое пророчество страшная гостья с того света произнесла, стоя на одной ноге.

Бренна не могла ни закричать, ни пошевелиться. Когда она снова вернулась к реальности, вода в ванне давно остыла,

старуха исчезла.

Бренна встала, завернулась в полотно и на дрожащих ногах побрела из кухни.

Она дошла до спальни Асмунда, толкнулась всем телом в дверь и почти упала на пороге комнаты.

– Бренна, что? Мели заболела? Да что случилось, птаха?! На тебе лица нет. Эй, да скажи, что стряслось! Почему ты в этой тряпке? Тебя и ноги не держат. Ну, Бренна!

– На кухне я хотела принять ванну. Дрейдре ушла, а там... там старуха... не живая, призрак. Она пророчила нам всем смерть.

– Боги!

– Ты думаешь я вру или сошла с ума?

– Ну... нет, наверное. Может, ты просто задремала, и это был кошмар? Пойдем, посмотрим.

– Что посмотрим? Там ее уже нет. Ты мне не веришь?

– Сейчас, штаны натяну, хотя бы – я уже лег. Ты меня разбудила и перепугала своим видом. Пойдем все же сходим, а то Дрейдре будет искать тебя и волноваться.

Горничная действительно была удивлена, когда в дверях кухни появился как всегда сдержанный и серьезный лерд в одних исподних штанах, крепко державший за руку леди Бренну, которая испуганно вглядывалась в скрытые сумерками углы кухни, одной рукой придерживая спадающее полотно.

– Леди, простите, я немного задержалась... Лерд

Асмунд...

– Все в порядке, Дрейдре. Леди решила, что увидела при-
видение. Предполагаю, завтра она тебе все расскажет в по-
дробностях. А сейчас час поздний. Поставь греться воду и
можешь идти спать. Я сам помогу жене принять ванну.

– Но...

– Что-то не так? Не переживай, я ее вымою, но есть не
стану.

– Конечно, нет, лерд Асмунд. – Дрейдре не позволила себе
улыбнуться.

Бренна стояла босая, кутаясь в ткань, растерянно наблю-
дая, как Асмунд деловито долил горячей воды, взял со столи-
ка один из флакончиков, понюхал и, удовлетворенно хмык-
нув, вылил его содержимое следом.

– Гелиотроп?

– Что ты задумал, позволь спросить?

– А что, это не для ванны? Пахнет неплохо, хотя я пред-
почитаю, когда твоя кожа пахнет не цветочками, а ...тобой.
Готово, полезай. Чем там Дрейдре тебя трет? А вот губка...
Дорогая, прошу, поторопись, пока я не рассердился оконча-
тельно.

– Почему ты так со мной разговариваешь? Таким тоном?
И что это за глупости? Что за «дорогая»? Да я уже насиделась
в ванне!

– Не страшно, от чистоты еще никто не умер. Давай дого-
воримся, Бренна: ты, без всяких препирательств, сделаешь

то, что я прошу, а я разьясню тебе свой план. Не вижу причин упираться – голый я тебя видел неоднократно. Вот и умница.

Так вот. В последнее время силы зла проникают на нашу территорию безукоризненного порядка и примерной добродетели подозрительно часто, не находишь? Я, как хозяин этого дома, не готов с этим мириться. Пока воинство мрака не обрушилось на наше скромное хозяйство, и не начался маленький местный Рогнарк, я просто не имею права бездействовать.

Вот этим можно? М... а там дробленые косточки каких-то плодов. Наверное приятно потереть спинку... И не только спинку... Руки! Сиди смирно! Тут кожа слишком нежная, я буду осторожнее, но придется потерпеть. Что такое? Чего ты дергаешься? Сама сделала такую штуку. Или Дрейдре здесь можно трогать, а мне нет? А ведь не она твой законный муж... Этим кувшином поливать? Не холодная?

Послушай, Бренна, мне безумно надоел этот наш молчаливый целибат. Я около года ежедневно дрочу на твой светлый облик. А ты думала, я тут кого-то имею втихомолку? Нет, мой светик. Угадай-ка, чего больше всего страшатся выходцы с того света, всякие там драугары, вурдалаки, вельвы и прочие мертвяки? Что живые люди могут противопоставить смерти? Нет, не остролист, не терновник, не холодное железо и текучую воду я имею в виду.

Бренна резко встала, прижав руки к пылающим щекам, и,

глядя на свои колени, через силу выдавила:

– Ты хочешь со мной переспать? Асмунд, ну к чему ты затеял этот скандал? Возьми меня и все. Имеешь право. И можешь особо не нежничать.

– Право?! И все?! Сядь немедленно! Кто тебе встать разрешил!

– Не кричи на меня... Асмунд, пожалуйста... Да что с тобой такое, я тебя таким никогда не видела...

– Ну, ладно, извини. Только плакать не вздумай... Сейчас будем мыть голову. Все, все... закрой глаза, а то мыло попадет. Расслабься. Не буду кричать... Я объясню тебе, моя радость, моя сладкая девочка... На этот раз безо всякого тумана и ужимок трубадуров темного стиля.

Хочу ли переспать? Хочу с тех пор, как укрывал своим брэтом в первый день нашего путешествия. Или когда обнимал тебя, а ты так сладко плакала мне в подмышку в доме Бера. Или может быть, когда ты жалась ко мне, боясь звуков ночного леса, после моей страшной байки о злобных пикси... Нет, тогда уже хотел так, что рядом не мог... Ты завладела моим сердцем. Мы спали с тобой у костра или в палатке, я тебя согревал... А ты не замечала, что я иногда внезапно уходил прогуляться под дождем или искупаться в лесном озере, в водице ледяной? Потому, что становилось невыносимо, моя малышка. Я все же живой человек, к тому же проклятый язычник, а не этот... не помню, из святого писания. Вы, женщины, и понятия не имеете о том, что можно сочув-

ствовать, и слезы вытирать, и умиляться, испытывать чистую нежность и, одновременно, бесстыдное скотское вожделение

Хель знает как я хотел тебя, малыш... В Самайн сорвался, хоть и нельзя было, конечно. Но я давно терплю и еще потерплю. «Возьми меня и все». И губки надула. Нет уж, так дешево ты теперь не отделаешься, моя милая. Потому, что это не поможет, а, пожалуй, только навредит.

Я ведь ужасный человек – страшный зануда, предельно расчетлив и предусмотрителен. И всегда придерживался определенных скучных правил. Если я чувствую, что тело моей женщины говорит «да», но губы произносят «нет», я должен сначала выяснить, почему ее умная голова считает, что нельзя. И наоборот: если ты говоришь мне «да», а тело ведет себя так, словно я тебя насилую, придется остановиться. Дать тебе время понять, что происходит и действительно ли это «да». Я всегда считал, что нет на свете ничего, в чем не смогли бы разобраться два взрослых умных человека. Но пусть сожрет меня Фенрир, если я хоть что-то понял про нас с тобой, моя леди.

Вытирайся и иди сюда. Будем сушить и расчесывать твои кудри. Нет, ну как у тебя язык повернулся: «Возьми и не нежничай!» Садись сюда. Что ты смотришь как олененок на йотуна, садись!

– Асмунд, прекрати орать! Что ты бесишься?

– Меня бесит, что ты меня боишься! Ты избегаешь любых ситуаций, когда мы могли бы остаться вдвоем. Ты все

время с Дрейдре или с другими женщинами или с ребенком на руках. Избегаешь меня и притворяешься, что... я даже слова не могу подобрать... что эта противная человеческому естеству жизнь... что это нормально, прилично, ах, да ... и романтично... Как Тристан и Изольда. Баллады бардов – оттуда вся эта ерунда у тебя в голове, ответь мне? Или всему виной вбитая с детства мерзость христианских кастратов? Ты как будто удивлена моим поведением и даже оскорблена. Не ожидала ничего подобного... Уф... даже дышать тяжело стало от злости.

Ведь ты тянулась ко мне с самого начала, это было очевидно. Но как-то странно, непонятно себя вела и продолжаешь в этом духе. То провоцируешь, то отталкиваешь.

И меня до сего момента терзал вопрос: то ли ты действительно так наивна и невинна, то ли хитро крутишь мной, распалая мою страсть своей мнимой холодностью.

Но теперь я хотя бы вижу, что это чушь. Ты действительно совершенно невинное существо. И боишься меня прямо сейчас. Это ... такое чувство беспомощности вызывает – ярость прямо. Хочется тебя придушить.

– Я просто не могу, когда на меня кричат. Перестаю изображать и впадаю в панику.

– Да разве я когда-то обижал тебя, мое солнышко?

– Тебе же хочется меня придушить... так и сделай все, что хочешь. Ты вроде бы не обижал, до этого момента.

– Бренна, прости... ну, прости... не плачь... Ну пере-

стань, пожалуйста... Я бился за тебя... Когда ты рожала, думал с ума сойду... Я первым взял на руки Мели, я действительно считаю ее своей дочкой. И я хотел дать тебе этот дом, я готов хоть сам пахать эту землю... Я думал, что этим всем без слов каждый день говорю, как люблю тебя. Но этого не достаточно.

Когда ты разбудила меня сегодня так внезапно, я сначала подумал, что малышка заболела. Но ведь и правда, моя малышка в беде, ей грустно, ей страшно, хоть и удается пока себя отвлекать, да, она заболела... Моя другая малышка. Ее слишком часто били по рукам, когда она протягивала их, чтобы ее взяли на ручки. Ее слишком часто одергивали, стыдили. Ее желания и мысли никого не интересовали, на нее шикали и хлопали по губам. Ей делали больно и оставляли совсем одну. Я думал, что чудесный караван сказок вылечит мою девочку. Но нет, этого недостаточно, чтобы ее расколдовать.

Чего же хотят маленькие девочки, которые спрятаны там, внутри больших и умных? Что еще, кроме сказок? Может быть танцы, игры и драгоценности? Я подарю своей принцессе драгоценности – но они будут не вполне обычные, особенные. Завтра поедем – я знаю одно сокровище, случайно обнаружил. Танцы – да, легко. Это будут волшебные танцы. Что же до игр... Ты ведь не прочь поиграть, Бренна? Все, вытри слезы.

– Что ты имеешь в виду? Зачем ты так убираешь мои во-

лосы?

– Не переживай. Убираю, чтобы маслом не запачкать. Я привез тебе недавно целый флакон розового масла. Где он?

– Да зачем нам масло?

– Зажарю тебя вот прямо тут на углях, сбрызнув маслом, и съем. И все свалю на привидение... Так вот, игры... я долго думал, я ведь не Ренар, к сожалению... Дело в том, что рассказы, разговоры всякие, сказки там... лечат только ум. Но у моей девочки есть не только голова. У нее есть много всяких... штук. В общем, игра такая: с сегодняшнего дня, чисто в рамках игры – я подчеркиваю – игры... ты, Бренна, самостоятельный взрослый человек со свободной волей и несгибаемым, не побоюсь этого слова, характером, будешь слушаться меня беспрекословно и выполнять все, что я тебе велю. Так, где масло – то?

– И в чем же здесь игра? Это просто грубое насилие. Вот масло. Можешь съесть меня хоть сырой. По-моему, ты бредишь, муженек.

– Хм, грубое... заманчиво. Но нет, насилия не будет, даже не рассчитывай. Суть игры в том, что если я предложу тебе или сделаю с тобой что-то такое, что тебе не понравится, не доставит удовольствие или радость, я проиграл и уступаю ход тебе. Наслаждение будешь доставлять мне ты, как знаешь... Но, чур, не жульничать. Играем на честность. Давай, а?

– Ну, хорошо. Можно попробовать... Что это ты приду-

мал? Это моя лучшая скатерть!

– А нам и понадобится самое лучшее... Ложись на стол.

– Что ты собираешься делать?

– Ой, не надо только притворяться, что еще не догадалась и беспокоишься, что вот съем тебя прямо на лучшей скатерти. Не сегодня, малышка. Разве что помечтаю об этом на досуге. Все, ложись сначала на живот. Ну, мы же договорились, Бренна. Дрейдре натирает тебя этим маслом после ванны, да ведь? Я помогу – вот так. И глазки закрой. Мое сокровище, моя сладкая девочка будет пахнуть как рабыня в гареме арабского шейха. Да – да, масло-то оттуда. Если будешь умицей, расскажу арабскую сказку о белой верблюдице. Говорила «можно не нежничать», а сама так напряжена... Нет уж, буду нежничать.

Ну скажи, что тебе не нравится... Как это интересно, что у Мели такие же точно два пальчика на ноге немного вместе, а эти – не так... Спинку можно помять пожестче... и вот здесь, у шейки... и плечи. Не больно?

– Нет... Где это ты такому научился?

– Я, знаешь ли, многое умею, ты даже удивишься. Такая теплая и разморенная, гладкая и шелковистая... Ренар напрасно считал... ну, ладно, это все глупости...

– Ренар? А он причем тут? Вы что, говорили обо мне?! Вот ведь гад, предатель!

– А ты сомневалась? Такова его натура...

– И что он тебе сказал?

– А что ты так напряглась? Я знал, конечно, о его коварстве. Он успел влезть тебе в голову, признайся, а, малыш?

– Давай не будем о нем говорить.

– Да, пожалуй... А то мало ли куда заведет подобный разговор. Он просто слишком жаден, не может пройти мимо соколовища и не запустить лапу. Но вовремя одумался и сделал вид, что просто мимо проходил, случайно заглянул и решил дать пару бесценных советов. Не пояснил только, как проделывать это все и не сожрать тебя с этими ямочками. И не кончить в штаны.

Переворачивайся. Оп... моя скользкая рыбка... У тебя самая красивая грудь из всех, что я видел в своей жизни. Соски как вишенки на снегу. Да, я намерен говорить тебе всякие непристойности. Потому что отныне стану злохитрым соблазнителем.

– Ты перепачкаешь маслом скатерть.

– Молчи, пожалуйста. Стараешься казаться озабоченной хозяйством? Это не поможет – я все равно вижу, какая ты горячая, отзывчивая девочка. И румянец тебе идет, намного больше, чем добродетельный постный вид.

– Ты теперь будешь издеваться?

– Ну...немного. Совсем чуть-чуть...

Кстати, скатерть достаточно мягкая и плотная. Я вообще собираюсь тебя в нее завернуть и отнести в постель. Запеленать, как детку. Ты предпочитаешь спать в моей кровати или мы идем к тебе? Ну, или ты больше не боишься привидений?

– Вот как же не стыдно тебе меня дразнить...

– Ну, ладно, не буду дразнить. Пойдем к тебе в спальню, Дрейдре будет довольна. Просто спать, обещаю. Ну, так и быть, обниму тебя, хоть, боюсь, мой нос оглохнет от аромата роз.

Бренна.

Я проснулась от яркого света. На улице раздавались голоса – бас Конора, писк Мели, а затем – воркующие увещания Вален. Я не сразу поняла, почему мне так жарко и неудобно и почему я не могу пошевелить руками и ногами – словно связана, а прямо на мое лицо лились жаркие лучи полуденного солнца, так что я ничего не видела, хотя по ощущениям находилась в своей кровати. Я задергалась, стараясь высвободиться.

Рядом заворочался Асмунд. А...да, я все еще запеленута в скатерть. Значит, вчера мгновенно уснула, как только он принес меня, уложил головой на подушку. Ощущения действительно были как в детстве, когда мама, искупав, укладывала в постельку. Такие ...на уровне кожи. Глубокий покой, беззаботность, легкая пустая головенка в мягких кудряшках. Господи, что подумает Дрейдре, увидев эти масляные пятна.

– Доброе утро, моя ...куколка? Глаза Асмунда светились мальчишеским озорством. Интересно, если я тебя освобожу из кокона, ты не улетишь в окошко в виде капустницы?

– Не смешно. Помоги мне. Да как ты меня так замотал!

– Не сердись, Бренна. Подумаешь, проспали немного – солнышко в зените. Ну что ты дуешься? А если я тебя все же вызволю, поцелуешь меня?

– Я просто волнуюсь – не могу понять, что с тобой случилось. Куда Локи дел моего Асмунда и откуда вытащил этого... пошлого ухажора.

– О как. И за что ты так со мной?

– Вот тебе заняться больше нечем? Распутай меня, мне так неудобно.

– Да, ты права. – Лицо Асмунда омрачилось. – У меня много работы. Надо как можно скорее приступить к вербовке людей, их вооружению и обучению. Бывшая солдатня не умеет ничего, кроме самого элементарного «стройся, руби, коли, отступай». Потому, что я теперь обязан ард риагу службой. Есть и другие важные дела, о которых необходимо подумать. Например, о сооружении амбаров и погребов под припасы.

А я постоянно думаю о, прости уж, плотских утехах с тобой. Наверное, я сам приложил руку к тому, что ты меня стала считать каким-то правильным и твердым человеком. Да если бы ты знала, какие я представляю себе картинки, ты бы еще не так меня обозвала... Ты и слов-то таких не знаешь, птаха.

Ну что, надо продолжать вчерашний разговор? Изволь, хотя мы могли бы посвятить это дивное утро более приятным вещам.

Вот ответ мне на простой вопрос – чего ты хочешь? Чтобы мы прожили до старости вместе как монахи? Или другого мужчину?

– Да не нужен мне другой мужчина. Ну, прости. Я снова все испортила?

Асмунд молчал, но взгляд его постепенно потеплел.

– Немного... Но, нет. Еще можно исправить... Я просто тебя накажу. Ты как раз удачно связана.

– Шутишь?

– Почему же? С этого момента «серьезные разговоры» под запретом, хватит выяснять отношения. За подобные провокации или неповиновение будешь наказана, сердце мое. Помнишь наш договор? Ты сама согласилась. Потом я тебя прощу, и мы поедем, как и было обещано, в прелестное место, где полно соковищ.

– И... как ты меня накажешь?

– Иди-ка сюда.

Он притянул меня к себе и уложил сверху так, что наши лица почти соприкасались.

– Поцелуй меня. Сама. Я тебе только немного помогу... начать.

И Асмунд запустил пальцы в мои волосы. Слегка нажимая на затылок, он приблизил мое лицо и стал нежно целовать и покусывать губы, потом глубоко проник языком.

Говорят, что когда человека похищают фэйри, он не чувствует течения времени, и могут пронестись столетия, пока

он пляшет в их хороводе под волшебную музыку. Но это потому, что у него не устает шея. А моя – чертовски устала, потому что руки Асмунда перестали придерживать голову и теперь гладили через ткань скатерти мою поясницу и бедра. Я уткнулась носом ему в ключицу и почувствовала легкие поцелуи на своей шее, затем он поймал губами мочку моего уха. Я тысячу раз вдевала серьги, бывало, Уна дергала меня за ухо за какую-нибудь шалость. Я даже не подозревала, что можно вызвать такое адское пламя похоти, всего лишь слегка посасывая и покусывая мочку уха. Он сжал мои ягодицы сильнее. Даже через плотную ткань я чувствовала животом его член, но была спеленута и совершенно беспомощна – могла только тихонько постанывать.

Асмунд резко перевернул меня и посмотрел прямо в глаза.

– Ну, хватит. Почти хорошо, ты старалась. Есть еще над чем работать, но в целом справилась.

Он сказал это как-то насмешливо, даже холодно. Вот так. Я чуть не заплакала от разочарования и обиды.

Асмунд усмехнулся.

– Ну что ты, светик мой. Не стоит все же нам торопиться и, схватив горячее, портить себе удовольствие, обжигая язык. Подождем, пока остынет. Спасибо скатерке. Она заслужила особую почетную стирку. Все, давай размотаю. Признаться, я тут немного край подоткнул, самой тебе было бы не просто освободиться...

Я легла рядом с ним без сил и отвернулась, натянув до подбородка злополучную скатерть. Внизу живота все просто ныло, настроение стремительно становилось мерзким.

– Можно я тебе скажу одну интимную вещь? Пожелание на будущее?

– Если станешь меня унижать, может и не будет будущего. Асмунд хитро улыбнулся и взял меня за руку.

– Бренна, моя сладкая девочка... Я просто хочу, чтобы у нас это было чем-то особенным, без рутины и притворства. Ты верно забыла, но я поклялся тебе своей удачей в доме Бера, помнишь? Что никогда не обижу, во всяком случае, с умыслом. Поверь, у меня есть некий план нашего спасения. Может и нелепый, но я хочу попробовать. Ну, улыбнись. Мы сейчас позавтракаем и поедem на море. Надо, кстати, взять воды побольше, день жаркий.

– На море? А что за интимная вещь? Ну, говори, раз уж заикнулся.

– А... Мне очень нравится, когда ты так сладко стонешь. Никогда не стесняйся и не сдерживайся. Это так здорово и дико меня возбуждает. Я крепился из последних сил.

Ну, все, пойду к себе одеваться, и ты спускайся. Надо, наконец, выяснить, что они там так орут на дворе, что за кошачий вой подняли. Не дадут спокойно с женой полежать, Фреки их в глотку!

Высокого худенького паренька под наши окна привели двое хмурых немолодых воинов – из новых наемников Асмунда, за ними тянулись мастеровые и несколько любопытных крестьян, что привезли фураж для конюшни. Кузнец, державшийся к воинам поближе, сжимал в руке окровавленный короткий меч со скругленным наконечником, своей собственнойковки.

– Смотри-ка, про кацбальгер я прям угадал. Ты что надедал, малец? Зачем убил моего человека?

Асмунд приподнял за русый чуб голову мальчика и заглянул в испуганные серые глаза.

– Чего ж молчишь? Имел смелость пырнуть человека этим убогим дрыном, так имей смелость и отвечать. Или велеть моим людям, чтоб по – другому спросили? Знаешь как?

– Ты дан? – парнишка скрепился и старался говорить дерзко. – Я знаю, северянам любо мучить.

– Нет, я не люблю причинять боль, но что ж поделатъ, умею, если надо...

– А мне нечего таить. Я убил этого человека из мести за мою семью. Узнал его и выследил, выждал время. Я слышал, что сегодня он придет забирать свой хауберк, дождался его и зарезал как борова. Он того не ожидал. И, к моей огромной радости, умер не сразу – я напомнил ему о девочке Дойре и гостеприимстве, оказанном нашим отцом. Я выполнил долг и я не трус. Ты повесишь меня?

– Скорее всего. К чему этот пафос? Трус не трус, а уми-

рать-то страшно, парень. Но посмотрим. Кто тебя пустил в замок с оружием?

– У него не было никакого оружия, когда он пришел, лерд Асмунд – поспешил доложить один из караульных, что стоял с утра у ворот. – Сказал, что в кузню, забрать заказ.

– Это мой меч, добрый лерд – прогудел кузнец, – Дозвольте мне рассказать. Этот человек, которого он убил, ну, Кален, оставил у меня для починки кольчужный доспех четыре дня назад. А этот мальчишка сидел в кузне и ждал, пока я почию замок. Его прислали отнести мне замок, а я взялся, прям сразу и разобрал, потому как любопытство – не видал я такой хитрой работы...

– Покороче.

– А Калену велел приходить через четыре дня – ну, то есть сегодня. Там и койф и хауберк требовали...

– Поближе к делу, мастер.

– А сегодня, с утра, опять, гляжу, мальчишка этот. И стал все разглядывать, что на продажу лежало для хозяйства – серпы там, косы, топорики, а потом стал смотреть наконецники и прицениваться «почем гарпун такой иль растакэй, почем то и се»... И на оружие косился, хоть руками и не смел трогать. Я вижу, денег у него вроде нет, но не уходит, ждет, пока я, значит, оплошаю, чтобы покражу совершить...

Тут Кален зашел. Я за работой вышел на единый миг, думал, ну не станет же он при человеке-то... а вернулся – Кален корчится с кошкодером в боку, этот стоит застывши. И что

с молокососами нынче твориться? Я...

– Спасибо, кузнец, ты можешь идти. Оружие оставь пока. Тебе позже вернут.

– Смотри, Бренна, эта железяка называется кацбальгер. Вообще-то это для строевого боя вспомогательный меч. Но такие были в моде и у студентов в Луме, которые хотели сойти за отчаянных сорвиголов, да у местных забияк – мастеровых, в общем, любимое оружие всякой городской швали. Германское название – «кошачья схватка» или попросту – кошкодер. А по нашему – «потасовщик». Клинок негодный для фехтования – короткий, тяжелый, но не уравновешенный – яблока на навершии – то нет. Гарда зато интересная – всегда делают восьмеркой почему-то. С такой штуковиной не рисуются перед девушками, его выхватывают как оружие «последнего шанса» в общей свалке, яростной и скоротечной. Пырнули и убежали. Или, когда мастера сошлись стенка на стенку. В общем, годится для плотного кровавого замеса в крестьянском вкусе – без изысков. Ну, что с этим щенком будем делать?

– Ты, правда, велишь его повесить, вот так, не разобравшись?

– Предлагаешь его на дыбу вздернуть? Или кузнеца? Шу-чу, шу-чу, леди Бренна. А есть в чем разбираться? Отомстить за родных – его обязанность. А за моих людей – моя. Он убил человека, который мне присягнул, да еще прямо в моем замке.

Но, не хотелось бы портить чудный день и откладывать нашу прогулку. Ведь утро выдалось непростым, но занятым, а вечер – много обещает. Да, моя леди?

– Да. Прошу тебя, расспроси его подробнее. Может быть, есть возможность смягчить наказание?

– Эй, парень, слышал, что сказала леди – к вечеру будь добр назвать хоть одну причину – только убедительную, а не это вот героическое мяуканье про честь и долг – по которой я мог бы временно воздержаться от твоей казни. Эта причина должна быть внятной и бесспорной – мне ведь придется озвучить ее своим людям. Мердок, запри этого мстителя. Пойдем завтракать, дорогая.

* * *

Тропинка, достаточно широкая для лесной, слегка пружинящая толстым ковром хвойного опада, круто спускалась меж покрытыми темным мхом круглыми валунами, похожими на спины спящих троллей. Под ногами перекатывались обглоданные еловые шишки – видно здесь уйма белок. Бренна запнулась о камень и, словно, чтобы удержаться, схватилась за руку Асмунда. Он тут же перехватил ее ловчее, умастил в своей огромной ладони и больше не выпускал, слегка поглаживая пальцами запястье. Так они шли, молча, не глядя друг на друга, привыкая вновь к волнению и теплу своей чуть было не разрушенной за эти полгода близости.

– Я видела, ты поднимался из темницы – ходил расспро-

силь этого мальчика?

– Ну, не такой уж он и мальчик. Интересно? Довольно обычная история. Он был маленьким, сестра – подросток. Жили с матерью и отцом в небольшом доме, но на своем крохотном клочке. То есть без защиты. Местный лерд наверняка предлагал мастеру под свою руку, но этот глупец почему-то отказался. Имел маленькую кузню, работал по мелочи себе и соседям. Хватало, только не помереть с голоду, да заплатить налоги королю. Думал, никто не тронет, раз у них особо нечего брать? Однажды трое господ, дорого одетых и при оружии, заглянули коней подковать. Заплатили честно. Потом говорят, как водится: «Так пить хочется, что переночевать негде». И уходить явно не собирались при любом ответе. Что делать, пригласил не побрезговать, быть гостями. Накормил и выставил пиво. Надеялся – обойдется. Не обошлось. Покривились на пиво, но выдули бочонок целый и давай куражиться. Не почтительно смотришь, почему кроватей нет, торфом топишь и вообще воняет, стены закопченные, голытьба, а баба сдобная... Стали лапать хозяйку. Велели поставить еще выпивки и выметаться с детьми из избы, а жену оставить перины взбивать – согреть. Их трое. Мужик, видя, что они полные уроды и только ищут повод для пушей потехи, а помочь некому, отвел детей в сарай с сеном, а сам пошел в кузню посмотреть что подходящее, чем драться, если уж совсем... А может еще у них какая-то совесть проснется... Не тронут, так потискают... Кузню, по-

нятно, от дома близко не ставят – огонь, опасно. Вдруг видит – девочка в дом побежала, видно что-то услышала... Он схватил, парень не запомнил что, какое-то железо, да и бросился... В общем, когда испуганный ребенок зашел в родной дом, то, что он увидел... да ты сама поняла, птаха. Господа те уже ускакали на лошадях, подкованных его отцом, которому вспороли мечом живот. Паскудная это смерть. Схоронили. Мать повыла, отрыдала и пошла батрачить по соседям. А девочка ничего, вроде почти в порядке. Только стала странной, пряталась ото всех, перестала говорить, все на лавке лежала, отвернувшись к стене. А по весне вроде отошла, вставать стала. Вот встала раз, пошла погулять. И утопилась.

Такие дела, птаха.

– Так ты его отпустишь?

– За выкуп, Бренна. Настолько ли он тебе симпатичен, что ты готова заплатить за его жизнь?

– Не ожидала от тебя... Бренна высвободила руку и покраснела.

– Подожди, ведь ты не спросила даже, о чем речь. Я оставлю мальчишке жизнь и возьму его себе отроком – пусть отслужит. Но мне важно понять, стоит ли тратить время на его воспитание и обучение мечному бою. Некоторые люди по своей натуре не подходят, чтобы стать бойцами.

Есть такие, которые не жалеют себя и других. Если при этом человек руководствуется в своих действиях необходимостью, решает поставленную задачу – это на пользу. Отвага

или жестокость должны служить хорошо осознаваемой цели и не выходить за ее рамки. Иначе легко перейти грань, за которой начинается слабоумие или зверство. Это в самом нутре человека, не имеет отношения к уму и воспитанию – сложно изменить.

Если бойцом руководит ярость, или желание порисоваться, или насладиться страхом и болью противника или ... да что угодно – это не приведет к успеху. Цель боя, поединка одна – победить. Нанести необходимый и достаточный ущерб, а самому при этом серьезно не пострадать. Если убьют, или умрешь от ран, ты уже не сможешь защитить близких, помочь друзьям или отомстить – вообще ничего. В чем смысл?

Он убил кровника, по сути, пожертвовав собой. Зачем? Выбор места и времени, думай он головой, был явно неудачным. Я бы поступил иначе, использовал хитрость, чтобы убить мерзавца, и не поплатиться столь гарантированно. Не в замке господина, которому он служит, и где полно его товарищей. Не в таком месте, откуда не уйти. Нет бесчестья в том, чтобы обмануть врага, Бренна. Но это трудно, и на это тоже нужна твердость и решимость. Заранее сдаться, согласиться на простой размен легче. Если парень станет моим усыновленным, я постараюсь внушить ему, что важна не красивость, а суть поступков и их последствия, и что Волк бьется за свою жизнь до конца.

– Но он просто подросток, а Кален – воин, опытный и

жестокий. Мальчик сделал, что смог, ему случайно повезло убить взрослого бойца. Ты не много от него хочешь? Тебе его совсем не жалко?

– Жалко у пчелки в жопке, Бренна. Ох, думаю, мы часто будем ссориться из-за воспитания сыновей.... Ну, жалко... и что?

Ярл может испытывать сострадание, но чувства не должны влиять на принятие решения. Потому, что от этих решений зависит жизнь многих. Справедливость и здравый рассудок – никаких капризов и исключений не может быть. Потому, что на меня смотрят мои люди. И примеряют эти решения на себя, оценивают как вождя. Не я сужу их – они меня. Люди взвешивают, можно ли мне доверять, изучают, каких поступков можно от меня ожидать. Среди них мало глупцов, с дураками я не связываюсь. И могу иметь среди подчиненных друзей, но они будут наказаны за серьезную вину, как и прочие. Мне неприятно убивать безоружных или кого-то мучить. Но, если бы этот мальчик представлял реальную опасность для моих домочадцев, ну, мало ли... или владел жизненно важной информацией, я мог бы его пытаться или казнить, несмотря на то, что мне бы не хотелось.

К счастью, в этом нет необходимости. Однако, и отпустить так просто не могу... И что делать? Может посмотреть на его мужество вблизи, своими глазами, при этом как бы... передоверив решение богам? Откуда моим людям знать, что он был в своем праве? Чем докажет это? Пусть будет и наказан,

и испытан так, что никто не оспорит. Не скажут люди, что ярл Асмунд Торгейрсон позволяет подло резать своих людей и привечает убийц.

А то еще бывает, иной так суров, кому хочешь кровавого орла врежет. Но чуть попадет сам – очень себя жалеет. Прямо иногда не ожидаешь, удивительно даже, как раскисают такие лихие головорезы. Что ж, посмотрим.

Если мальчик совершил месть твердой рукой и с холодной головой – это достойное дело. Боги помогут ему.

Ордалия, Бренна.

– Это хорошая мысль. Но ведь это будет не слишком... тяжелое испытание? И при чем здесь я? Какой... выкуп?

– А вот этого я тебе пока не скажу. Соглашаться придется вслепую и даже не в переносном смысле, а в прямом.

И Асмунд достал из-за пазухи плотную черную повязку.

– Надеюсь, ты теперь не предполагаешь, что это как-то связано... с любовными утехами. Но, определенно, с острыми ощущениями.

– Будет больно?

– Я тебе хоть раз сделал больно, птаха? Не будет, не переживай, малыш. Наше тело – вообще-то ленивая и хитрая зверушка. Больше всего она любит нежиться в норке под одеялком, грызть что-то вкусное, наращивать жирок про запас. Но бывает благодарно и за минуты напряжения. Приятно вволю поплавать, помахать мечом, пробежаться... А если упражнение немного необычно и требует преодоления страха... Это

будет приключение. Соглашайся, Бренна, уверен, ты не струсишь.

– Но ведь мы шли на море?

– Море обязательно будет, ведь я обещал. Ну?

Бренна.

Асмунд затянул повязку, проверил, не слишком ли туго и не тянет ли волосы. Затем, взяв меня за талию, немного покружил, как в детской игре, приговаривая по-датски. Похоже, считалку. И куда– то повел за руку, стараясь идти не слишком быстро. Ему не удалось сбить меня с толку, я поняла, что мы идем вперед по той же тропе. Вдруг он остановился. И отпустил мою руку.

– Открой рот.

– Зачем?

– Ты забыла, что должна выполнять мои распоряжения беспрекословно?

Жесткая ладонь накрыла приоткрытые губы и протолкнула пригоршню мелкой лесной малины, ароматной и теплой от солнца. Так много.

– Что ты роняешь, не влезает? Поделись... М... малышка с малиной... Постой, вот еще кустик весь усыпан...

– Вроде ты обещал без любовных утех...

– Жадина. Ладно, пойдем.

Наверное, мы вышли из леса. Ноги вязнут в песке, солнце печет – больше нет тени деревьев, пахнет нагретой сосной

и шиповником – он растет на побережье особенный – низкий, стелется по песку плотным ковром. У него темно-зеленые морщинистые листья и цветы ароматнее, чем у садового – пахнут, как розовое масло из арабского флакона, а ягоды поспевают очень крупные и сладкие.

Но главное – запах моря: гниющие водоросли, солоноватая свежесть от воды, кричат чайки, а какие-то птицы вторят им из леса, легкий, почти неуловимый шум волн, и ветерок – такой ласковый – охлаждает лицо. От солнца и ветра оно все равно покраснеет.

Асмунд усаживает меня на толстый, причудливо изогнутый корень сосны. Я ощупываю его – шершавый и теплый как чешуя греющегося на солнце змея. Стаскивает с меня сапожки и тянет за руку дальше.

Нога наступает то на сухой хрусткий плавник, то на ломкую засохшую корку тины, а тут песок уже влажный, прохладный – кромка воды. Вода приятно охлаждает ступни после обжигающего песка, но я наступаю на острую гальку и ойкаю. Дальше начинаются одни камни, и Асмунд подхватывает меня на руки. Мне нравится, что он завязал мне глаза, хоть я и не подаю виду. Так ощущения и обоняние действительно острее. Его кожа на шее влажная и очень горячая, наверное, тоже покраснеет, ведь он еще хуже загарает чем я. Не могу удержаться от искушения лизнуть – он вздрагивает и стискивает меня, а потом слегка кусает за нос.

Мы явно куда-то поднимаемся: Асмунд держит меня од-

ной рукой, другой, наверное, подтягивается за какие-то корни, из-под ног его осыпаются камешки, он даже задышал тяжелее. Подсаживает меня, снова перехватывает, затем что-то похожее на подъем по широким ступеням, вдруг он охает и бранится, проклиная шипы дрока. Опускает меня на твердую неровную поверхность и ведет дальше за руку по узкой, но более пологой тропинке вверх. Потом снова подсаживает, и мы карабкаемся выше. Наконец, еще несколько шагов и останавливаемся. Асмунд снимает с моих глаз повязку.

У меня захватывает дух. Нет, здесь не очень высоко, но вид открывается действительно красивый: мы стоим на выветренной скале из красно-черного гранита, утопающей в плотных зарослях желтого дрока – феникс – куста, который может вспыхнуть в жару, а потом снова прорасти из пепла, так расчистив место для своей яркой буйной жизни. Кстати, он слегка ядовит, и царапина Асмунда теперь будет долго болеть и чесаться. В трещинах, куда набилось достаточно почвы, цветет лиловая лесная герань, кое-где поднимаются розовые свечки кипрея, покачиваются крупные колокольчики. А внизу сверкает море. Я никогда не смотрела на него сверху – интересно, такая изумительно прозрачная вода, совершенно лазурная, а прямо под скалой большое овальное пятно более густого, почти темно–зеленого цвета. Сюда ветерок не долетает, но гладь внизу подернута легкой рябью. Вдруг из-под скалы взмывает чайка и застывает прямо на уровне наших лиц, внимательно смотрит на нас круглыми янтарны-

ми глазами и с громким криком разворачивается прочь.

– Нравится вид? Я обнаружил это сокровище не так давно, но, оказалось, что старожилам хорошо известно это место. Они называют его «Око Маннанана». Присмотрись, видишь рябь на зеленом пятне? И оно иногда чуть меняет цвет. Видишь, вот сейчас поверхность пятна становится светлее.

– Да... Что это?

– Это собираются пузырьки. Такая кипящая чаша. На дне выходит газ. Крупные пузыри на поверхность не поднимаются, разходятся, но мелкие делают воду как бы более... рыхлой. Это идеальное место для ныряния, удар о воду много мягче.

Там очень глубоко, никто из местных не смог похвастаться тем, что донырнул до дна этой ямы. Да они не очень-то охотно даже приближаются к этому месту, потому что считают его заколдованным. Они верят, что дурного человека – лжеца, предателя, преступника или того, кто имеет худые помыслы, сразу утянет на самое дно. И поэтому не рискуют... ведь мало у кого не случается дурных мыслей.

– И ты решил бросить туда этого юношу?

– Зачем же «бросить»? Он сам прыгнет. Со связанными, правда, руками. Вынырнет, поболтается немного, и мы его вытащим. Маннанан его не заберет, стало быть, он чист делами и помыслами. Это абсолютно безопасно. Там действительно нет дна и, стало быть, не грозит напороться ни на какие камни и коряги. Вода сама выносит на поверхность, на-

до только не впадать в панику, не стараться дрыгать ногами. Напротив, надо вытянуть ноги и руки вдоль тела, чтобы аккуратно войти, а когда вода вытолкнет, глотнуть побольше воздуха и снова немного опуститься. Тут не тащит на дно, наоборот – держит. Только главное не дергаться, отключить инстинкты и включить голову, стараться держаться вертикально и дышать, когда приподнимает. Его задача – продержаться, пока я не спою до конца песенку. Вот эту:

Лесная дева у маленькой Иды
Гребень ukrала, в кудель замотала
Черный ворон с крылом перебитым
Нашел на могиле кольцо золотое
Бабка-болотница варит пиво, солит гнилушки, жарит лягушку

Старый тролль едет жениться,
А свинью могильную не пригласили.
Мертвая лошадь на трех ногах
Везет молодых на санях в Мьер
Но худо им на белой скале
Отплясывать халлинг и крепкий пить
Из золотых рогов бьер
Каменный крест в Довре стоит
Хольгер Датчанин в кургане спит
Убив всех своих врагов
Но старый тролль едет жениться
Лесная Дева ukrала гребень

Ворон нашел золотое кольцо
Баба-болотница варит пиво
А свинью могильную не пригласили
Плачет Габу и маленький Тук
Подарки хюльдры снаружи красны,
Снаружи пестры, да пусты изнутри
Золотые рога и гусек-скакунок
Хольгер-Датчанин в кургане спит,
Каменный крест в Довре стоит
Но старый тролль едет жениться
А свинью могильную не пригласили
Кабан Золотая Щетина
Роет клыками землю
Подарки хюльдры пусты изнутри
Маленький Тук плачет навзрыд
Дева украла у Иды гребень
Ворон нашел золотое кольцо
Бабка-болотница варит пиво
Старый тролль едет жениться
А свинью могильную не пригласили.

Вообще-то это детская песенка, ее поют ребятишки в Дании, и это можно петь бесконечно, пока не надоест. Но я прикинул время, которого будет вполне достаточно.

Посмотрим, так ли холодна голова нашего мстителя и хорошо ли она соображает.

Но, если ты сейчас не струсил, леди Бренна О'Брайен эсп Мумман, я и охрана отвернемся, когда ты шепнешь пленнику несколько слов о том, как надо вести себя во время испытания.

– Что я должна сделать, не тяни.

– Ну, разумеется, прыгнуть. Испытать на себе. Надеюсь, ты не слишком часто думала о дурном? И уж, конечно, никогда не совершала предосудительных поступков.

– Откуда ты знаешь, что я совершала и о чем думала... Я никогда не прыгала в воду с высоты. Я не смогу.

– Со мной за руку, Бренна. Я жутко хочу спасти тебя, а потом поваляться на горячем песочке.

– Да я просто не смогу. Я даже к краю боюсь подойти.

– Прыгать не страшно. Надо только вытянуть в полете носочки, как когда танцуешь кейли, ноги – прямые и руки вниз.

– Там наверняка ледяная вода. Нет, ни за что.

Асмунд схватил меня за руку и почти насильно подтащил к краю.

– Посмотри, здесь не так и высоко. Тебе понравится, еще попросишь. Ну же... Я так и знал. Ладно, пошли домой.

Я поняла, что если не преодолею панический страх, не решусь, наш чудесный день наедине будет безнадежно испорчен. И вечер тоже. Не хотелось видеть разочарование в его глазах. Ну, не даст же он мне и вправду утонуть?! Уловив мои колебания, он, пока я снова и окончательно не перетрусила, обнял меня и заглянул в глаза.

– Ты же мне доверяешь, малыш? Я прыгал отсюда раз десять. Это здорово. Ну, давай, снимай платье.

Глубоко вдохни и выдохни несколько раз. Давай. Теперь вдохни как можно глубже и задержи дыхание. На три!

Мелькнула серая стенка скалы и желтая масса дроба, сердце скакнуло в горло, в похолодевшем животе что-то сжалось. Я успела вытянуться, как Асмунд мне велел и, стиснув изо всех сил его руку, крепко зажмуриться.

Мы ушли глубоко, но удар о воду действительно был таким мягким, что я даже удержала воздух и открыла под водой глаза. И увидела довольное лицо Асмунда сквозь зеленую толщу и мириады крошечных пузырьков. Его длинные волосы качались вокруг лица, и он улыбался мне прямо под водой.

Я вдруг осознала, что со вчерашней ночи Асмунд перестал быть таким серьезным, скованным, и что я в первый раз вижу, как он целый день забавляется и бездельничает. Словно раньше он держал себя, не позволяя никакого веселья и ребячества, наказывал, запретив себе радость. И то, как он улыбается мне – впервые со дня, когда вернулся из Асприна в день Ламмаса.

* * *

– Ну, посмотри внимательнее, Бренна. Третий ряд слева, сверху – подсказываю. Я тебя сейчас окружу и уничтожу. Убирай скорее свой камень или закрывай.

Мы уютно устроились в моей комнате с выпивкой и доской для фидхел. Меня уже начала раздражать досада, я ни разу не выиграла. Асмунд ужасно хитрый и внимательный. К тому же я волновалась, поскольку понимала, что все не закончится завершением очередной партии. Как он сказал. «Нельзя сказать, чтоб этот день был худшим из наших дней, моя леди, а вечер много обещает...»

Поэтому я налегала на бьер и нервно грызла второе яблоко. Асмунд зажег новые свечи и затушил огарки.

– Ты рассеянна. Устала или думаешь о другом? Или... волнуешься?

– Зато от тебя ничто не укроется. Я устала, волнуюсь и просто плохо играю в такие игры. Стратегия – твой, а не мой конек. Ты намерен и дальше тянуть время и мучить меня, гоняя по доске?

Асмунд собрал камешки в мешочек, убрал доску и отобрал у меня кружку.

– Хватит, а то в отхожее место бегать далеко и холодно. Ладно. Иди, помогу тебе избавиться от платья.

Я встала с похожего на козлы стула, ноги отказывались переступить. Ну, просто жесткий, неудобный стул – затекли от долгого сидения в напряженной позе. Я подошла и повернулась к Асмунду спиной. Он деловито и быстро распустил шнурки, помог мне стащить через голову платье, скинул на тот же стул куртку и, взяв меня за руку, подвел к кровати.

– Бездна, Бренна, у тебя ледяные руки и ты трясешься, как

овечий хвост. Прекрати, я не сделаю ничего, чего ты сама не захочешь. Я действительно тогда расстроился, после нашей свадьбы, я имею в виду. Потому, что хотел, чтобы у нас в первый раз все было не так.

– А как...

– Сейчас узнаешь. Ты готова? Или отложим? Нет, скажи вслух.

– Да... А можно мне бранвина?

– Зачем это? Хочешь напиться, моя храбрая девочка? Нет, нельзя.

На сегодня наша главная цель – забыть о терпении. Терпеть ты всю жизнь училась, а сейчас придется разучиться. Никогда не терпи, если я не прошу тебя...немного потерпеть... Ну, потом поймешь разницу. Мы знаем, что ты прекрасно умеешь притворяться. Разучись это делать, когда ты со мной. Я буду прикасаться к тебе, ласкать. Не закрывай глаза, смотри на меня, не думай, отключи голову. Позволь себе почувствовать, что тебе нравится. Если что– то не так или хочется иначе – скажи. Я хочу, чтобы ты делала это безо всякого смущения. Не старайся для меня. И говори мне все, всегда, не бойся разочаровать или обидеть.

– Но, может, я хочу сделать то, что нравится тебе?

– Мне будет хорошо в любом случае, поверь. Теперь сними рубашку.

– Я... не хочу.

– Ты просто умница. Я вижу, ты все поняла. Ладно, пока

можно и не снимать...

– Но ты не понял: я всего вот этого – не хочу. Говоришь можно не бояться тебя разочаровать или обидеть? Зря ты так – все, что связано с постелью может сильно ранить. Мне не нравится сама идея. Она ведь не твоя, верно, Асмунд?

Лис при всем его опыте и уме ничего не смыслит в человеческой любви. Я поняла: вместо того, чтобы сказать мне о своих чувствах, и прямо спросить о моих, ты решил посоветоваться с Ренаром, и он тебе...присоветовал. Ведь для Лиса, который живет целую вечность, любовь – только чистая радость и наслаждение, ни в коем случае никакой боли. Потому, что он может испытывать необходимые для этого чувства к кому угодно. Ведь почти каждого есть за что полюбить. Вся его жизнь – бесконечный карнавал перевоплощений, фиеста с фейерверком острых ощущений. Люди заменяемы – просто очередной подарок Бытия. Было интересно распаковывать, испытал восторг узнавания и обладания, понравилось, спасибо. А вот и следующий сверток с лентой, ура.

Нет, не надо сравнивать с вещами, конечно. Скорее, они для него просто партнеры по игре, которые ...как он говорил? А... «Кладут свои драгоценности в Великий Алхимический котел...» Я не очень поняла, на самом деле. Ясно только, что он не нуждается по-настоящему ни в ком, ресурсы ведь можно получить там или тут – неважно. Лис – мудрое, древнее и, по сути, холодное существо, хоть и может

проявлять человечность – но она только одна из граней его личности.

А мы с тобой обыкновенные люди, не можем с легкостью заменять тех, кто становится близок, поэтому нам любовь может принести настоящее страдание. Ты просто испугался боли, зная, как она может быть нестерпима. Ведь так, Асмунд? Поэтому ты побежал к Лису за верным средством, волшебным рецептом?

– Бренна, послушай...

– Не перебивай, прошу! Наконец я поняла, почему временами ты сам на себя не похож. Что ж ты просто не пригласил Ренара к нам присоединиться? Третьим, а? Он точно бы не отказался. Или может быть лучше традиционно: уступил бы ему право первой ночи, как магически более сильному? Другу же можно? Как в саге о Сигурде? Ты прекрасно ее знаешь, как Сигурд принял облик Гунтера, преодолел кольцо колдовского огня вокруг замка и провел ночь с прекрасной Брюнхильд...

– Бренна! Что ты ...

– Минуточку! Ты же сказал сам: «безо всякого смущения...говори мне все». Вот и послушай. Ты заботаешься не обо мне, а о себе. «Мы знаем, что ты прекрасно умеешь притворяться» – так ты думаешь? Обо мне? Кажется, ты меня с кем-то путаешь. Ты ведь боишься, вдруг выйдет как с Сольви. Не можешь представить, что женщина просто хочет именно тебя, без уловок и расчета? Что трясет ее не только

от страха и уж, конечно, не от отвращения? Ты первый мне не доверяешь и никогда не доверял. Думаешь, я стану изображать, что мне хорошо с тобой, чтобы добиваться своих маленьких целей, а сама просто терпеть или думать о ком-то другом – о Хауге или, может, о Ренаре? Притворяться, как это делала она? И не рассчитывай. Ты ошибаешься, как раз этого-то я не умею. И сейчас не стану. Я отдала тебе свое сердце, а ты заставляешь почувствовать себя, словно в борделе. Признаюсь, что надеялась и от тебя услышать слова любви, а не это вот... Спокойной ночи, мой лерд.

Бренна.

Если просто встать и пойти к нему? Хочу, чтобы он согрел меня в объятиях, простил, запустил пальцы в волосы, утешил или развеселил, как раньше, легко, как он может... Почему так больше нельзя?

Он уже лег, вымотался за день, а я никак не оставлю его в покое. Асмунд много работает, устает. Все время что-то чинит, строит, кого-то учит, с чем-то разбирается, от него зависят люди... Зачем я сказала про Сольви? А вообще-то я была права, хоть, конечно, обидела его. Почему же мне так горько и одиноко? Я сама справлюсь...уже...ну, почти.

Что бы сказал Ренар, попроси я сейчас совета? «Позаботься о себе: попроси, что тебе необходимо. Разве Асмунд не способен понять твои чувства?».

Достаточно пробежать по ледяному полу в темноте и

толкнуть всем телом тяжелую дверь. Как в детстве, когда бежала ночью в постель к Уне, подгоняемая детским воображением и сквозняком, и сердце так колотилось... Просто откинуть одеяло и спустить ноги на пол. Ну же!

Асмунд приподнимает огарок, чтобы разглядеть мою фигуру у двери. Вид, как у настоящей леди: растрепанная, чуть не с колтуном, в длинной ночной рубашке и босиком.

– Бренна? Зачем ты пришла?

– Мне не спится. Ужасно захотелось к тебе.

– Представь, мне тоже. Но, прости, я не могу... разговаривать. Тебе лучше пойти к себе и лечь.

– Почему у тебя тут такой дикий холод? Как в каменном мешке. Ты никогда не протапливаешь?

Асмунд мгновенно оказался рядом, молча подхватил меня под коленки и отнес на постель. Укутал, принялся разжигать камин. В темноте белела его рубашка. Наконец, пламя осветило комнату. Он подошел к кровати и, опустившись на колени, легонько провел пальцами по моей щеке и губам. Затем теплые ладони повернули мое лицо к свету огня, и он заглянул мне в глаза. Серьезно и строго.

– Тебе не спится. И ты надеялась крепко уснуть и отлично выспаться в моей постели?

– Я все поняла. Я поняла, что случилось, Асмунд. Помнишь «Руны судьбы» – волшебную игру? Мы попытались их обмануть, ведь мы оба отказались от своего желания любить друг друга, и за это руны нас наказали. Ренар сказал, что за-

гаданное все равно окажется осуществленным, но если мы станем жульничать, выйдет нам боком.

Асмунд не смог сдержать улыбки, но постарался поскорее ее спрятать.

– Глупышка смешная, он же сам все и выдумал. Игру эту и магические правила. Просто хотел нам помочь.

– Ну, разве это важно, что выдумал? Все оказалось правдой.

– Так ты пришла, чтобы поделиться со мной этим ценным озарением?

– Нет...

Мне не легко было произнести эти слова, да еще глядя в глаза, ведь он так и держал меня, не давая отвернуть лицо. Но я нашла в себе силы промямлить:

– Я пришла попросить прощения. Ты доверил то, болит, когда рассказал о вас с Сольви, открылся, чтобы помочь мне. А я тебя этим уколола. Прости, я никогда так больше не поступлю.

– Извинения приняты. Это все?

– Нет. Я пришла, потому что хотела к тебе...

Асмунд молча встал, отошел к камину, нагнулся, выбирая самые толстые поленья. Подбросив их в огонь, он осторожно присел на край кровати.

– Бренна. Асмунд с силой потер ладонями лицо. Помолчал. У него действительно усталый, измученный вид. – Я больше не хочу играть.

– Не злись... Я думаю, игры – вообще не наше. Не стоило и начинать. Да, мне Ренар действительно нравился: его обаяние, увлекательность флирта, неоднозначность происходящего, его дерзость, странный взгляд на, казалось бы, понятные вещи. Но, хоть это остро и волнует, это не про нас с тобой. Нам игра в отношениях не свойственна – надо принять, что я слишком труслива, а ты во всем слишком правильный, серьезный, рассудочный и осторожный, что бы ты ни говорил. И да, мы не подходим друг другу по темпераменту, Лис был прав. Не знаю, хорошо это или плохо, все равно мы ничего не можем тут изменить... Мне надо выпить. У тебя есть что-нибудь?

– Я подогрею бьер.

– С этого дня – никаких игр. Но давай закончим по-честному.

Во-первых, ты ведь остался должен мне желание еще с тех пор. Ты думал, я забыла? Нет, просто приберегала на крайний случай. Теперь он настал. Правда, вчера я чуть было не потратила его на глупого мальчишку. Хотела попросить отпустить, но и так все обошлось благополучно... Во-вторых: Мне твои действия не доставили наслаждения, а только обидели и взбесили. Значит, по правилам – моя очередь. И я даже не обязана была что-то объяснять и оправдываться. Так что подчиняешься теперь ты. Ясно?

– Более чем. Вот бьер. Или может что-то покрепче? Но можно сперва узнать, моя леди, что же душеньке твоей угод-

но?

– Я хочу, чтобы было как прежде... Хочу... чтобы ты рассказал мне сказку.

– Бренна. Мне жаль, но вся магия мира не сможет сделать как прежде. Нельзя войти в одну реку дважды. Но сказку я могу тебе рассказать. Что-то еще?

– Нет. Тогда только сказку. Потом. А сейчас иди сюда.

Я поставила на пол кружку с бьером, стянула рубаху, кинула ее куда-то в темноту и снова схватилась за кружку, цепляясь за ощущение от ее гладкого обжигающего глиняного бока. Я успею сделать еще глоток...

Асмунд смотрел на меня, не двигаясь.

– Я хочу, чтобы ты воплотил одну из твоих фантазий в лесу. Любую, только твою, а не Ренара. Что мне сделать?

– Ну, вот зачем, Бренна? Глупая ситуация, из которой нет хорошего выхода. Как бы я ни поступил, выйдет обидно для тебя, а я буду виноват. Натягивай свой саван обратно и иди спать. Завтра расскажу сказку тебе и Мели, обещаю.

Я в ярости швырнула кружку с недопитым бьером, попав Асмунду прямо в грудь. Даже в полутьме было видно, как расплывается по тонкому льну темно-красное пятно. Асмунд, содрав рубашку, бросил ее на пол и шагнул к кровати.

– Клянусь, через минуту я тебя уже не отпущу, даже если ты предсказуемо передумаешь. Ты можешь уйти сейчас.

– Не говори больше никогда, будто я не понимаю, чего

хочу. Я хочу, чтобы ты принимал меня всерьез.

Я не двинулась с места, заставляя себя встретить его взгляд. И успела только жалко пискнуть, когда он сгреб меня, даже кости хрустнули... Но он тут же ослабил объятия и склонился, обеспокоенно вглядываясь в мое лицо.

– Прости, я не хотел напугать. Моя родная, девочка моя бедная...

Он поцеловал меня нежно и бережно. Я почувствовала огромное облегчение. Так не может целовать тот, кто холоден, равнодушен или обижен. Мы помирились.

* * *

– Ты обещал мне новую сказку. Хочу прямо сейчас.

Мои пальцы снова отправились в путешествие по холмам и долам, выписывая сложный рисунок на плечах, груди, обводя узоры татуировок, соски, путаясь в волосах, спускаясь к животу... Асмунд перехватил мою руку за запястье и поцеловал.

– Ну, хорошо, слушай. Но, если не перестанешь баловаться... надо чуть отдохнуть, птаха.

Это случилось давно, в замке на берегу моря. Точнее замок в незапамятные времена стоял на острове, а затем, в течение столетий, море постепенно отступало, окрестные скалы крошились и, наконец, образовался перешеек, связывавший остров и материк. Но он был все еще под водой, только мелкой, можно было конному перейти вброд. Надо было

хорошо знать путь....Этот замок тысячу лет назад построили альвы. В благодарность Лейву Веселому, который спас их короля и знатных членов совета. Дело в том, что совет этих мудрых волшебных человечков происходил на священном камне на вершине скалы. Но некий враг чародейством обрушил скалу, и крошки-альвы полетели вниз, на острые пики обломков. А Лейв отразил щитом летящие камни и поймал всех альвов в свой плащ.

– И попросил у них замок?

– Да, замок-городок на острове, прекрасный и неприступный и с суши, и с моря. Потому, что там мелко. На корабле не подойти.

– И что же там случилось?

– Это случилось века спустя. Тогда замок был уже много раз перестроен, от альвовой постройки остался только фундамент, подземные ходы, усыпальница, темница, несколько тайников и выходов за стену к морю, да древний колодец. А сам замок и городок сильно изменились. Там было все как в столице – улочки мостили розовым камнем, белые домики утопали в каскадах синих глициний, завезенных из далекого теплого Рима. Знаешь, такой город Рим действительно есть. Там живет ваш главный монах.

– Конечно, знаю.

– Еще там были богатые дома причудливой постройки – с башенками, витыми наружными лесенками, витражными окошками. Девушки, обитавшие в башенках были все как

одна прекрасными гордячками, а их папеньки, без исключения, хитроватыми добродушными толстосумами.

– Что-то ты выдумываешь этот городок, по-моему...

– Так ведь ты же сказку хотела.

И вот, однажды, когда на море уже опустились сумерки, на горизонте показался корабль. Смотрящие зажгли малые огни, обозначая фарватер, с корабля спустили лодку. Она была небольшая – три пары гребцов – но очень красивая. Горели позолотой резные борта в свете факелов, и носовая фигура змея смотрела на наш городок красными глазами огромных сардоников. Лодка заскользила к берегу, а корабль растворился во мгле. Портовая стража направилась им навстречу, имея на борту чиновника для досмотра груза и взимания соответствующей подати. Владелицей лодки назвалась молодая женщина, которая, к удивлению портовых служащих, прибыла одна. Гребцы были ее рабами. У женщины не было никакого товара и даже собственного скарба. Только то, что на ней – алое бархатное платье и мешочек из меха куницы на поясе.

– Кто была эта женщина?

– Я думал ты спросишь, что было в мешочке.

– Ну и что же там было? Асмунд, прекрати, мне щекотно.

– Нет, это еще не щекотно моя леди... Вот если провести бородой здесь, где так нежно... И немного прикусить так... нет, лучше тут... Тогда ты, возможно, будешь пищать.

– Я не буду... пищать.

– Посмотрим...

– Ну, Асмунд, перестань, так нечестно. Рассказывай дальше.

– Прости, не могу...уже хм... отдохнул. Можно я брошу ее в камин? Иначе ты снова натянешь эту тряпку при первой возможности.

– Хоть скажи, что было в мешочке.

– Что-что...мертвая сушеная голова. Из нее потом сделали магический палантур или...мяч для игры. Или она произнесла пророчество. С головами это бывает. Еще не придумал... Убери волосы и повернись ... Ну, Бренна... хочу сначала поцеловать каждый позвонок начиная отсюда...

– Я думаю...

– Птаха думает...Мы знаем, как это может быть опасно. Но мы сейчас предотвратим ...

– Я думаю, что Иисус ведь видит нас...

– Бездна! Ты нарочно смешишь меня? Ну, конечно, боги взирают на наше ложе. Не всем асам и сидам любопытно, но Луг и Фрейя просто обязаны всю ночь стоять и смотреть, как я люблю тебя. Так пусть они подвинутся, и твой Иисус посмотрит, нам не жалко.

– Прекрати богохульствовать. Я же не об этом.

– Уже прекратил...

15 июля 2020.

В оформлении обложки использованы фотографии из личного архива автора.